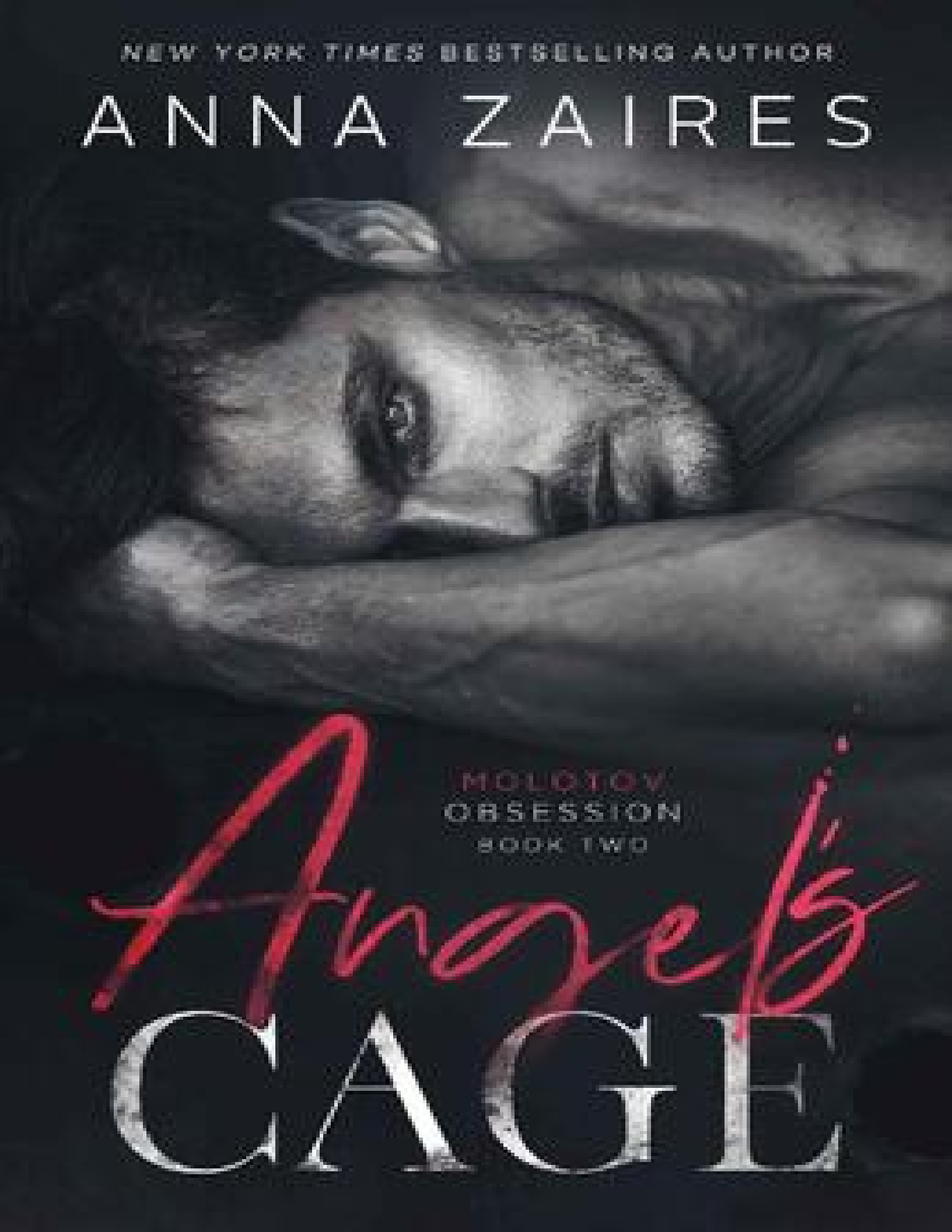

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

ANNA ZAIRES

MOLotov
OBSESSION
BOOK TWO

Molotov's

CAGE

Вернувшись в логово дьявола, я во власти человека, который очаровывает и пугает меня, нежного убийцы, чья одержимость мной растет с каждым днем.

Николай Молотов в такой же мере мой похититель, как и мой защитник, его резиденция и моя убежище, и моя золотая клетка.

Если бы я только могла устоять перед его смертоносным соблазнительным прикосновением... или побороть его растущую власть над моим сердцем и разумом.

Потому что, как бы я ни копался в загадке его прошлого, я все еще не знаю ответа на самый главный вопрос: Насколько опасна его любовь ко мне?

Перевод группы t.me/maryhotbooks

1

Хлоя

Я вернулась. Снова в логове дьявола.

Эта мысль крутится в моем ослепленном болью сознании, когда машина подъезжает к ультрасовременному горному особняку Николая. На подъездной дорожке нас ждут с каталкой мужчина и две женщины в больничной форме — предположительно, бригада медиков, о которой упоминал Николай. За ними Алина, сестра Николая, ее красивое лицо бледное и озабоченное.

Все это я регистрирую только мимоходом. Все мои чувства поглощены мужчиной, который собственнически держит меня на коленях.

Николай Молотов.

Сам дьявол.

Его сильные руки обвивают меня, прижимая к своему большому телу, и хотя я только что видела, как он убил двух человек, я не могу не чувствовать утешение от его прикосновения, его тепла, его знакомого кедрового и бергамотового запаха. запах. Его вкус остается на моем языке, мои губы пульсируют от его поцелуя, и, как бы мне ни хотелось отрицать это, страх — не единственная эмоция, наполняющая мой желудок при мысли о том, что он держит меня здесь против моей воли.

— Еще несколько секунд, зайчик, — бормочет он, приглаживая мои волосы, и по мне пробегает дрожь, когда мои глаза встречаются с его ярким тигриным взглядом.

Я вижу монстра под его красивым фасадом. Теперь ясно как божий день.

Павел выпрыгивает из машины первым, открывая нам дверь, и волна головокружения обрушивается на меня, когда Николай вылезает наружу, прижимая меня к своей груди. Хотя он и осторожен, это движение вызывает приступ тошнотворной боли в моей руке, и далекие горные вершины кружатся в моем поле зрения, пока он осторожно кладет меня на каталку.

Зажмурив глаза, я сосредотачиваюсь на дыхании и не теряю сознание, когда меня вкатывают в дом, а Николай отдает приказы бригаде медиков в перерывах между разговором по-русски с Алиной и Людмилой. Я полагаю, он объясняет, что произошло, но мне слишком больно, чтобы волноваться в любом случае.

В меня никогда раньше не стреляли, и это не весело.

Когда я открываю глаза в следующий раз, я уже в своей спальне, а доктор и его команда суетятся вокруг моей каталки. Через несколько секунд к моей левой руке прикрепляют капельницу, и я подключаюсь к нескольким мониторам. Я понятия не имею, откуда взялось все это медицинское оборудование, но моя спальня, похоже, превратилась в больничную палату.

Доктор, уже в халате и хирургической маске, спрашивает, нет ли у меня аллергии на латекс или какие-либо лекарства, натягивая пару перчаток.

«Нет», — хриплю я, и одна из медсестер прикрепляет пакет с жидкостью к верхней части стойки для капельниц. Мгновенно меня охватывает приятное утомление, от которого тяжелеют веки.

Последнее, что я вижу перед тем, как мир исчезнет, это Николай, стоящий в углу комнаты, его золотые глаза устремлены на меня с яростной напряженностью. На его скуле все еще темное пятно — кровь человека, которого он пытал, чтобы получить ответы, — но сладкое облегчение от анестезии растекается по моим венам, и я не могу сдержать кривую улыбку, которая искривляет мои губы.

Я защищу тебя, сказал он, и, поскольку тьма поглотила меня, я ему верю.

Он защитит меня от всех, кроме себя.

2

Николай

Моя сестра перехватывает меня, как только я выхожу из комнаты Хлои. Должно быть, она все это время стояла в коридоре.

"Как она?"

— Она будет жить, не благодаря тебе. Мой тон суров, но мне плевать.

Это Алина виновата, что мы в этой неразберихе. Она сказала Хлое, что я убил нашего отца. Она дала ей ключи от машины, что позволило ей сбежать.

При моих словах Алина вздрагивает, но стоит на своем. Ее лицо по-прежнему бледное и одутловатое, но зеленые глаза ясны, и от нее уже не пахнет коктейлем с наркотиками. — Я имею в виду, каково ее состояние? Что сказал доктор?"

Я вздыхаю, проводя рукой по волосам. «Ей повезло. Пуля прошла прямо через руку, едва задев кость. Она потеряла много крови, но недостаточно для переливания. У нее также вывихнута лодыжка. Кроме того, она вся в синяках и царапинах.

«Коля...» Моя сестра выглядит такой несчастной, какой я ее никогда не видел. "Мне правда жаль. Я не знала о..."

"Остановись." Я не в настроении выслушивать ее извинения и оправдания. Возможно, она не знала об убийцах, охотящихся на Хлою, но это не оправдывает того, что она сделала. Как и тот факт, что она была под действием лекарств. Прежде чем сказать что-то, о чем потом пожалею, я спрашиваю: «Где Слава?»

«Людмила водила его в гости к охранникам. Я попросила ее пока держать его подальше от дороги, учитывая... ну, знаешь. Она машет рукой в сторону двери Хлои.

"Хорошая мысль." Я знаю, что не должна нянчиться со своим сыном, но мне странно не хочется подвергать его жестоким реалиям нашей жизни, как это делал со мной наш отец. Охота и рыбалка — это одно, я рад, что Павел учит Славу этому наряду с другими важными жизненными навыками, но я бы не хотел, чтобы он видел своего наставника в крови.

Со временем он узнает, что значит быть Молотовым, но не сейчас.

Алина вздохнула с облегчением от моей похвалы. "Так что же случилось?" — спрашивает она, следуя за мной, пока я иду в свою комнату. — Кто послал за ней убийц?

"Это долгая история." Один я все еще перевариваю себя. — Достаточно сказать, что она все еще в опасности.

Алина хватается за рукав, и я останавливаюсь. — Значит, ты не...?

"Я это сделал." Я всадил пулю в мозг одному из убийц, а другого ранил так сильно, что вскоре после этого он умер, но не раньше, чем я узнал от него имя.

Имя, с которым я все еще пытаюсь разобраться.

Моя сестра смотрит на меня с хмурым взглядом на лбу. — Но ты думаешь, что их будет больше.

"Я в этом уверен."

"Почему? Кто она, Коля?"

— Вот что я намерен выяснить.

Вырвавшись из ее объятий, я захожу в свою комнату и закрываю дверь.

Хотя Хлоя все еще в постели, мне не терпится вернуться к ней, поэтому я быстро принимаю душ и переодеваюсь. Затем я отправляю сообщение Константину, сообщая ему о том, что я узнал, и прошу его команду хакеров изучить человека, которого убийца назвал своим работодателем.

Том Брансфорд.

Кандидат в президенты, который может быть отцом Хлои.

Она еще не знает, что последняя часть, и я не знаю, должен ли я сказать что-нибудь о своих подозрениях, пока у меня нет более конкретных доказательств. Прямо сейчас улики в лучшем случае косвенные, и если я ошибаюсь, у Хлои будет еще больше причин думать, что я извращенный монстр.

Который я есть. Я просто не хочу, чтобы она так думала обо мне.

Моя грудь сжимается, когда я представляю милую, сияющую улыбку, которую она подарила мне до того, как подействовали лекарства внутри капельницы. Я хочу большего, а не того пустого, испуганного взгляда, который был у нее в лесу, когда я подошел к ней с пистолетом в руке, убив одного из нападавших и ранив другого.

Я никогда больше не хочу видеть это выражение на ее лице.

Алины уже нет, когда я выхожу в коридор и спешу обратно в комнату Хлои. Я знаю, что с ней все в порядке, когда за ней наблюдают врач и медсестры, но я не могу избавиться от беспокойства, которое гложет меня каждый раз, когда она исчезает из поля моего зрения. Она была чертовски близка к смерти. Если бы я появился через несколько минут, если бы команда Константина не смогла взломать спутник АНБ, чтобы определить ее точное местонахождение, если бы пуля пробила ее тело в нескольких дюймах левее — существует бесконечное количество способов, что это могло оказаться по-другому.

Бесконечное количество способов, которыми я мог потерять ее.

«Она должна прийти в себя через несколько минут», — сообщает мне доктор, когда я вхожу в ее палату. Он один из лучших хирургов-травматологов в штате; Павел доставил его и его команду на вертолете из Бойсе за непомерную плату, на которую можно купить как их услуги, так и их свободу действий.

"Хороший. Спасибо." Не обращая внимания на взгляды двух медсестер, я приближаюсь к Хлое, болезненная боль сжимает мою грудную клетку, когда я замечаю сероватый оттенок ее бронзовой кожи. Они смыли кровь и грязь с ее лица и рук и одели ее в больничный халат, но ее волосы все еще спутаны, и в золотисто-каштановых прядях застряла пара веточек и листьев.

Я убираю обломки и бросаю их на столик рядом с ее каталкой. Я ненавижу видеть ее такой, такой маленькой, хрупкой и раненой. Я бы все отдал, чтобы принять эту пулю за нее, или еще лучше, чтобы проснуться на несколько часов раньше, чтобы остановить ее от ухода.

Протянув руку, я нежно поглаживаю костяшками пальцев ее изящную челюсть. Ее кожа

мягкая и теплая. Не в силах удержаться, я провожу большим пальцем по ее слегка приоткрытым губам. Плюшевые, кукольные губы, верхняя чуть полнее нижней. Грешные уста, способные соблазнить святого — не то, чтобы я им был и когда-либо был.

Отдергивая руку, пока мое тело не успело отреагировать неадекватно, я подхожу к стулу в углу комнаты и сажусь ждать, пока доктор исчезнет в ванной. Медсестры упаковывают припасы; как только Хлоя придет в сознание и станет стабильной, они уйдут.

В соответствии с обещанием доктора, прошло всего несколько минут, прежде чем Хлоя пошевелилась, слабый звук сорвался с ее губ, когда ее веки распахнулись. Я тут же вскакиваю на ноги и иду к ней через комнату.

— Привет, — сонно бормочет она, моргая. — Они уже...

— Да, зайчик. Я осторожно сжимаю ее левую руку, стараясь не сместить капельницу в ее руке. Ее нежные пальцы холодеют в моей хватке, несмотря на простыню, прикрывающую ее до груди. "Как ты себя чувствуешь? Хочешь что-нибудь выпить?"

Она снова моргает, все еще явно ошеломленная, поэтому я нажимаю кнопку, чтобы поднять головку ее каталки в полусидячее положение, а затем подношу чашку с водой через соломинку к ее губам. Она жадно сосет его, заставляя меня улыбаться.

Доктор суетится, и я отступаю, позволяя ему и его команде делать свое дело. Медсестры перевязывают правую руку Хлои, пока он задает ей несколько вопросов и берет ее жизненно важные органы; затем они удаляют капельницу и все оборудование для мониторинга.

Она считается бодрствующей и стабильной.

«Принимай это от боли по мере необходимости», — говорит ей врач, ставя на стол пузырек с таблетками. — И постарайся не намочить повязку. Его нужно будет менять каждые двадцать четыре часа. Он смотрит на меня, и я киваю.

У меня достаточно опыта работы с огнестрельными ранениями, и я была бы более чем счастлива сыграть роль медсестры Хлои. Что меня не устраивает, так это обезболивающие, но я знаю, что они ей понадобятся.

Ее травма может быть не опасна для жизни, но все равно будет чертовски больно.

«Вот, я понял», — говорю я, когда медсестры поднимают Хлою, предположительно, чтобы перенести ее на кровать. Отгоняя их, я осторожно беру ее на руки и сама несу туда — задача несложная, ведь она едва ли тяжелее Славы. Хотя она ела как дровосек всю неделю, что провела здесь, мой зайчик все еще слишком худой после месяца беготни.

Она вздрагивает, когда я укладываю ее, и я чувствую это как удар в живот. Я никогда раньше не был настолько интуитивно настроен на другого человека, что ощущаю ее боль как свою собственную. Если у меня и были какие-то сомнения относительно того, что она для меня значит, они исчезли, как только я увидел, что ее «Тойота» ушла из гаража.

Я никогда не испытывал такой ярости и ужаса, как когда узнал, что убийцы в этом районе — когда я подумал, что могу не найти ее вовремя.

Мои кишки скручиваются, и я отбрасываю эту мысль, пока не возник соблазн задушить Алину. Сейчас важно, что Хлоя в безопасности здесь, со мной. Я уже сказал Павлу усилить нашу охрану на тот случай, если убийцы выяснили, кто нанял Хлою, и передали эту информацию своему работодателю до того, как я их найду. Сомневаюсь — тот, кого я пытал, похоже, понятия не имел, кто я такой, — но я не рискую.

Кроме того, всегда существует угроза Леоновых. Алексей еще больше разозлится, когда мы украли выгодный таджикский контракт на ядерный реактор у его семейного «Атомпрома».

Отбрасывая и эту мысль, я сосредотачиваюсь на том, чтобы положить Хлою на пару подушек и накрыть ее одеялом, пока доктор и его команда вывозят каталку и все свое оборудование из комнаты.

Через минуту мы, наконец, одни.

Я сажусь на край ее кровати и беру ее маленькую ручку. — Тебе удобно, зайчик? — спрашиваю я, потирая ее холодную ладонь. "Принести вам что-нибудь? Что-нибудь попить, поесть? Я думаю, вы, должно быть, проголодались."

Она сглатывает и кивает. "Немного еды было бы здорово." Теперь она выглядит более настороженной, ее большие карие глаза явно насторожены. Ее страх действует на меня обоюдоострым образом, заставляя мою грудь болеть, даже когда он пробуждает ту примитивную, извращенную часть меня, которая хочет преследовать ее и отметить ее, заявить права на нее самым жестоким из возможных способов.

подавив темный инстинкт, я подношу ее руку к своим губам и целую костяшки пальцев. — Я принесу тебе. Хотите что-нибудь, чтобы развлечь вас, пока вы ждете? Книга или...

— Я просто посмотрю телевизор.

Я улыбаюсь и протягиваю ей пульт. "Хорошо. Я скоро вернусь."

Наклонившись, я быстро целую ее в лоб и выбегаю из комнаты.

3

Хлоя

Сердце бьется неровно, я смотрю, как за высокой широкоплечей фигурой Николая закрывается дверь. Мой лоб до сих пор покалывает там, где его губы коснулись моей кожи, даже когда в голове прокручиваются грубые, полные агонии крики человека, которого он пытал.

Как безжалостный убийца может вести себя так заботливо и нежно?

Что-то из этого реально, или это просто маска, которую он носит, чтобы скрыть психопата внутри?

На самом деле я не голоден — от анестезии меня слегка подташнивало, — но мне нужно несколько минут побыть одному. Все произошло так быстро, что у меня не было возможности сформулировать свои вопросы, а тем более попытаться найти какие-либо ответы. В один момент один из маминых убийц оседлал меня, в его плоских темных глазах блеснула похоть, а в следующий момент мозги его напарника были разбросаны по лесной подстилке, а Николай разрезал нападавшего на меня и угрожал вырвать ему кишки.

Сглотнув приступ тошноты, я отбрасываю воспоминание. Какими бы жестокими ни были методы допроса Николая, они все же дали некоторые результаты, и, когда сильнейший шок прошел, а мой разум очистился от тумана анестезии, я наконец-то могу подумать о последствиях того, что узнал.

Они были там, чтобы убить вас обоих, сказал мне Николай в машине, прежде чем спросить, говорит ли мне что-нибудь имя *Том Брэнсфорд*.

Что он и делает.

Потому что это было во всех новостях в последнее время.

Дрожащей рукой я поднимаю пульт и включаю телевизор, настраиваясь на новостной канал.

Разумеется, они освещают первичные дебаты, в которых Брэнсфорд, похоже, побеждает,

что ставит его впереди во всех опросах.

Мои внутренности бурлят, когда я изучаю его изображение на экране. Если Николай говорит мне правду, это человек, ответственный за убийство моей мамы.

Молодой и подтянутый в пятьдесят пять лет сенатор от Калифорнии источает обаяние и харизму. Его густые золотисто-светлые волосы едва тронуты сединой, глаза ярко-голубого цвета, а улыбка достаточно яркая, чтобы осветить склад.

Неудивительно, что они сравнивают его с Кеннеди; он мог бы быть еще более красивым братом покойного президента.

Я ищу признаки зла на его ровных чертах лица и не нахожу. Но опять же, зачем мне? Каким бы красивым ни был Брансфорд, он не может сравниться с темной магнетической привлекательностью Николая, и я знаю, на что *он* способен. Я не единственная, кого ослепил Николай. Даже одурманенная анестезией, я не могла не заметить жадных взглядов медсестер, исподтишка бросавших на него.

Я никогда не была на публике со своим работодателем, но я представляю, как трусики спадают налево и направо, когда он идет по улице.

При этой мысли меня пронзает странный приступ ревности, и я понимаю, что отвлекаюсь от ключевого вопроса.

Почему?

Почему ведущий кандидат в президенты хотел убить меня и мою маму?

Это не имеет никакого смысла. Никак нет. Мама не могла бы быть дальше от политики, если бы жила в амазонских джунглях, а Бог свидетель, я не слежу за этими вещами. Как ни неловко это признавать, я даже не голосовала на последних выборах, потому что была слишком занята поступлением в колледж и всем остальным. Я никогда не встречала Брансфорда ни в каком качестве; У меня хорошая память на лица, а его запоминается лучше, чем у большинства.

Может быть, мама как-то с ним столкнулась? Может, в ресторане, где она работала?

Это возможно, теоретически. Высококласный отель, к которому примыкает ресторан, посещают всевозможные VIP-персоны. Может быть, Брансфорд останавливался там во время визита в Бостон, и мама видела, как он делал то, чего не должен был делать.

Но тогда почему он хотел убить и меня? Если только... он не боялся, что мама рассказала мне все, что знала о нем?

Святое дерьмо. Может, она спрятала какие-то улики в своей квартире, и он думает, что я знаю, где они.

Взволнованный, я сажусь и со стоном падаю на грудь подушек. Анестезия определенно проходит, потому что это движение *причиняло боль*. Много. Мне казалось, что в мою руку вонзаются горячие ножи, и остальное мое тело чувствует себя не намного лучше.

Как будто меня сбил с ног настоящий грузовик, а не убийца размером с одного человека.

Прежде чем я успеваю отдышаться и сосредоточиться, дверь открывается, и входит Николай с подносом с накрытой посудой.

Мое сердце начинает бешено колотиться, и то немногое, что я успел восстановить, опорожняет мои легкие.

Без завесы шока, притупляющей мои чувства, и суестьегося вокруг меня медицинского персонала, его воздействие на меня разрушительно, ужасающе мощно. Я никогда не встречала мужчину, который мог бы заставить мое тело реагировать, просто войдя в

комнату. И дело не только в его внешности; это все о нем, от грубой животной силы в его поразительном янтарно-зеленом взгляде до ауры власти, которую он носит так же удобно, как один из его костюмов, сшитых на заказ.

Сейчас он одет более небрежно в темные джинсы и голубую рубашку на пуговицах с закатанными до локтей рукавами. Я понимаю, что он, должно быть, переоделся и принял душ, пока я была под наркозом; Мало того, что его одежда отличается от той, что он носил в машине, но и пятно на его скуле исчезло, а его волосы цвета воронова крыла влажно зачесаны назад, обнажая резкую симметрию его поразительных черт.

Мои глаза жадно скользят по его лицу, от толстых черных линий его бровей до полных, чувственных очертаний его рта. На этот раз она не изогнута в его темной, циничной манере; вместо этого улыбка на его губах теплая, с оттенком тревожной нежности.

«Я попросил Павла разогреть остатки и приготовить разные закуски», — говорит он, пересекая комнату и приближаясь ко мне, пока я рефлекторно выключаю телевизор. Его глубокий, шероховатый шелковистый голос ласкает мои уши, он гораздо приятнее, чем резкий тон диктора. Поставив поднос на мою тумбочку, он садится рядом со мной и начинает открывать тарелки одну за другой. «Я подумал, что ты, возможно, имеешь дело с некоторой тошнотой, поэтому у меня есть простой тост».

Ух ты. Мог ли он быть более внимательным? Если бы я своими глазами не видела, как он убивает и пытается, я бы никогда не поверила, что он способен на такую жестокость — даже с той мрачной, опасной атмосферой, которую я продолжала исходить от него.

— Спасибо, — бормочу я, стараясь не думать о его руках, держащих лезвие, разрезавшее человека, когда он протягивает мне поднос, позволяя мне выбрать то, что я хочу. Там есть все, от нарезанных фруктов до фаршированных блинчиков, мясного ассорти и различных сыров, но меня *все* еще тошнит, особенно когда ужасные образы отказываются покидать мой разум, поэтому я просто хватаю простой тост и горсть винограда.

Он наблюдает, как я ем с одобрительной полуулыбкой, и я стараюсь не думать о том, какое теплое чувство вызывает у меня эта улыбка — и не только в сексуальном плане. Это иллюзия, это чувство безопасности и комфорта, которое он дает мне, пережиток того времени, когда я думал, что он был хорошим человеком, у которого были проблемы с общением со своим маленьким сыном.

Я начала влюбляться в этого человека.

Нет. Я лгу себе. Я *действительно* влюбилась в него, настолько сильно, что даже с ужасающими разоблачениями Алины, которые звенели в моих ушах, я развернула свою машину и направлялась сюда, когда убийцы устроили мне засаду.

Его собственная сестра сказала мне, что он чудовище, и я ей не поверил. Я не *хотел* ей верить.

Я все еще не знаю.

«Где Слава? Как он?» — спрашиваю я, выбирая самую безобидную тему, какую только могу придумать. Нам нужно обсудить так много вещей, от мотивов Брэнсфорда до того, нахожусь ли я здесь в плену, но я еще не готов идти туда.

Последний вопрос, в частности, слишком тревожен, чтобы обдумывать его в данный момент.

— Он только что вернулся с прогулки с Людмилой, — отвечает Николай. — Алина заставила его забрать его до нашего приезда.

"А, хорошо." Я беспокоилась, что ребенок мог увидеть нас из своего окна. — О чем ты

ему расскажешь... знаешь? Я машу своей праще левой рукой.

— Мы просто скажем, что ты упала на ветку. Его челюсть сжимается. — Я бы предпочел, чтобы он не знал, что ты его бросила.

— Я не... — я останавливаюсь, потому что я это сделал. Я возвращалась, но Николай этого не знает. И я не собираюсь говорить ему.

Я не хочу, чтобы он знал, как легко он меня одурачил, как даже сейчас часть меня отказывается верить, что он такой же безжалостный убийца, как и те, кто убил мою маму.

Его тигриные глаза сужаются от спекулятивного интереса. — Что ты не сделала?

"Ничего такого." Слово выходит неубедительно быстро. Я изо всех сил пытаюсь скрыть это. — Я просто имела в виду, что не оставлял *его*.

Словно по лицу Николая проходит грозовая туча, заслоняя собой весь свет и тепло. Его взгляд закрывается, его великолепные черты приобретают каменную твердость, как у статуи. "Верно. Ты оставил *меня*. Из-за того, что сказала тебе Алина.

Я тяжело сглатываю. Я тоже не уверена, что готов пойти туда, но, похоже, у меня нет выбора. Не обращая внимания на пульсирующую боль в руке, я выпрямляюсь. — Она солгала? Мой голос слегка дрожит. — Она все выдумала?

Он смотрит на меня, тишина растягивается на мучительно долгие секунды. — Нет, — наконец говорит он. — Она этого не сделала.

Что-то внутри меня увядает. До этого момента я все еще надеялся, что его сестра была права, что, несмотря на то, что я видела, как он сделал с двумя убийцами, он не виновен в ужасном преступлении отцеубийства. Но сейчас нет места для сомнений.

По его собственному признанию, мужчина передо мной убил своего отца.

"Что случилось? Почему... — мой голос срывается. "Почему ты это сделал?"

Он не отвечает в течение еще одного долгого нервного момента. Лицо у него чужое, темное и замкнутое. — Потому что он это заслужил. Его слова падают, как молот, тяжелые и жестокие. «Потому что он был Молотовым. Как я.»

Я увлажняю пересохшие губы. "Я не понимаю." Мое сердце колотится о грудную клетку, каждый удар эхом отдается в ушах. Часть меня хочет прекратить это и с криком убежать, в то время как другая, бесконечно более глупая часть жаждет согнуть мою ладонь над резкой, бескомпромиссной линией его челюсти, предлагая утешение моим прикосновением.

Потому что под этим жестким, лишенным эмоций фасадом скрывается боль.

Там должен быть.

Он открывает рот, чтобы ответить, когда кто-то стучит в дверь. Звук тихий, неуверенный, но он убивает момент так же верно, как выстрел.

Вскочив на ноги, Николай шагает к двери, чтобы открыть ее.

«Константин разговаривает по телефону», — говорит Алина с порога. «Его команда кое-что нашла».

4

Хлюя

К тому времени, когда Николай возвращается, мой желудок скручивается, тост, который я съела, сидит внутри, как камень. Я знаю, что Константин — его старший брат, технический гений семьи, и я сильно подозреваю, что «что-то», что обнаружила его команда, связано с моей ситуацией.

Теперь, когда у меня была возможность подумать об этом, Константин, вероятно, был тем, с кем Николай знал все эти вещи обо мне с самого начала — например, тот факт, что я не писала в своих очень личных социальных сетях в течение месяца, когда я была в бегах. А еще благодаря ему Николай получил доступ к полицейским файлам и обнаружил, что они были изменены, чтобы убийство моей мамы выглядело еще больше как самоубийство.

Константин и его команда должны быть теми «ресурсами», о которых Николай упоминал во время автомобильной поездки, преимуществом, которое он имеет перед Брансфордом.

Конечно же, лицо Николая мрачно, когда он садится на край моей кровати и сжимает мою левую руку своей сильной ладонью. Его прикосновение и согревает, и охлаждает меня. — Хлоя, зайчик... — Его тон тревожно-мягкий. — Есть кое-что, что ты должен знать.

Мое сердце, которое уже галопировало в груди, делает сальто назад. Его взгляд больше не взгляд незнакомца; вместо этого в его взгляде золотого тигра читается жалость.

Что бы он ни собирался сказать, это ужасно, я могу сказать.

— Что вы знаете об обстоятельствах вашего зачатия? — спрашивает он тем же нежным тоном. — Твоя мать когда-нибудь говорила об этом?

Словно ледяной ветер проносится внутри меня, замораживая каждую клеточку на пути. «Моя концепция?» Мой голос звучит так, будто он исходит из какой-то другой части комнаты, из какого-то другого человека.

Он не может иметь в виду то, что я думаю, что он говорит. Не может быть, чтобы Брэнсфорд...

— Двадцать четыре года назад твоя мама жила в Калифорнии, — тихо говорит Николай. «В Сан-Диего».

Я киваю на автопилоте. Мама так много мне говорила. На самом деле она жила по всей южной Калифорнии. После того, как миссионерская пара, удочерившая ее из Камбоджи, погибла в автокатастрофе, она переходила из одного приемного дома в другой, пока не освободилась в семнадцать лет — в том же году, когда она родила меня.

«Она была не единственной, кто жила в то время в Сан-Диего, — продолжает Николай. «Как и один блестящий молодой политик, в местной кампании которого она участвовала добровольцем, чтобы получить дополнительные баллы за свой урок американской истории».

Ледяной ветер внутри меня превращается в зимний шторм. «Брэнсфорд». Мой голос едва слышен шепотом, но Николай его слышит и кивает, нежно сжимая мою руку.

«Единственный и неповторимый».

Я смотрю на него, одновременно кипя от эмоций и оцепенев. "Что ты говоришь?"

«Твоя мать пыталась покончить жизнь самоубийством, когда ей было шестнадцать. Ты знала об этом?»

Моя голова согласно кивает. Когда я была ребенком, мама всегда носила браслеты и браслеты на запястьях, даже дома, даже когда готовила, убирала и купала меня. Только когда мне было почти десять, я увидела, как она переодевается, и обнаружил слабые белые линии на ее запястьях. Затем она усадила меня и объяснила, что когда она была подростком, она пережила трудные времена, кульминацией которых стала попытка покончить с собой.

— Она сказала, что это была ошибка. Мое горло так пересохло, что каждое слово царапает его на выходе. «Она сказала мне, что рада, что потерпела неудачу, потому что вскоре узнала, что беременна. За мной.»

Его глаза становятся непрозрачными. "Я понимаю."

Он видит? Видит что? Внезапно разозлившись, я выдергиваю руку из его хватки и сижу, не обращая внимания на сопровождающую меня волну головокружения и боли. — Что именно ты пытаешься мне сказать? Какое отношение ее попытка самоубийства имеет к Брансфорду? Он и тогда пытался убить ее? Это его чертов приказ?»

— Нет, зайчик. Взгляд Николая снова наполняется смущающей жалостью. — Боюсь, это покушение не было инсценировкой. Но есть основания полагать, что в *этом виноват Брансфорд*. Согласно больничным записям, которые раскопала команда моего брата, ваша мать дважды попадала в отделение неотложной помощи в том году: один раз в связи с попыткой самоубийства и два месяца назад как жертва изнасилования.

Жертва изнасилования? Я смотрю на него, черные точки усеивают края моего поля зрения. — Ты хочешь сказать, что Брансфорд ее *изнасиловал* ?

«Она никогда не выдвигала никаких обвинений и не называла имя нападавшего, поэтому мы не можем знать наверняка, но ее первый визит в отделение неотложной помощи совпал с последним днем ее волонтерства в кампании. После этого она больше никогда не возвращалась — а девять месяцев спустя, почти в тот же день, она родила девочку. Ты.»

Черные точки множатся, захватывая большую часть моего зрения. "Нет. Нет, это не... Нет. Я качаюсь, когда комната расплывается перед моим взором.

Сильные руки Николая уже обнимают меня. — Вот, откинься назад. Меня направляют обратно на грудь подушек. «Сделай несколько глубоких вдохов». Его теплая ладонь убирает мои волосы с влажного лба. — Верно, просто так, — бормочет он, когда я пытаюсь подчиниться, втягивая неглубокие вдохи в свои неестественно жесткие легкие. — Все в порядке, зайчик. Просто дышать..."

Головокружение отступает, медленно, но верно, и к тому времени, когда Николай отстраняется, мой мозг снова работает и начинает обрабатывать то, что он мне сказал.

Мама была изнасилована.

Через девять месяцев я родилась.

Я хочу бросить.

Я хочу содрать кожу дочиста и сварить ДНК в отбеливателе.

— Она никогда... — Мой голос дрожит. «Она никогда не говорила о моем отце. Ни разу. И я неоднократно спрашивал».

Николай кивает, наблюдая за мной с той же тревожной жалостью.

Слова продолжают вылетать из моего рта, как вода, вытекающая из неисправной трубы. «Она сказала мне, что это был трудный период в ее жизни. Она бросила среднюю школу. Устроилась официанткой и подала заявление на эмансипацию из-за беременности и всего прочего.

Он снова кивает, позволяя мне разобраться самому — и я делаю. Потому что впервые многое о моей маме имеет смысл. Меня всегда удивляло, как она забеременела, потому что, насколько мне было известно, она была полной противоположностью буйного подростка. Хотя мама редко говорила о себе, я узнала достаточно, чтобы знать, что до того, как бросить учебу, она была отличницей, слишком тихой и замкнутой, чтобы ходить на вечеринки и флиртовать с мальчиками. Она также не проявляла интереса к свиданиям во взрослом возрасте; она никогда не приводила домой ни одного бойфренда, никогда не оставляла меня с няней, чтобы я могла погулять и повеселиться. В детстве я думал, что это нормально, но когда я стал старше, я понял, насколько странно было, чтобы красивая молодая женщина закрывалась вот так.

Как будто она дала обет целомудрия... или так и не оправилась от травмы изнасилования.

— Ты думаешь... — я сглатываю кислую желчь, подступившую к горлу. — Думаешь, он знал? О ее беременности? Обо мне?"

Я всегда думала, что мой отец просто ушел от ответственности, хотя мама никогда не говорила этого прямо, а только намекала. Я полагал, что он сам был подростком, кем-то, кто просто не был готов быть родителем. Но это — это все меняет. Мама, возможно, даже не сказала ему о моем существовании. Зачем ей это, если он ее изнасиловал?

Вот только... он должен знать сейчас.

Потому что он убил ее и пытался сделать то же самое со мной.

О Боже.

Я едва сдерживаю приступ рвоты.

Мой биологический отец не только насильник — он убийца.

Николай снова берет мою руку в свою, его прикосновения шокирующе теплы на моей ледяной коже. «Я думаю, он должен был знать», — говорит он, вторя моим мыслям. «Может быть, не с самого начала, но потом точно».

— Потому что он пытался нас убить.

— Да, и благодаря стипендии, которую ты получил.

Я моргаю, сначала не понимая. Затем его слова просачиваются. «Ты имеешь в виду... он заплатил за мой колледж?»

«Константин отслеживает точный источник этих средств, но я почти уверена в том, что он собирается раскрыть». У Николая мрачные глаза на моем лице. «Это была частная стипендия, зайчик, предназначенная только для одного получателя: тебя. Помните, как ты сказал мне, что твой друг подал заявку и не получил ее, несмотря на то, что он даже более квалифицирован, чем ты? Это потому, что он никогда не предназначался для нее. Эти деньги были твоими все это время.

Блядь. Он прав. Моя подруга Таниша была выпускницей нашего класса с отличными результатами SAT, но не она получила полную стипендию в Миддлбери, также как я. Я даже сказала Николаю, как это странно. Кроме...

"Я не понимаю. Зачем ему это делать? Зачем ему платить за мое образование, если он ненавидит меня и мою маму? Если он... планировал нас убить? Я едва могу произнести последние слова.

Николай сжимает мою руку. «Я точно не знаю, но у меня есть теория. Я думаю, твоя мать в какой-то момент связалась с ним и рассказала ему о тебе. И я думаю, что она угрожала ему. Вероятно, это было что-то вроде «если вы не предоставите средства на образование нашей дочери, я опубликую свою историю».

— Думаешь, она его шантажировала?

По кивку Николая я глубже проваливаюсь в подушки, качая головой. "Нет. Нет, вы ошибаетесь. Мама бы так не поступила. Она не... она не была..." К моему стыду, мои глаза наполняются слезами, мое горло сжимается, когда волна сокрушительного горя застает меня врасплох.

"Преступник? Шантажист? Низкий голос Николая звучит нежно, когда его большой палец успокаивающе массирует мою ладонь. Он тактично ждет, пока я возьму себя в руки, а потом тихо говорит: — Ты должна помнить, зайчик, она прежде всего была матерью. Мать-одиночка, работавшая официанткой, чей заработок не мог покрыть даже доли непомерных

расходов на обучение в колледже в этой стране. Что бы ты сделала, чтобы обеспечить будущее вашего ребенка?»

Я бы сделала все, что должна была, и, скорее всего, то же самое было и с мамой.

— Если это правда, почему он ждал? — спрашиваю я в отчаянии. Какая-то детская часть меня все еще надеется, что все это огромное недоразумение, что мой биологический отец не полное чудовище. «Зачем платить за все четыре года моего обучения, а потом пытаться нас убить? Если он уже потратил деньги...

«Дело было не в деньгах. Он достаточно богат, чтобы заплатить за десять внебрачных дочерей. Тон Николая становится жестче. «Речь идет о его карьере. Его баллотироваться на пост президента».

Конечно. Ставки теперь бесконечно выше, и хотя некоторые политики преуспевают в скандалах, Брэнсфорд является общеамериканским символом морали и ценностей среднего класса с безупречной репутацией, которая не переживет такого рода ударов.

Тем не менее, если предположить, что все это правда, есть кое-что, что не совсем понятно. Я вижу, насколько мама представляла для него угрозу, поскольку в любой момент она могла обнародовать свою историю. Но зачем пытаться меня убить?

Каким злодеем нужно быть, чтобы послать убийц за собственным ребенком? Особенно, если она ничего о тебе не знает?

Затем в порыве до меня доходит.

— Я ходячее доказательство его преступления, не так ли? — говорю я, глядя на Николая. — Один-единственный тест ДНК, и ему конец. Даже если он попытается заявить, что это произошло по обоюдному согласию, мама была еще несовершеннолетней во время моего зачатия. От шестнадцати до тридцати с лишним.

Николай кивает. — По крайней мере, он виновен в изнасиловании, предусмотренном законом. Это тот редкий случай, когда его слово не против ее. Как бы он ни пытался это раскрутить, то, что он сделал, является уголовным преступлением».

— И он, наверное, не знает, что мама никогда мне о нем не рассказывала. Что касается его, то я могу появиться в любой момент и публично объявить его своим отцом.

— Боюсь, что так, зайчик. Он наклоняет голову, пристально изучая меня. "У тебя все нормально?"

Я начинаю кивать на автопилоте, затем качаю головой. "Нет. Нет я не. Мне нужна минутка. Или десять тысяч минут. Или всю оставшуюся жизнь.

Мой биологический отец — насильник и убийца, который пытается убить меня.

Я не знаю, как даже начать обрабатывать это.

Взгляд, полный понимания, Николай снова сжимает мою руку, затем кладет ладонь на мою челюсть и наклоняется, поглаживая мою щеку ребром большого пальца. — Даю тебе отдохнуть, зайчик, — бормочет он, его дыхание теплое и слегка сладкое на моих губах. — Мы еще поговорим, когда тебе станет лучше.

Сокращая небольшое расстояние между нами, он целует меня. Его губы нежны на моих, нежны, но я чувствую голодную собственническую привязанность под его сдержанностью. Это пугает меня почти так же сильно, как и инстинктивная реакция моего тела.

Я могу уклониться от Брансфорда с его помощью, но уклониться от него не получится.

От дьявола нет спасения.

Николай

Закрывая за собой дверь, я делаю мысленную пометку установить камеры в комнате Хлои, как у меня в комнате Славы. Не потому, что я чувствую себя обязанным наблюдать за ней каждое мгновение каждого дня — хотя такая потребность определенно есть, — а потому, что я беспокоюсь о ней.

У меня была вся моя жизнь, чтобы смириться со своим испорченным наследием, и бывают дни, когда я все еще испытываю искушение перерезать себе горло. Или сделайте вазэктомию, чтобы ошибка, которую я совершил той ночью с Ксенией, больше никогда не повторилась. Я даже не знал, что презерватив был неисправен, но, должно быть, так оно и было.

Это единственное объяснение существования моего сына.

Я собирался пойти в свой офис, но вместо этого мои ноги несут меня в его комнату, движимые тем же принуждением, которое я испытываю с Хлоей.

Папа, он позвонил мне, когда я вчера вечером вернулась домой. Я был слишком занят всем, что связано с Хлоей, чтобы полностью осознать это, но теперь я не могу не думать об этом слове и о том, как моя грудная клетка наполнилась странной, пронзительно сладкой болью. И все из-за нее.

Хлоя Эммонс не только разгадала мое самое сокровенное, самое тайное желание относительно моего сына; она воплотила это в жизнь.

Я тихонько толкаю дверь в спальню Славы и вхожу. Он, как обычно, на полу, усердно возится со своим LEGO-замком. Людмила однажды сказала мне, что у моего сына удивительно долгая продолжительность концентрации внимания для ребенка, которому еще нет пяти, и я полагаю, что это должно быть правдой. Насколько я помню, мой младший брат Валерий в этом возрасте постоянно бегал и попадал в неприятности. Слава, напротив, тихий и сосредоточенный, гораздо больше, чем Константин в детстве. Интересно, унаследовал ли Слава способности моего старшего брата к математике и программированию? Наверное, мне следует познакомить его с этими предметами и выяснить.

При моем появлении его глаза — мои глаза в миниатюре — устремляются к моему лицу, выражение в них в равной степени насмешливое и настороженное. Моя грудь сжимается от обычного дискомфорта, но я игнорирую желание отступить, дистанцируясь от тревожного чувства. Вместо этого я приседаю перед своим сыном, уделяя все свое внимание его творению LEGO, как это делала Хлоя.

«Это очень красивый замок», — говорю я по-русски, изучая тщательно собранные строительные блоки передо мной. Хотя под руководством Хлои английский язык у Славы быстро улучшается, он далеко не свободно говорит на языке нашей приемной страны. — Вы долго его строили?

Он моргает, глядя на меня пару мгновений, прежде чем на его лице расцветает застенчивая улыбка. "Тебе нравится это?"

"Да." Я тоже это имею в виду. Замок демонстрирует замечательную симметрию и сложность, особенно учитывая тот факт, что он был собран такими крошечными руками. Даже если окажется, что математика и компьютеры не являются сильными сторонами Славы, у него может быть будущее в архитектуре и проектировании конструкций.

То есть, если он не будет подражать мне и Валерию — и каждому другому Молотову до нас.

Мое настроение портится, но я заставляю себя сохранять спокойное любознательное

выражение лица, когда снова спрашиваю, сколько времени у него ушло на постройку замка.

«Я работал над этим утром и еще раз после того, как вернулся из леса», — говорит Слава, которому теперь со мной заметно легче. Он все еще далеко не такой болтливый и оживленный, как с Хлоей, но я считаю это прогрессом. Раньше на большинство моих вопросов он отвечал парой слов или вообще молчал.

В течение следующих нескольких минут он показывает мне все входы и выходы замка — там есть башенки, башни и большие окна, похожие на те, что в нашем доме, — а затем робко спрашивает, где Хлоя и почему он ее не видел. Не видел ее весь день.

— Она отдыхает, — говорю я ему. «Ветка повредила ей руку, поэтому нам пришлось пригласить врачей и исправить ее. Сейчас ей лучше, но она будет лежать в постели пару дней, пока рана не заживет.

Пока я говорю, его глаза расширяются от беспокойства. — Хлоя ранена?

"Только немного. Ей скоро станет лучше.

Он все еще выглядит озабоченным. — Она не умрет, как мама?

Словно осколок стекла пронзает мою грудь. — Нет, Славочка. Я не позволю этому случиться». Алина сказала мне, что он иногда спрашивает ее о Ксении, но я впервые слышу, как он говорит о своей матери, и я ненавижу это.

Я ненавижу ее за то, что она скрывала его от меня все эти годы, и еще больше я ненавижу то, что она погибла в автокатастрофе, оставив его со своей мерзкой семьей.

От моих слов Слава светлеет. «Может ли Хлоя остаться с нами навсегда?»

Теперь это вопрос, на который я с радостью отвечу. "Да." Я смотрю своему сыну прямо в лицо. «Она может, и она будет».

Никакая сила на земле не может отнять у меня Хлою теперь, когда она вернулась ко мне. Я сделаю все возможное, чтобы сохранить ее — и для Славы, и для себя.

Она спит, когда я захожу к ней в комнату по дороге в офис, так что я даю ей отдохнуть. Это то, что ей нужно сейчас. Ее физические травмы заживут в течение нескольких недель, но эмоциональные раны — другое дело. Я думал не рассказывать ей о том, что Константин узнал о Брансфорде и его отношениях с ее матерью, но решил, что важно, чтобы она знала — чтобы она понимала всю степень опасности, в которой она находится.

Однако я не рассказал ей всего — например, о том, что ее мать-подросток перерезала себе вены *после* того, как узнала, что беременна. Или что после той неудачной попытки самоубийства она дважды посещала клинику для абортов, но оба раза струсила. Ничего из этого не важно. Важно то, что после рождения Хлои Марианна смогла справиться со своей травмой и стать заботливой матерью, которую Хлоя знала и любила.

Первое, что я делаю, войдя в свой кабинет, — звоню Павлу и говорю, чтобы он поднимался. Второй видеозвонок Валерию.

«Мне нужно, чтобы ты послал сюда дюжину своих лучших людей», — говорю я своему младшему брату вместо приветствия. — Они нужны мне прямо сейчас.

— На этом, — говорит Валери, как всегда хладнокровно и бесстрастно. Константин, должно быть, уже проинформировал его о моей ситуации. "Что-нибудь еще? Оружие? Взрывчатка?"

"Да. Все." У меня уже есть большая заначка здесь, в комплексе, но больше не помешает. «Кроме того, пришлите немного лекарств».

"Ты понял."

Он вешает трубку как раз в тот момент, когда раздается стук в мою дверь.

Я подхожу, чтобы впустить Павла.

Металлические глаза моей правой руки немигают. "Война?"

— Война, — мрачно подтверждаю я.

Я не жду, пока Брансфорд придет еще убийц за Хлоей.

Теперь, когда мы знаем, кто ее враг, мы сразимся с ним.

6

Хлоя

Мои глаза распахиваются, когда я просыпаюсь, тяжело дыша, мое сердце бешено колотится, а больничная рубашка промокла от пота. Только пульсирующая боль в руке и парализующая боль во всем теле не дают мне рефлексивно сесть. Вместо этого я заставляю себя лежать неподвижно и любоваться потрясающим видом на солнце, садящееся за далекие горные вершины, за окном от пола до потолка.

Постепенно я начинаю успокаиваться.

Кошмар.

Это был просто еще один кошмар.

В отличие от ярких снов в стиле фильмов ужасов, которые мучили меня после маминой смерти, этот был скорее мешаниной образов и впечатлений. Свист пули мимо моего уха, ветки, бьющие мне в лицо, когда я бегу по лесу от какого-то чудовищного существа, тяжелая тяжесть, сбивающая меня с ног — не нужно иметь степень психолога, чтобы знать, что мой разум воспроизводит моя встреча с убийцами в попытке справиться с затянувшимся террором.

Тихий стук отвлекает меня от великолепного вида. Прежде чем я успеваю что-то сказать, дверь распахивается, и входит Николай, теплая улыбка изгибает его чувственные губы, когда он видит, что я просыпаюсь.

Мой сердечный ритм снова учащается, но с эмоцией гораздо более сложной, чем страх. Он снова переоделся, на этот раз в один из идеально сшитых костюмов, которые он предпочитает за ужином. Накрахмаленная белая рубашка и узкий черный галстук завершают строгий наряд, подчеркивая его мужскую красоту таким образом, который должен быть незаконным — не то чтобы его волновала такая тривиальная вещь, как законность.

Учитывая то, что я видел, как он делал ранее сегодня, мой похититель не особо разбирается в верховенстве закона.

По крайней мере, я подозреваю, что он мой похититель. Нам еще нужно поговорить *об этом*.

"Как ты себя чувствуешь?" — мягко спрашивает он, останавливаясь рядом с моей кроватью. Прежде чем я успеваю ответить, он щупает мой лоб тыльной стороной ладони и хмурится, затем вытаскивает термометр из внутреннего кармана пиджака.

Хм. Кажется, меня немного лихорадит.

— Открой, — инструктирует он, поднося термометр к моим губам, и я подчиняюсь, чувствуя себя нелепо ребенком, когда он сует его мне в рот и приказывает держать. Через несколько секунд термометр пищит, и он смотрит на маленький экран сбоку.

«Девяносто девять целых два десятых», — говорит он с облегчением, пряча устройство обратно в карман и садясь на край кровати. «Доктор предупредил, что у вас может быть субфебрильная температура до того, как подействуют антибиотики».

"Действительно? Это вещь? В меня никогда раньше не стреляли».

Его белые зубы сверкают в ослепительной ухмылке. — Да, я знаю по личному опыту.

Мое непослушное сердце снова ускоряет темп, и моя кожа нагревается так, что это не имеет ничего общего с субфебрильной температурой. "Думаю, теперь у каждого из нас есть свои военные истории».

— Думаю, да. Его улыбка исчезает. — Как ты себя чувствуешь, если не считать лихорадки?

«Как будто кто-то использовал меня в качестве теннисного мяча в матче с Сереной Уильямс», — говорю я, не задумываясь, только для того, чтобы пожалеть об этом, когда выражение его лица мрачнеет, а челюсть опасно напрягается.

«Эти ублюдки. Если бы я только добрался туда раньше... Его пальцы угрожающе сжимаются на бедре.

— Нет, не надо. Инстинктивно я тянусь, чтобы накрыть его руку своей. «Если бы не ты, я бы не...» Я сглатываю, беспорядочные образы из кошмара вторгаются в мой разум. — Я бы не справилась.

И это стопроцентная правда. У меня не было возможности по-настоящему подумать об этом, но если бы он не пришел за мной, если бы он не использовал свои страшные «ресурсы», чтобы выследить меня так быстро, как он это сделал, я была бы уже в шести футах под, после первых страданий в результате жестокого изнасилования.

Николай спас меня.

Какими бы ужасающими ни были его методы, он спас мне жизнь.

Его взгляд на секунду падает на мою руку, и выражение его лица снова меняется, угроза в тигриных глазах уступает место темному жару, который кажется бесконечно более опасным. — Зайчик... — Его голос становится мягче, глубже. "Я.."

— Так что спасибо, — выпаливаю я, отдергивая руку. Спаситель я или нет, но я не могу позволить себе снова попасть под его чары, не могу позволить себе забыть, кто он такой и что он сделал. — Прости, что не сказала этого раньше, но я так, так благодарен. Я знаю, что обязана тебе жизнью и даже больше. Тебе не нужно было приходить за мной, но ты это сделал, и я очень ценю это. Если бы тебя там не было, я...

Он прижимает два пальца к моим губам, останавливая мою бессвязную речь. — Тебе не нужно меня благодарить. Он наклоняется надо мной, кладя одну ладонь на подушку рядом со мной, а другую сгибая на моей щеке. Взгляд у него мрачный, сосредоточенный, тон серьезный. «Я всегда буду защищать тебя, зайчик. Всегда."

Я смотрю на него, моя грудь наполняется противоречивой смесью эмоций. Облегчение и тревога, благодарность и страх, радость и боль — это как маятник внутри меня, качающийся туда-сюда между двумя крайностями, двумя версиями Николая, существующими в моем сознании.

Тот, что до рассказа Алины, и тот, что после.

Заботливый любовник и жестокий убийца.

Какой из них настоящий?

С усилием я останавливаю кружащиеся мысли и моргаю, чтобы разрушить гипнотическое притяжение этого золотого взгляда. Самое главное сейчас — понять, где мы находимся.

— Тебе не обязательно меня защищать, — говорю я, придавая своему тону уверенность, которой я и близко не ощущаю. — Убийцы мамы мертвы, и даже если Брансфорд придет

других, нет никакой гарантии, что они меня найдут. Я могу просто покинуть страну, исчезнуть и...

"Нет." Слово наполнено резкой завершенностью, когда он выпрямляется и отдергивает руку. Его красивое лицо имеет жесткие, бескомпромиссные линии. — Ты никуда не пойдешь.

— Но ты в опасности со мной здесь. Твоя семья в опасности».

Я приводил этот аргумент раньше, и сейчас он так же неэффективен, как и тогда. Выражение лица Николая становится еще жестче, в его взгляде появляется дикая напряженность. «Ты не уйдешь. Охранники остановят тебя, если ты попытаешься.

Тогда это правда. Я правильно понял его отказ выпустить меня из машины. Я его пленница .

Это знание наполняет меня в равной степени страхом и облегчением. Теперь это открыто; мы закончили притворяться. Конечно, он меня не отпустит. Я знаю страшную тайну его семьи. Я своими глазами видел, как он убивал. Совершенные им преступления посадили бы обычного человека на электрический стул, но Николай Молотов слишком богат, слишком могущественен и, что более важно, слишком безжалостен, чтобы когда-либо расплачиваться за то, что он сделал.

Какими бы ни были его намерения по отношению ко мне до откровений Алины, сейчас он может сделать только одно.

Задержите меня. Держи меня там, где я никогда не смогу раскрыть то, что знаю.

По крайней мере, я надеюсь, что это единственный план действий, который он рассматривает. Потому что есть гораздо более эффективный способ заставить меня молчать, тот, который, похоже, выбрал мой биологический отец.

Но нет. Может быть, это наивно с моей стороны, но я не могу заставить себя поверить, что Николай убьет меня. Не с мощной, эмоционально заряженной связью, которая шипит между нами. Не тогда, когда он приложил столько усилий, чтобы спасти мою жизнь.

И в том-то и дело, понимаю я, глядя на его безжалостное выражение лица. Вот почему, в извращенном смысле, это облегчение знать, что я не могу уйти. Я должен хотеть уйти. Мне хотелось бы бежать как можно дальше от этого опасного человека и от того, что он, кажется, заиклился на мне. Но я не хочу. Не глубоко внутри, там, где это имеет значение, — и это не только из-за того, что я влюбилась в него по-дурацки.

Правда в том, что я не храбрая и сильная. Я узнала это сегодня, когда столкнулся лицом к лицу со смертью, когда почувствовал, как пуля пронзила мою плоть, и посмотрел в пустые глаза убийцы. Я была близка к смерти и раньше — когда я прятался в мамином шкафу после того, как нашел ее тело, ночью, когда я проснулся от царапающих звуков в дверь моего Airbnb, пару раз убийцы чуть не сбежали. меня на их машине, и то время, когда они стреляли в меня в Бойсе, но я никогда не знала такого продолжительного, тошнотворного ужаса, как когда я вела свою расшатанную Тойоту по этой изрытой выбоинами грунтовой дороге, когда пули свистели мимо моих ушей.

Я не хочу умирать. Я далеко не готова умереть — и я знаю, что, каким бы безжалостным ни был Николай, он не желает моей смерти. На самом деле наоборот.

Он обещает защитить меня.

Чтобы держать меня в плену и защищать меня.

Я сглатываю, чтобы смочить пересохшее горло. «Можно, пожалуйста, глоток воды? Я испытываю жажду."

Свиристое выражение лица Николая смягчается. «Конечно, зайчик. И ты, должна быть, тоже голодна. Я сейчас приготовлю тебе ужин. Наклонившись надо мной, он складывает подушки в горку и осторожно упирает меня в нее.

У меня перехватывает дыхание от его близости, хотя моя рука сильнее пульсирует от этого движения, и я рада, что не пыталась сделать это сама.

Должно быть, я все равно скривилась, потому что он убирает волосы с моего лица, выглядя обеспокоенным. — Хочешь обезболивающее? — спрашивает он, и я качаю головой, когда он подносит чашку с водой через соломинку к моим губам.

Боль не невыносима, и я хочу пока не думать о себе.

Я выпиваю всю чашку, а когда заканчиваю, осознаю еще одну насущную потребность. — Эм... Мое лицо горит, когда я заставляю себя сесть, не обращая внимания на всплеск боли, сопровождающий движение. «На самом деле мне нужно...»

"Ванная комната? Конечно." Он подхватывает меня и несет в соседнюю ванную, где осторожно ставит на ноги перед унитазом. — Тебе здесь помочь?

— Я поняла, спасибо. Я могла бы дойти сюда и сам — или, по крайней мере, прихрамывать, — но, вероятно, лучше дать отдохнуть моей раненой лодыжке. Кроме того, какая-то слабая, нуждающаяся часть меня наслаждается его нежной заботой, упивается его близостью, его силой, его явным беспокойством за меня.

Он не может быть законченным психопатом, если так заботится обо мне, не так ли?

— Хорошо, — говорит он, хотя его взгляд все еще полон беспокойства. — Не запирай дверь и зови меня, если что-нибудь понадобится, ладно?

В ответ на мое пробормотанное согласие он легко целует меня в лоб и уходит, закрыв за собой дверь.

Я делаю свои дела так быстро, как только могу — что совсем не быстро, так как у меня только одна рука, — затем я хромаю к раковине, чтобы вымыть руки. Отражение в зеркале заставляет меня вздрогнуть. Не могу поверить, что Николай хотел поцеловать меня раньше. Я выгляжу как беспорядок, весь в царапинах и синяках, мои волосы вялые и спутанные. И... это *ветка* у моего уха?

Я смотрю на душевую кабину, затем на перевязь, удерживающую мою правую руку, неподвижно прижатую к боку. Могу я принять душ? Может быть, не полноценное мытье головы, но хотя бы быстрое ополаскивание...

Стук в дверь заканчивает мои размышления. «Зайчик, ты закончила? Могу ли я войти?»

— Да, хорошо. Я стараюсь не съеживаться от смущения, когда он приближается ко мне, чистый, хорошо одетый и потрясающе красивый. Для сравнения, я в больничной рубашке, через которую я вспотела во время кошмара, выгляжу — и, возможно, пахну — так, будто не принимала душ несколько недель.

Приходится снова жадно глядеть на стойло, потому что Николай спрашивает: «Хочешь в ванну?»

Ванна? Это звучит даже более божественно, чем душ. Одна только мысль о том, чтобы окунуть свои синяки и ноющие мышцы в горячую воду, вызывает у меня желание громко стонать.

Николай читает ответ на моем лице. «Я приготовлю это для тебя, пока ты ешь», — говорит он с улыбкой и подхватывает меня, чтобы отнести обратно в постель, где на тумбочке уже стоит поднос с накрытой посудой.

Осторожно уложив меня на матрац, он укладывает меня на грудь подушек и открывает

одну из тарелок. Богатый, пикантный аромат наполняет комнату, вызывая у меня слюноотделение. Это чесночная картошка с грибами по-русски, которой я бы с удовольствием намазывала лицо каждый день, если бы могла.

Пока я пускаю слюни в предвкушении, он открывает остальные предложения на подносе, в том числе греческий салат с хрустящим салатом и пухлыми маслинами, тарелку жареной утки с вареными грушами и ломтики багета с черной икрой.

Официально: Павел снова на кухне. Готовит его жена далеко не так изысканно или хорошо.

Что меня поражает, так это то, что Николай успел все собрать и поднять сюда, пока я был в ванной. Должно быть, он пролетел вниз и обратно, в стиле Супермена.

«Об этом заговорил Павел», — говорит он, снова подхватывая мои мысли. Удивительно, как он это делает — как он всегда мог это делать. С того момента, как мы встретились, у меня было тревожное ощущение, что он может заглянуть прямо в мой мозг, увидев мои самые сокровенные страхи и желания.

Как будто мы действительно связаны теми нитями судьбы, о которых он говорил, связаны на уровне, который намного глубже, чем может позволить короткая продолжительность наших отношений.

Но нет. Я не куплюсь на это, особенно теперь, когда я знаю, что он за человек. Достаточно того, что я не могу погасить сексуальную химию, которая горит между нами, как лесной пожар, и забыть ту влюбленность, в которую я влюбилась в него до того, как узнала правду. Верить, что мы каким-то образом созданы друг для друга, что это может быть что-то прочное и настоящее, было бы запредельной глупостью.

Нет такой вещи, как судьба, и даже если бы она была, мне не суждено полюбить монстра.

— Вот, зайчик, — говорит упомянутый монстр, ставя мне на колени тарелку, наполненную всего понемногу, и протягивая мне вилку. Его великолепный рот изгибается в теплой улыбке. — Начинай есть, пока я намою тебе ванну.

Моя грудь сжимается, когда он нежно проводит пальцами по моему уху, извлекая веточку, которую я заметила ранее, и выходит из комнаты — предположительно, чтобы налить мне ванну в своей ванной, где есть огромная ванна. Мы приняли ванну с пеной прошлой ночью после того, как он измотал меня самым горячим, самым интенсивным сексом в моей жизни.

Волна обжигающего жара проходит сквозь меня при воспоминании, усиливая ноющее стеснение в груди. Я закрываю глаза, желая избавиться от этого чувства, но это бесполезно.

Возбуждение, которое электризует мое тело, ничто по сравнению с отчаянной жаждой в моем сердце.

К тому времени, как через несколько минут возвращается Николай, я взяла себя в руки и работаю над тем, чтобы съесть всю еду на своей тарелке. Немного неудобно есть левой рукой, но я так голодна, что ела бы ногами, если бы пришлось.

— Вот, зайчик, давай я тебе помогу, — говорит Николай, забирая у меня вилку после того, как я роняю на грудь кусочек гриба. Не обращая внимания на мои возражения, он кормит меня так, как будто я неуклюжий малыш (которым, по правде говоря, я мог бы быть и сейчас), а когда я так наелась, что не могу проглотить ни кусочка, он ласково хлопывает меня по губам. салфетку, уносит поднос и через пару минут возвращается с сообщением, что

ванна готова.

К моему удивлению, Людмила входит в мою комнату позади него, ее лицо тщательно нейтрально, когда Николай поднимает меня и несет мимо нее. «Она сменит простыни, пока ты будешь купаться», — объясняет он, шагая по коридору широкими легкими шагами, как будто мой вес в его руках ничего не значит.

Он сильный, этот мой похититель.

Такой сильный, что я должен быть в гораздо большем ужасе, чем я есть на самом деле.

Толкнув дверь своей спальни спиной, он несет меня мимо огромной кровати, на которую он брал меня столько раз прошлой ночью. По крайней мере, часть боли в моем теле должна быть от этого, я понимаю, краснея. Николай был ненасытен, и я тоже.

Я потеряла счет тому, сколько оргазмов он мне подарил.

Воспоминания все еще крутятся в моей голове в ролике с рейтингом X, когда он ставит меня на ноги перед ванной и тянется к галстуку моего больничного халата. Должно быть, именно из-за этих воспоминаний я стою здесь, как послушный ребенок, позволяя ему стянуть с меня платье, обнажая свое тело перед его взглядом из-под капюшона, и почему я не высказываю ни единого возражения, когда он снова поднимает меня и бросает в горячей, покрытой пузырями водой, осторожно перекинув забинтованную руку через край ванны, чтобы она не промокла.

Я чувствую его напряжение, когда его руки касаются моей обнаженной кожи, то же самое напряжение, которое скручивается внутри меня, заставляя мою кожу гореть, а пульс гулко стучать в ушах.

Убийца. Мучитель. Монстр. Проклятые слова всплывают в моей голове, но они не могут охладить бушующий в моей крови огонь. Испытав опустошительное, захватывающее удовольствие от его обладания, мое тело жаждет большего, нуждается в большем. Его не волнует, что руки, водившие намыленной губкой по моей груди и плечам, всего несколько часов назад унесли две жизни, что я не его любовница, а его пленница.

— Погрузись немного глубже, — бормочет он низким, чувственным хрипловатым голосом, и я бездумно подчиняюсь, наслаждаясь ощущением его сильных пальцев на моем черепе, когда он баюкает мой затылок, удерживая мое лицо над водой. при замачивании волос.

Должно быть, я до сих пор нахожусь под воздействием каких-то препаратов, которые использовались для анестезии, потому что это кажется не совсем реальным, особенно когда я закрываю глаза, чтобы защитить их от случайных капель воды. Как будто я во сне, в котором ничего не имеет значения, кроме теплого удовольствия от его прикосновения, успокаивающего утешения от его нежности. Все в этом должно казаться неправильным, отталкивающим, но вместо этого я чувствую себя избалованным домашним животным, когда он поднимает мою голову из воды и наносит шампунь на мои влажные пряди, затем втирает пену в корни, его пальцы нажимают как раз нужное количество. давления, когда его короткие ногти нежно царапают мой череп.

Это лучшее растирание головы, которое я когда-либо получал, и все, что я могу сделать, это не умолять о большем, когда, после нескольких блаженных минут, он считает, что мои волосы достаточно намылены, и направляет мою голову обратно в воду.

К счастью, это еще не конец. Затем он наносит кондиционер на мои волосы и втирает его в корни. Я бы сказала ему, что это неправильный способ, но я слишком наслаждаюсь процессом, чтобы волноваться о том, что завтра мои волосы будут лежать ровно и быстрее

станут жирными. Последнее может быть даже плюсом, если оно побуждает его сделать это снова в ближайшее время.

— Опустит голову обратно, — хрипло приказывает он, и я подчиняюсь, пока он проводит пальцами по моим прядям, смывая кондиционер и распутывая их.

Он хорош в этом, настолько хорош, что он либо прирожденный, либо у него была некоторая практика.

Резкий укол ревности застаёт меня врасплох. Я открываю глаза, теплая усталость, поглощающая меня, исчезает, когда я смотрю на него, моя голова все еще наполовину погружена в воду.

Со сколькими женщинами он сделал это?

Многие ли познали плавающее удовольствие от его служения?

— Что случилось, зайчик? Его темные брови сходятся вместе, когда он помогает мне сесть. "Я сделал тебе больно?"

"Нет." Я знаю, что не должен ничего говорить, но ничего не могу с собой поделать. — Ты делал это для многих женщин, не так ли?

Он выглядит ошеломленным на секунду. Затем на его лице расплывается злобно-чувственная улыбка. «Не так много, нет. Ты единственная, на самом деле.

"Ой." Теперь я чувствую себя идиоткой. "Тогда не беспокойся. Я только..."

Я собираюсь закрыть глаза и сползти обратно в воду, чтобы скрыть свое огорчение, когда он нежно хватается за подбородок, заставляя встретиться с ним взглядом.

— Но даже если бы это было не так, — мягко говорит он, — каждая вторая женщина осталась в прошлом. Ты единственная для меня, чтобы идти вперед. Только имей в виду, зайчик, — он наклоняется так близко, что я вижу лесно-зеленые крапинки в богатом янтаре его радужных оболочек, — я и для тебя теперь один. Ни один другой мужчина никогда не тронет тебя. Ты моя так же, как я твой».

Я смотрю в эти гипнотические глаза, очарованные и напуганные их собственнической интенсивностью. Он имеет в виду это, я могу сказать. По какой-то причине он решил, что мы принадлежим друг другу, и я ничего не могу сказать или сделать, чтобы изменить это убеждение — убеждение, которое было бы опасным, даже если бы сам этот человек не был воплощением тьмы.

Он как будто одержим мной... и не совсем здоровым образом.

Он задерживает мой взгляд еще на несколько ударов, затем наклоняется и целует меня в лоб. Жест должен быть нежным, даже отцовским, но вместо этого это отпечаток, клеймо. Его губы задерживаются на моей коже на пару секунд слишком долго, его хватка на моем подбородке сжимается, чтобы удержать меня на месте. *Ты моя*, говорит этот поцелуй, и когда он, наконец, отстраняется, то же самое сообщение повторяется в его глазах, а затем отражается в его прикосновениях, когда он берет губку и продолжает мыть меня, его руки путешествуют по моему телу с платоническим движением. сдержанность, которая только подчеркивает голод, который он так тщательно держит на поводке.

Я понимаю, что он думает, что голод опасен. Слишком опасно поддаваться, пока я слаба и ранена.

С усилием я отталкиваю эту мысль и закрываю глаза, позволяя себе просто наслаждаться моментом. Завтра я буду беспокоиться о будущем и о том, что означает одержимость Николая мной — какой может оказаться цена его заботы и защиты. Сегодня вечером я просто буду наслаждаться тем фактом, что я его драгоценная собственность.

Что я в безопасности в руках дьявола, как и любой другой.

7

Николай

Два часа ночи, а я все еще не сплю и смотрю в темный потолок над своей кроватью. Частично это из-за того, что мое тело все еще находится в душанбинском времени, но в основном я просто слишком взвинчен, мои мысли мечутся между планами на Брансфорд и адреналиновыми воспоминаниями о вчерашнем дне. Последние особенно навязчивы, наполняя мою грудь всевозможными бурными эмоциями.

Хлоя убежала от меня. Я чуть не потерял ее. Еще несколько минут и...

Блядь. Хватит значит хватит.

Складываю нож с кровати и иду к шкафу, чтобы натянуть шорты для бега. Я уже бегал этим вечером. Как только я закончил купать Хлою и уложил ее на ночь, я зашнуровал кроссовки и вышел. Но мне нужен еще один заход. Это или хороший, жесткий спарринг с Павлом или охранниками. Или еще лучше, пробежка и спарринг, так как мне нужно еще и избавиться от серьезного сексуального расстройства.

Прикосновение к мокрому обнаженному телу Хлои без ее траха потребовало всей моей силы воли, а потом еще немного.

Прежде чем выйти из комнаты, я включаю видео с Хлои на своем телефоне. Я попросила Павла установить небольшую камеру на телевизор над ее кроватью, пока я ее купала, чтобы я могла следить за ней, не заходя в ее спальню и не нарушая ее сна.

Как и ожидалось, на экране моего телефона видно, как она прячется под одеялом в темноте, и только звук ее ровного дыхания наполняет тишину. В отличие от меня, она мирно спит, и я этому рад. Ей нужен хороший отдых, чтобы прийти в себя, поэтому я должен держаться от нее подальше, как бы это меня ни убивало.

Я сильнее дикого зверя внутри меня.

По крайней мере, я надеюсь, что да.

Оставив телефон в своей комнате, я спускаюсь вниз, и моя грудь расширяется, как только я выхожу на улицу. Ночь темная и прохладная, горный воздух свежий и чистый.

Я отправился в лес, сбегая с горы и в лес, по моему обыкновению. Но на этот раз, вместо того, чтобы вернуться в дом после того, как я отработал большую часть своей беспокойной энергии, я направляюсь к северной стороне комплекса, к бункеру охранников.

Я не удивлюсь, обнаружив там Павла, играющего в карты с Аркашем и Буревым у костра. Как и я, он, должно быть, слишком закручен, чтобы уснуть, даже с Людмилой рядом.

Увидев меня, он вскакивает на ноги, и остальные тоже. — Все хорошо, — говорю я, показывая им, чтобы они расслабились. «Просто нужна тренировка, вот и все».

— Ты понял, — говорит Павел, его глаза блестят от нетерпения. «Ножи или нет?»

— Ножи, конечно.

Охранники предоставляют оружие, и в течение следующих сорока минут мой разум блаженно свободен от всего, кроме примитивной цели выживания, не быть разрезанным на куски безжалостным клинком Павла. Дважды меня чуть не выпотрошили; трижды я чуть не промахнулся, когда мне перерезали яремную вену. Павел не выдерживает ударов, и к тому времени, когда я, наконец, прикасаюсь острым лезвием к его горлу, мы оба покрыты жгучими порезами и порезами.

Задышавшись, я отступаю назад и возвращаю нож Аркашу, который хлопает меня по плечу

в знак поздравления. Ни один из охранников не настолько хорош, чтобы сразиться с Павлом с клинком и победить, но опять же, никто из них не обучался у него с тех пор, как они были в возрасте моего сына.

Оставив их заниматься своими делами, мы с Павлом вместе возвращаемся домой. Поначалу мы оба слишком устали, чтобы много говорить — ссора была такой изматывающей, как я и надеялся, — но когда дом появляется в поле зрения, Павел тихо говорит: — Знаешь, ты действительно должен ее простить.

Я смотрю на него с удивлением. «Хлоя? У меня уже есть.» Как бы меня ни огорчало, что она сбежала, я понимаю, почему она это сделала. То, что сказала ей моя сестра, напугало бы любого, не только уязвимую молодую женщину, которая уже повидала худшее, что есть в человечестве.

"Нет. Алина». Павел бросает на меня косой взгляд. «Она расстроена. Людмила застала ее плачущей».

Блядь. Я должен был знать, что он встанет на сторону моей сестры. «Она должна быть расстроена. Она облажалась, по-крупному». Мои слова звучат резче, чем я намеревался. Я пытался не заикливаться на роли Алины во всем этом, но дело в том, что Хлоя чуть не умерла .

Не знаю, смогу ли я когда-нибудь простить Алину за это.

— Она знает, что облажалась, — ровным голосом говорит Павел. — Но она все еще твоя сестра.

— А кровь гуще воды, да?

Он игнорирует мой сарказм. — Ей нехорошо так расстраиваться. Головные боли...

— Я знаю все о ее чертовых головных болях. Я делаю успокаивающий вдох. «Послушайте, я не отсылаю ее и не наказываю ее каким-либо образом. Мы все равно отпразднуем ее день рождения в пятницу, как и планировали. Но ты не можешь ожидать, что я просто прощу и забуду. Высоко или нет, но Алина знала, что делает, когда открыла свой большой рот и вручила Хлое эти ключи от машины».

— Но она не знала. Выражение лица Павла мрачное, когда он встает передо мной, преграждая мне путь. — Ты не сказал ей, что Хлоя в смертельной опасности. И не забывай, почему прошлой ночью она была под кайфом.

Мои коренные зубы скрежещут друг о друга. «Уйди с моего гребаного пути. В настоящее время.» Он может быть моим другом и наставником, но если бы я прямо сейчас приставила нож к его горлу, мне было бы все равно — не с темными воспоминаниями, всплывающими в моей голове, наполняющими мой желудок ядовитой смесью ярости, ужаса, горя, и вина.

Алине нужны лекарства *по* моей вине.

Каким бы большим ни был ее косяк, он не может сравниться с моим.

Павел должен понимать, что зашел слишком далеко, потому что он мудро уходит с моего пути и бросает тему. Мы преодолеваем оставшееся расстояние до дома в напряженной тишине, все преимущества нашего спарринга сводятся на нет из-за этого короткого обмена мнениями.

Я сейчас никак не засну.

Не тогда, когда я снова чувствую, как мой клинок вонзается в живот моего отца, и вижу чудовище, которое есть я, в его умирающих глазах.

Хлоя

Я собираюсь съесть вилку яичницы-болтуньи, которую Николай держит у моего рта, когда слышу голоса в коридоре, а затем стук в дверь. Мой взгляд прыгает на лицо Николая, и мои щеки вспыхивают от веселого блеска в его глазах.

Мы оба знаем, что я недостаточно недееспособна, чтобы он кормил меня с ложечки; это просто своеобразная, слегка странная динамика, в которую мы попали. Я даже не пыталась есть левой рукой сегодня утром, когда он принес мне завтрак — он просто начал кормить меня, и я позволила ему.

Даже его четырехлетний ребенок ест без посторонней помощи, а я вот с одной полностью функциональной рукой веду себя так, будто не могу держать вилку самостоятельно.

Мое смущение углубляется, я выхватываю вилку у Николая и кладу ее на поднос, стоящий на тумбочке. "Заходи!"

Я ждала Павла или Людмилу, но ко мне в комнату входит Алина, сжимая крошечную ручку Славы в своей.

Глаза ребенка светлеют, когда он видит меня. «Хлоя!» Отпустив Алину, он бросается ко мне, возбужденно бормоча что-то по-русски.

— Он беспокоился о тебе, — переводит Николай, криво улыбаясь, когда Слава запрыгивает на мою кровать с безграничной энергией щенка. — Хотя я и сказал ему, что ты не умрешь, как его мать, он боялся, что ты умрешь, поэтому он просил тебя увидеться с тех пор, как проснулся этим утром. Это было давным-давно, потому что — цитирую — ты спал *так, так поздно* ».

— О нет, дорогой, я в полном порядке. Я хлопаю его по спине левой рукой, а он обнимает меня так яростно, насколько позволяет его детская сила. — У меня болит только рука, понимаешь? Я показываю ему перевязь, когда он тянет назад.

Он хмурится и выдает вопрос.

«Он спрашивает, почему ты в постели, если это всего лишь твоя рука», — говорит Алина, и я поднимаю голову и вижу, что она стоит рядом с тумбочкой. Ее поразительно красивое лицо снова полностью накрашено, ее стройная фигура одета в желтое платье без рукавов, которое выглядит так, как будто оно сошло с подиума. Не осталось и следа от измученной, сломленной женщины, которая вчера утром выступила передо мной с ужасающими предупреждениями о мужчине, сидящем рядом со мной.

Я осторожно улыбаюсь ей, прежде чем снова переключиться на Славу. — Это потому, что у меня тоже немного болит лодыжка, — говорю я ему, и Николай переводит мои слова. Я замечаю, что он избегает смотреть на Алину; на самом деле он вообще не замечал ее присутствия.

Слава смотрит на мои ноги, укрытые одеялом, и задает еще один вопрос.

«Он хочет знать, как ты повредил лодыжку», — говорит Николай. — Я собираюсь сказать ему, что ты скрутил его, когда упал на ветку.

"Имеет смысл."

Пока он разговаривает с мальчиком, я смотрю на Алину и улыбаюсь ей шире. Она, наверное, беспокоится, что я злюсь на нее, но это не так. Я благодарна, на самом деле. Я не знаю, что случилось бы, если бы я не сбежала, но я предполагаю, что в лучшем случае это отсрочило бы то дерьмо, в котором я сейчас нахожусь. Убийцы в конце концов нашли бы

меня, и то ли тогда, то ли когда-нибудь позже я бы узнала, на что способен Николай. К тому времени, однако, у меня могло быть несколько недель или месяцев в интенсивных отношениях с ним, и было бы гораздо более разрушительным, если бы мои иллюзии развеялись.

А может быть, только может быть, ему удалось бы держать меня в неведении, и я бы никогда не узнал, что он убивает и мучает так же легко, как другие мужчины косят траву. Я бы заснула в его объятиях и приняла бы его в свое тело, все время убеждая себя, что мои инстинкты неверны, что нить тьмы, которую я учуяла в нем, не более чем мое сверхактивное воображение.

Фу. Может, мне *стоит* расстроиться из-за Алины. Такое невежество звучит как блаженство.

С явным облегчением Алина улыбается мне в ответ, и я отбрасываю глупые мысли о том, как хорошо было бы никогда не смотреть правде в глаза о Николае — или о Брансфорде и обо всем остальном. Если бы я предавался такого рода размышлениям, я мог бы также желать, чтобы моя мама была жива, или, что еще лучше, чтобы она вообще никогда не встречалась с моим биологическим отцом.

В последнем случае меня бы не существовало, но стоило бы того, чтобы она была жива и счастлива в жизни, которая не пошла под откос, когда она была подростком.

Понимая, что я снова скатываюсь в бесполезные «а что, если», я смотрю на Николая и радостно говорю: «А как насчет того, чтобы Слава и Алина остаться со мной на некоторое время? Я не хочу монополизировать ваше время. Я уверен, что у тебя есть работа, и я могу учить Славу не только из своей постели, но и из любого места.

Лицо Николая напрягается при моем ясном намеке, что я хочу, чтобы он ушел, но он поднимается на ноги и спокойно говорит: «Хорошо. Увидимся через некоторое время. Не забудь поесть, хорошо?»

"Окей." Я хватаю вилку и подношу яйца ко рту с преувеличенной неуклюжестью. Моя цель — рассмешить Славу, и мне это удастся.

Когда я оглядываюсь, Николая уже нет.

Лицо Алины мрачное, она садится на край кровати, заняв место Николая. "Как ты себя чувствуешь?" — тихо спрашивает она, когда Слава подбегает к окну, явно интересуясь видом из моей комнаты.

"Я в порядке. Уже идет на поправку. Я запикиваю в рот большую вилку яиц, чтобы продемонстрировать, как быстро я выздоравливаю. Я тоже не вру. Моя рука все еще болит, но с обезболивающим, которое я проглотила после пробуждения, это терпимо, и я могу немного надавить на лодыжку, не слишком протестуя.

Алина неуверенно улыбается. "Это хорошо." Она делает слышимый вдох. «Послушай, Хлоя... Вчера утром я был в плохой форме. Действительно плохая форма. Возможно, я сказал вещи, которые не имели смысла. Вещи, которые не были... обязательно правдой.

Я отложил вилку, мой аппетит исчез без следа. Я понимаю, что она пытается сделать, и я ненавижу это. «Вам не нужно лгать. Он признал это. И я видел, что он сделал с людьми, которые напали на меня».

Мириады выражений мелькают на лице Алины, прежде чем оно становится тщательно нейтральным. "Я понимаю. А ты... в порядке?"

Хорошо? Разве выпрыгивание из окна или выбегание за дверь с криком не является нормальным? Если да, то я в полном порядке или, по крайней мере, настолько, насколько

вы можете быть в порядке после того, как узнаете, что ваш биологический отец — насильник и убийца, который пытается вас убить, и что вас держит в плену человек, который может быть даже более безжалостным, чем сказал отец.

«Я справлюсь», — говорю я, и, к моему удивлению, это не полная ложь. Может быть, это месяц жизни в бегах, или ужас, когда я нахожу тело мамы и прячусь от ее убийц в шкафу для верхней одежды, но я не схожу с ума так сильно, как ожидала. Обо всем этом, но особенно о том, что я пленница Николая. Как будто мой разум возвел стену между настоящим и недавним прошлым, между тем, что я переживаю, и тем, что я знаю.

Прямо сейчас я уютно себя чувствую что я сыта, моя безопасность обеспечивается теми же мерами безопасности, которые не позволили бы мне уйти, если бы я попытался. И можно сосредоточиться только на этом первом аспекте. Так же, как можно забыть истинную природу Николая, когда он такой заботливый и нежный... когда моя кровь превращается в теплую патоку от его прикосновения.

Каким-то образом я могу сложить весь этот ужас в маленькую коробочку и упаковать его, притворившись, что его там нет.

— Хорошо, — говорит Алина. "Я рада. Но если у вас когда-нибудь возникнут проблемы в общении или вам просто нужно будет с кем-то поговорить, я хочу, чтобы вы знали, что вы всегда можете прийти ко мне». Глаза Джейд мягко мерцают, она добавляет: «Независимо от того, через что ты проходишь, я пойму».

И она бы, я знаю. У меня сжимается горло, когда я вижу искреннее сочувствие в ее взгляде. До этого момента я не знал, как сильно я жаждала этого: не предложения дружбы, а чего-то, что очень похоже на это. — Спасибо, — хрипло говорю я. «Я ценю это — так же, как я ценю то, что ты пыталась сделать раньше, предупредив меня и все такое».

Может быть, это очередная иллюзия, которая должна развеяться, но мне кажется, что у меня есть союзник в лице сестры Николая. Как будто я не одинока в этом бардаке.

Она криво улыбается и поднимается на ноги. — Да, ну, это оказалось не совсем так, как я надеялся. Я... Она останавливается, когда Слава что-то восклицает со своего места у окна, и бежит обратно к нам, возбужденно болтая по-русски.

«Он говорит, что у нас на подъездной дорожке живет семейство енотов, — с ухмылкой переводит Алина. — Видимо, они только что вышли из леса.

"Действительно? Я хочу увидеть." Я сажусь прямее и, не обращая внимания на острую боль в руке, опускаю ноги на пол. Я осторожно встаю, стараясь не перегружать вывихнутую лодыжку своим весом.

Все идет нормально.

— Вот, обопрись на меня. Алина подставляет мне локоть, и я с ее помощью ковыляю к окну, где действительно резвятся еноты — мама и двое детенышей.

Слава возбужденно смеется, когда один из малышей игриво прыгает на другого, а я взъерошиваю его шелковистые волосы, моя грудь выпячивается, когда он одаривает меня лучезарной улыбкой.

«Еноты», — говорю я, вспоминая свою роль его репетитора по английскому языку. «Таких называют *енотами*».

Он послушно повторяет за мной слово, и мы втроем наблюдаем за животными, пока они не исчезают обратно в лес. Потом Алина помогает мне доковылять до кровати, и я прошу ее принести мне книгу, которую я могу почитать со Славой.

— Нет проблем, — говорит она, уже направляясь к двери. Через несколько минут она

возвращается со стопкой детских книг, которую кладет на одеяло рядом со мной. — Хочешь, я заберу это? — спрашивает она, указывая на поднос на тумбочке, и я киваю, пока Слава усаживается поудобнее у моего неповрежденного бока.

Скоро будет обед, и я съела достаточно, чтобы продержаться до этого времени.

Она берет поднос и снова уходит. Только когда она уже почти у двери, я понимаю, что не спросил ее о чем-то важном.

— Алина, подожди, — кричу я, когда она открывает дверь ногой на шпильках.

Она оборачивается, на ее лице застыло недоумение.

«Ты вернешься через некоторое время? Я хотела бы узнать больше о том, что произошло». Мой голос становится неустойчивым. — С Николаем и... и твоим отцом.

Она напрягается, с ее лица исчезает всякое выражение.

— Пожалуйста, Алина. Мне нужно знать."

Мне нужно выяснить, в какого монстра я влюбилась.

Она закрывает глаза и делает глубокий вдох, затем снова открывает их. — Это не моя история. Голос у нее низкий и напряженный. «Этого никогда не было. Николай — тот, с кем вам следует поговорить.

И прежде чем я успеваю умолять ее, она выходит и закрывает дверь.

9

Николай

Разжимая сжатый кулак, я отворачиваюсь от изображения комнаты Хлои и открываю свой почтовый ящик. Я не знаю, что бы я сделал с Алиной, если бы она согласилась на просьбу Хлои. К счастью, моя сестра достаточно восстановила свой разум, чтобы понять, что ей нужно держать рот на замке.

Это *моя* история, и я не уверен, что хочу ее рассказывать.

Вчера, когда Хлоя спросила меня, правда ли то, что сказала ей Алина, у меня возникло искушение соврать, сказать ей, что Алина все выдумала, что она была в бреду из-за всех этих лекарств. Но по какой-то причине, когда я смотрел в мягкие карие глаза Хлои, слова отказывались формироваться в моем горле. Как бы я не ненавидел, что мой зайчик видит во мне зло, что-то глубоко внутри меня хочет, чтобы она знала меня настоящего.

Знать меня и любить меня несмотря ни на что.

Блядь. Это проблема, но не такая большая, как электронное письмо от Валерия, которое только что появилось в моем почтовом ящике.

ЛЕОНОВ В АМЕРИКЕ в строке темы написано заглавными буквами, и когда я открываю сообщение, оно сообщает мне, что контакты моего младшего брата в США получили известие о присутствии Алексея Леонова в Нью-Йорке. Что он там делает, можно только догадываться, но сам факт того, что он находится на том же континенте, что и моя сестра и мой сын, уже плохая новость. Я не забыла, что он сказал мне в туалете того таджикского ресторана, как он угрожал, что удержит Алину от их архаичного помолвочного контракта. В то время я подумал, что он просто пытался меня разозлить — и я до сих пор подозреваю, что это так, — но есть шанс, что он имел в виду именно это.

Скажи Алине, что пора. Я устал быть терпеливым.

Я стискиваю зубы, отгоняя воспоминания о тех мягко произнесенных словах. Какими бы ни были планы Алексея, Алине он и близко не подходит. Мало того, что мой сын провел почти два месяца на нежном попечении старшего Леонова, прежде чем я успел его

вытащить; меньше всего я хочу, чтобы мою эмоционально хрупкую сестру затянуло в это змеиное гнездо.

У нас с Алиной могут быть разногласия, но она — моя ответственность, мой крест, который я должен нести, и я буду защищать ее от любого, кто желает ей зла — особенно от ее так называемого предполагаемого.

подавив пылающую в животе ярость, я перечитала письмо. Нью-Йорк — это настолько далеко от Айдахо, насколько это вообще возможно. Могло ли присутствие Алексея в США так скоро после нашей стычки в Душанбе быть совпадением? Я прилетел в Таджикистан на нашем частном самолете, и я знаю, что команда Константина приняла меры, чтобы никто не узнал план моего полета, поэтому вполне возможно, что Алексей находится в Нью-Йорке по причине, совершенно не связанной с моей семьей.

Также возможно, что он узнал, что я в Америке, но не знает где, поэтому начинает поиски с самого логичного места: с Большого Яблока.

В любом случае, это головная боль, которая мне не нужна, особенно с заданием уровня «Миссия невыполнима» по убийству кандидата в президенты, которое уже лежит на моей тарелке.

Переключив свое внимание на это, я просматриваю электронное письмо, в котором подробно описывается предстоящий график поездок и публичных выступлений Брэнсфорда. Шаг первый — убедиться, что он действительно отец Хлои. Для этого нам нужна его ДНК.

Есть дюжина способов сделать это, но самым простым для меня было бы посетить одно из его мероприятий по сбору средств под видом потенциального донора и незаметно приобрести образец — скажем, украв его бокал. Проблема с этой стратегией в том, что эти события гораздо более публичны, чем мне удобно, особенно с учетом неожиданного приезда Алексея в Штаты. Теперь, как никогда раньше, я должен оставаться незамеченным, чтобы не раскрыть наше местонахождение, что исключает еще одно простое решение: встречу один на один с Брансфордом.

Учитывая его статус лидера в основной гонке его партии, я буду тщательно проверен, и моя информация попадет в какую-то базу данных, к которой могут получить доступ хакеры Леоновых. Кроме того, было бы неразумно попасть в поле зрения Брансфорда. Даже если убийцы не установили связь между мной и Хлоей до того, как я их уничтожил, Брэнсфорд мог знать, что в последний раз ее видели в этом районе Айдахо, и если он каким-то образом узнает, что я живу именно здесь, он станет подозрительным.

Нет, как бы удобно и удовлетворительно это ни было, я не могу получить его ДНК — или совершить убийство — лично. Не без того, чтобы подвергнуть мою семью и Хлою большей опасности. Как и часы тикают. Если убийцы сказали своему работодателю, что Хлоя интересовалась моей вакансией на местной заправочной станции, это только вопрос времени, когда другие его наемники появятся у моей двери.

Я должен устранить Брансфорда как угрозу, и быстро.

Приняв решение, я отправляю электронное письмо одному из новоприбывших Валерия, предписывающему притвориться официантом на следующем мероприятии, чтобы он мог получить ДНК Брансфорда из использованного стакана или посуды. На данный момент это формальность; Я знаю, что права насчет него — я чувствую это нутром. Однако, учитывая масштабы того, что я планирую, мне нужны железные доказательства, и это лучший способ сделать это. Единственным веским доказательством было бы прямое признание его вины, и я не вижу способа обойтись без похищения человека — задачи еще более сложной, чем его

прямое убийство.

А пока я буду действовать так, как будто он виновен, и спланирую нападение. Таким образом, как только тест ДНК подтвердит его связь с Хлоей, я смогу нажать на курок — если не буквально, то в переносном смысле. Снайперская пуля выделяла бы слишком много тепла, поэтому лучше всего использовать один из наших тщательно разработанных фармацевтических препаратов или устроить какой-нибудь несчастный случай.

В любом случае, он заплатит за убийство матери Хлои и попытку убить ее.

Том Брэнсфорд может еще не знать об этом, но он уже мертв.

Следующие два часа я прорабатываю различные логистические вопросы, а затем снова проверяю камеру из комнаты Хлои.

Она все еще со Славой; он расположился на ее кровати, его книги и детали LEGC разбросаны по всему ее одеялу. Похоже, они играют в игру, в которой она показывает ему что-то в книге, а он разыгрывает это за нее. Пока я смотрю, он спрыгивает с кровати и прыгает по комнате, изображая кролика.

— Это зайчик, да? — говорит она, улыбаясь, и глаза Славы широко раскрываются, прежде чем его маленькое личико озаряет широкая улыбка.

«Да!»

— Да, — поправляет она, ее собственная улыбка становится шире. «Мы говорим «да» по-английски».

Мой сын энергично качает головой. — Да, да, да! Теперь он прыгает вверх и вниз, слишком взволнованный, чтобы стоять на месте, и я делаю мысленную пометку научить Хлою еще несколькими словами по-русски. Таким образом, она сможет снова удивить его случайным образом, и мне понравится слушать ее милую русскую речь с американским акцентом.

Если подумать, я должен также научить ее некоторым сексуальным словам, чтобы я мог слышать ее мягкий, хриплый голос, напевающий их мне, когда мы в постели.

Мое тело напрягается при виде этого образа, и мне приходится сделать глубокий вдох, чтобы совладать с собой. Она у меня уже была один раз — или, вернее, несколько раз за одну ночь — и этого недостаточно. Я чувствую себя голодающим, которому позволили один ломтик мороженого.

Я хочу больше. Я хочу трахать ее каждую ночь, брать ее в каждую дырочку и доставлять ей удовольствие всеми возможными способами. Я хочу заснуть, обнимая ее, и проснуться глубоко внутри нее. Я хочу делать с ней всевозможные темные, развратные вещи, и я хочу обнять ее после того, как она спустится с кайфа удовольствия-боли.

Я хочу обладать ею так полно, что она забудет о желании бросить меня.

Скоро, обещаю я себе, закрывая ноутбук, когда встаю. Ей скоро станет лучше, и тогда она будет у меня.

А пока я должен сделать все возможное, чтобы обезопасить ее.

10

Хлоя

За несколько минут до официального обеда в половине двенадцатого приходит Людмила, чтобы проводить Славу вниз.

«Николай, скоро приходи с едой», — говорит она на своем английском с сильным

акцентом, правильно догадываясь, что урчащие звуки в моем животе говорят о голоде. Я застенчиво улыбаюсь ей, но она уже выталкивает Славу за дверь, говоря с ним на скорострельном русском языке.

И действительно, Николай появляется с подносом ровно в двенадцать тридцать.

«Что за приверженность к определенному времени приема пищи в стиле милитари?» — спрашиваю я, когда он садится рядом со мной и ставит поднос на тумбочку, прежде чем открыть вкусно пахнущие блюда.

Это то, о чем я думал в течение нескольких дней, но не имел возможности задать, и я полагаю, что на этот вопрос намного легче ответить, чем на другие, которые я подготовила.

Кривая улыбка приподнимает уголок чувственных губ Николая. — Ты сказал: это остатки армии. Точнее, время Павла в армии. Он ведет наше хозяйство с тех пор, как ушел из армии около тридцати лет назад, и это одно из его правил. Я не против. Я вырос таким, поэтому я нахожу это утешительным ритуалом».

«Как насчет официальной одежды на ужин? Это тоже дело Павла? Это было бы странно, учитывая, что я никогда не видела медвежьего русского в чем-то похожем на костюм или смокинг, но в этом доме много странностей».

Крошечные мышцы вокруг глаз Николая напрягаются, хотя улыбка остается на его губах. "Не совсем. Это то, на чем настаивала моя мать. Она сказала, что нам нужно что-то красивое в нашей жизни, чтобы скрыть все уродство».

"Ага, понятно." Мой пульс ускоряется от предвкушения. Это первый раз, когда он говорит мне о своей матери — на самом деле, о любом из своих родителей. Все, что я знал до ужасающих откровений Алины, это то, что оба их родителя мертвы.

— Вот, — говорит Николай, поднося к моим губам кусок французского хлеба, намазанный маслом и икрой. "Открыть."

Я послушно откусываю лакомство, как инвалид, которым мы оба притворяемся. Однако я не думаю о нашей странной маленькой игре; это бурлит со всеми вопросами. Я еще так много не знаю о своем опасном защитнике, и мне нужно знать.

Мне нужно знать все, потому что какая-то маленькая, иррациональная часть меня все еще надеется, что тьма в нем не такая крошечная, как кажется.

Я позволила ему накормить меня другими закусками на подносе, а также слоеной белой рыбой с лимонным соусом и гребешком из картофеля, которое является основным блюдом, а когда он переключился на десерт — вареные груши с черной смородиной и грецкими орехами в меду... Я напрягаюсь и приступаю к запланированному допросу.

— Итак, — говорю я как можно небрежнее, — вы, ребята, мафия?

Я почти уверена, что уже знаю ответ на этот вопрос, но с тем же успехом мог бы услышать его из великолепного рта лошади.

К моему удивлению, вместо того, чтобы сжаться от обиды или гнева, его рот дернулся от удовольствия. — Нет, зайчик. По крайней мере, не так, как ты себе это представляешь. Мы не занимаемся нелегальными наркотиками, оружием или чем-то подобным — это больше прерогатива Леоновых. Подавляющее большинство наших бизнесов законны и честны, а небольшая часть не входит в компетенцию Константина — даркнет, хакерство, боты в социальных сетях и весь этот высокотехнологичный джаз».

Я недоверчиво моргаю, образ пистолета в его руке четок и ясен в моем сознании. Не может быть, чтобы обычный богатый бизнесмен, даже с военной подготовкой, мог убивать и пытаться так небрежно, как он. — Но я видела тебя... И твоих людей... И...

— Я не говорил, что это мы ангелы. Открывай." Он подносит к моим губам вилку груши со смородиной и ждет, пока я начну жевать, прежде чем продолжить. «В России, чтобы получить и удержать власть, нужно быть безжалостным. Вы должны быть готовы сделать все, что потребуется. Так было всегда, с незапамятных времен».

Я открываю рот, чтобы заговорить, но он просто дает мне еще один кусочек груши и продолжает легким, ровным тоном, как будто читает сказку на ночь.

«Моя семья всегда это понимала, — говорит он, — поэтому мы процветаем со времен монгольского правления. На самом деле, наш первый известный предок был одним из правых рук Чингисхана — милым, добрым парнем, который грабил, сжигал и насиловал всю Сибирь и Подмоскovie еще в тринадцатом веке. Его дети пошли по его стопам, и к тому времени, когда Петр Великий строил свой город, Молотовы — или Небелевские, как нас тогда называли, — были неотъемлемой частью царского двора, направляя и направляя национальную политику из-за кулис. Мы также были неприлично богаты и владели тысячами и тысячами крепостных, что придает дополнительную иронию тому, что во время революции мой прадед был одним из тех, кто судил «презренных дворян» и «злых буржуа» за преступления против народа. люди. Он даже сменил фамилию на Молотов, корень которой по-русски означает «молот» — гораздо более дружественная к коммунистам фамилия, чем Небелевский. Но это то, как мы катимся». Губы Николая скривились от горечи. «Мы делаем все возможное, чтобы оставаться на вершине: будь то управление лагерями ГУЛАГа в сталинские времена, возглавление пропагандистской машины Коммунистической партии в 50-х и диверсификации, чтобы сохранить полученное миллиардное богатство. Мы как тараканы, кроме тех, которые умеют не только выживать, но и править своим уголком мира».

Я одновременно встревожена и очарована, настолько, что забываю прожевать следующий кусочек десерта, прежде чем спросить: «Значит, ты не настоящая мафия?»

Мой рот так набит, что слова вылетают беспорядочно, но Николай понимает и улыбается. — Нет, но это не значит, что мы избегаем пачкать руки. Остаться на вершине в России — все равно, что строить дом на песчаном берегу океана: землю под ним смывает каждый прилив, а на горизонте всегда назревает буря. Мой покойный дедушка, например, отец моего отца, чуть не был казнен еще в пятидесятые годы, когда высокопоставленный партийный соперник ложно обвинил его в нелояльности коммунистическому режиму. Он провел два года в одном из сибирских ГУЛАГов, которым руководил, а когда выбрался оттуда, первым делом подкинул улики на своего соперника и отправил *его* в ГУЛАГ, в то время как правительство передало все свою собственность себе. Потом, позже, мой отец... — Он замолкает, выражение его лица мрачнеет.

Я сажусь прямее. — Твой отец что?

Лицо Николая становится бесстрастным. "Ничего такого. Девяностые годы в России были просто особенно коррумпированным и нестабильным временем, поэтому моя семья должна была быть особенно бдительной и безжалостной».

— Точнее, твой отец. Я не позволю ему бросить эту тему, не тогда, когда я наконец получу ответы.

— А его брат Вячеслав — мой дядя. Его сын Роман теперь почти так же богат, как и мы.

"Ага." В любое другое время я бы ухватилась за возможность узнать больше о большой семье Николая, но сейчас я сосредоточена исключительно на его отце. Я позволяю ему накормить меня еще парой порций десерта и, проглотив, осторожно спрашиваю: — Так что

же приходилось делать вашему отцу, чтобы оставаться на вершине в девяностых?

Глаза Николая приобретают более зеленый оттенок янтаря. «Ничем не хуже любого другого олигарха его поколения: много подкупа, немного шантажа и рэкета, немного физического принуждения и — когда требуется — насильственное устранение препятствий. Тактика, которую вы могли бы отнести к области организованной преступности, за исключением того, что в то время это была стандартная бизнес-стратегия в России. И дело было не только в олигархах — правительство использовало тот же набор инструментов. В какой-то степени это все еще так; законность и преступность — очень гибкие, постоянно развивающиеся понятия в моей стране, каждое из которых имеет много возможностей для интерпретации».

Я изо всех сил стараюсь сохранять нейтральное выражение лица, даже когда мои руки покалывают от холода. *Физическое принуждение* и *насильственное устранение* — это очевидные эвфемизмы пыток и убийств. И это то, что он считал стандартной бизнес-стратегией?

Молотовы могут и не быть мафией в формальном смысле этого слова, но в некотором смысле они даже более опасны.

— Ты поэтому привел сюда Славу? Потому что Россия такое незаконное место?» — спрашиваю я, не в силах помочь себе. Это еще одна загадка, которая гложет меня, и хотя я намеревался сосредоточить этот допрос на его отце, я не могу упустить шанс получить некоторые ответы на этот счет.

После того, что он только что рассказал мне о своем доме, я не могу винить его за то, что он хочет вырастить своего сына как можно дальше от России.

— Нет, зайчик. Его красивый рот приобретает циничный изгиб, который он так часто носит. — Боюсь, я не очень хороший отец.

«Так почему ты *здесь*? Ты обещал, что расскажешь мне. На самом деле он ничего подобного не обещал. Все, что он сказал во время видеозвонка, когда я расспрашивал его об этом, было то, что это долгая история.

Он должен помнить и об этом, потому что его глаза весело блестят. «Хорошая попытка». Он смотрит на почти пустой поднос. — Ты сыт или хочешь еще чего-нибудь?

Я так наелся, что мой желудок вот-вот взорвется, но я пока не хочу, чтобы он ушел. Не тогда, когда мы только подходим к вещам, о которых мне не терпится узнать. — Я бы хотела немного фруктов, — говорю я с надеждой. «Может быть, ягоды, если они у тебя есть? И кофе. Я бы хотела кофе.

Он выглядит еще более удивленным, но поднимается на ноги, не споря. "Хорошо. Я скоро вернусь."

Поцеловав меня в лоб, он берет поднос и уходит.

11

Николай

Я все еще улыбаюсь, когда захожу на кухню. Мой зайчик так чудесно прозрачен в своих попытках манипулирования. *Ты обещал мне*. Все, что я мог сделать, это не схватить и не поцеловать ее на месте, тем более, что, когда она это говорила, она слегка надула нижнюю губу, как лстивый ребенок.

Мне нравится, что теперь она меньше меня боится, что вместо ужаса в ее хорошеньких карих глазах читается любопытство. Я делал все, что мог, чтобы держать зверя внутри меня

на поводке в ее присутствии, чтобы она чувствовала себя комфортно и в безопасности, и, похоже, мне это удастся, что оправдывает всю сдержанность. Ну и что, если мои руки чуть ли не трясутся от желания прикоснуться к ней, крепко прижать ее к себе, пока я глубоко ввожу себя в ее гладкое теплое тело?

Я могу быть терпеливым.

Я могу быть нежным.

Я могу заботиться о ней, как чертов евнух, если это нужно, чтобы стереть воспоминания о рассказе моей сестры из ее памяти.

Не то, чтобы это могло случиться. Я знаю, куда вела Хлоя со всеми своими вопросами. Она хочет знать всю историю, и я не могу ее винить. Кофе, ягоды — это только предлог. Чего она хочет, так это больше времени со мной, больше времени на расследование, и я должен решить, сколько правды я готов ей рассказать, если таковая имеется.

"Как она?" — спрашивает Людмила, когда я ставлю поднос на прилавок и сообщаю ей о состоянии Хлои, а именно о том, что ей лучше. Сегодня утром я сменил ей повязки, и рана выглядела так, как будто она хорошо заживала. Я также тайком пересчитала таблетки на ее ночном столике, и, похоже, она пока приняла только пару — еще один хороший знак.

Я понимаю, что у Хлои вряд ли разовьется зависимость от нескольких болеутоляющих, но после того, как я стал свидетелем борьбы Алины, я не могу не волноваться.

«Хорошо, что у нее такой аппетит», — говорит Людмила после того, как я передаю ей просьбы Хлои. — Но лучше бы она пила чай.

"Согласовано. Но давайте дадим ей кофе, который она хочет.

Людмила кряхтит в знак согласия и готовит поднос с искусно разложенной клубникой, малиной и черникой, а также чашку дымящегося горячего кофе. Я благодарю ее и спешу обратно наверх, где ждет мой зайчик.

Я решил, что *есть* один ее вопрос, на который я могу ответить сегодня, часть правды, которую я могу дать ей.

Ее глаза полны любопытства, когда я вхожу в ее комнату и сажусь на край кровати, ставя поднос на его место на тумбочке.

«Итак, — начинает она, — о...

— Открой, — мягко приказываю я, беря клубнику за плодоножку, и когда ее пухлые губы послушно раздвигаются, я вталкиваю сочную ягоду внутрь и смотрю, как ее белые зубы впиваются в ее плоть — так, как я хочу вонзить свои зубы в ее.

Всплеск вожделения такой внезапный, такой сильный, что мне приходится напрягать каждую мышцу тела, чтобы не поддаться желанию. Есть что-то почти каннибальское в том, как я хочу ее, в том, как у меня текут слюнки при мысли о том, чтобы попробовать на вкус ее гладкую бронзовую кожу и слизать капельки пота с ее обнаженного тела после того, как я еще раз трахну ее до изнеможения. Я помню, как ее соски ощущались на моем языке, ее солено-ягодная сущность, и контроль, которым я только что гордился, вдруг стал тонким и изношенным, как древняя веревка.

Она тоже напрягается, ее глаза устремлены на мои, ее стройное тело напряглось от первобытного осознания добычи. Струйка клубничного сока вырывается из ее рта, и я инстинктивно ловлю ее большим пальцем, мое сердце бешено колотится от ощущения ее теплой кожи, пухлости ее нижней губы, блестящей, красной и липкой от сока. Удерживая ее взгляд, я подношу большой палец ко рту и сосу его начисто, как я сосал бы ее сладкие, ягодно-липкие губы, если бы мог поверить, что остановлюсь на этом.

Ее глаза расширяются, ее дыхание сбивается из-за моих действий, ее взгляд на мгновение падает на мои губы, прежде чем снова встретиться со мной взглядом. Она так же возбуждена, как и я, я это вижу, и в воздухе между нами кипит обжигающее напряжение, нагревая комнату до тех пор, пока мои кости не начинают гореть, а мой член так тверд, что застежка-молния вот-вот взорвется. отпечаток на его длине. Я почти чувствую ее податливую плоть под своими ладонями, почти чувствую вкус этих блестящих, покрасневших губ...

Далекий раскат детского смеха приводит меня в чувство, и я понимаю, что наклонился к ней, моя рука уже сжимала ее одеяло. *Блядь*. Разжав кулак, я встаю на ноги и шагаю к окну. Делая глубокие очищающие вдохи, я вижу, как мой сын бежит по подъездной дорожке, а Аркаш гонится за ним. Он смеется так сильно, что я слышу его даже сквозь пуленепробиваемое стекло, и этот звук еще больше рассеивает туман похоти, окутывающий мой мозг.

Чертов ебать. Я думал, что держу себя в руках — я был уверен в этом после того, как вчера искупал ее, сохраняя жесткий самоконтроль. Я хотел ее, да, но я мог дистанцироваться от этого желания и сосредоточиться исключительно на ее благополучии, на том факте, что она только что перенесла операцию и нуждалась во мне, чтобы быть ее опекуном. Но сегодня ей лучше, а самообладание у меня в тысячу раз хуже.

— Гм, Николай... — тон Хлои неуверен, ее голос мягкий и слегка хриплый. Услышав это, я снова содрогаюсь от голода. На этот раз, правда, ее тут нет, и мне легче взять себя в руки, обуздав дикую потребность.

Сглаживая выражение лица, я сцепляю руки за спиной и поворачиваюсь к ней лицом. — Да, зайчик?

Ее нежное горло дрожит от глотка. — Что там делает Слава?

— Играет в пятнашки с одним из моих охранников. Я возвращаюсь к кровати и сажусь у ее изножья, настолько далеко от нее, насколько это возможно, но все еще занимая тот же предмет мебели. — Павел, должно быть, попросил его присмотреть за Славой, пока он убирает после обеда.

Маленькие белые зубы беспокоят ее нижнюю губу. "Верно. Верно." Внимательно наблюдая за мной, она берет кофейную кружку и дует на горячую жидкость. Я догадываюсь, что у нее на уме — она обсуждает, как лучше всего подойти к теме, которая ее больше всего интересует, — поэтому я решаю ей помочь.

Я не готов говорить о своем отце, но я могу сказать ей правду о моем сыне.

Выдерживая ее взгляд, я спокойно говорю: — Пять лет назад мой брат Валерий отпраздновал свой двадцать второй день рождения в ночном клубе в Москве. Это была вечеринка года; там были все, кто есть в нашей части света, включая, как я узнал позже, Ксению Леонову, затворницу, дочь давнего врага и соперника нашей семьи».

Хлоя в замешательстве хмурится. «Леонова? Как в случае с Леоновыми, о которых вы упоминали ранее? Настоящая русская мафиозная семья?

«Они бы отвергли и этот ярлык, но да. Они ловят рыбу в гораздо более грязном пруду. В любом случае, в отличие от своего брата Алексея, Ксения всегда держалась вне поля зрения, поэтому я понятия не имел, кто она такая, когда она подошла ко мне». Я делаю вдох, чтобы совладать с разгорающейся во мне знакомой яростью. «Я думал, что она просто еще одна светская львица или подражатель модели, поэтому мы потанцевали, выпили несколько рюмок, а затем пошли в отель, чтобы трахаться».

Хлоя слегка вздрагивает, кофейная кружка дрожит в ее руке. Я быстро двигаюсь, хватаю его у нее и кладу обратно на поднос, пока темная жидкость не успела пролиться. Тогда я сажусь ближе к ней.

В воспоминаниях о Ксении хорошо то, что это убивает мое либидо насмерть.

«Я надела презерватив, как всегда», — продолжаю я, и глаза Хлои расширяются. Она должна понять, куда движется история. — Да, — говорю я, прежде чем она успевает спросить, — он сломался. Либо так, либо она как-то подделала его — я до сих пор не знаю, что именно. Я ничего не заметил в то время. Я выпил немного, и ночь не особо запомнилась. На самом деле, я забыла обо всем этом до тех пор, пока немногим более восьми месяцев назад мне не позвонила подруга Ксении и сообщила, что Ксения погибла в автокатастрофе, оставив после себя сына — *моего* сына, по ее словам. дневник."

«Боже мой», — выдыхает Хлоя, выглядя в ужасе. — Значит, мать Славы была...

— Кто-то, к кому я бы не прикоснулся в защитном костюме, если бы знал, кто она такая, да. Отношения между нашими семьями были, мягко говоря, натянутыми десятилетиями».

«Десятилетия? Почему?"

«Помнишь историю, которую я тебе только что рассказал, о том, как моего дедушку отправили в ГУЛАГ?»

Хлоя кивает и снова осторожно берет свой кофе.

«Человеком, обвинившим его в нелояльности к партии, был Матвей Леонов, дедушка Ксении».

Она замирает, кружка на полпути ко рту. "Ой. Ух ты."

"Да. Он был ядовитой змеей, как и все Леоновы, но особенно Ксения. Вопреки себе мой голос источает горькую ненависть. «По сей день я не знаю, планировала ли она трахнуть меня все время, или это была случайность, что она забеременела. В любом случае, она не сказала мне, что у меня есть сын. Наверное, никогда не собирался мне рассказывать. Если бы она не умерла, я мог бы так и не узнать о существовании Славы — по крайней мере, до тех пор, пока он не станет достаточно взрослым, чтобы появляться в наших кругах. В тот момент сходство могло бы указать всем на его наследие Молотова, если не обязательно на его фактическое отцовство». Мой рот искривляется. «Вы не видели ни моих братьев, ни моего кузена, но мы все очень похожи».

Хлоя ставит кофе обратно на тумбочку, даже не сделав глотка. — Как ты думаешь, почему она подошла к тебе той ночью? Она, должно быть, знала, кто *ты* такой, верно?

— Конечно. В отличие от нее, я был хорошо известен в московском высшем обществе. «Что касается причин, я до сих пор понятия не имею. Может быть, она все спланировала, вплоть до порвавшегося презерватива, а может быть, она была просто молода и глупа и хотела флиртовать с опасностью. Я даже не знаю, почему она была на вечере и как туда попала, — уж точно никто из Леоновых не был приглашен. В любом случае, конечный результат один и тот же: у меня есть сын, о котором я не знала восемь месяцев назад. Сын, наполовину Леонов.

Хлоя втягивает воздух. "Подожди секунду. Поэтому ты..."

"Здесь?" В ответ на ее кивок я невесело улыбаюсь. — Ты угадала, зайчик. Семья его матери точно не передала его мне. О существовании Славы я узнал через неделю после смерти Ксении, а к тому времени он уже жил с Борисом Леоновым, отцом Ксении, человеком, известным своими жестокими и буйными наклонностями. Я никогда не хотел

детей, никогда не планировал их иметь, но я не могла оставить своего сына в его лапах, не могла бросить его, чтобы он рос в этом змеином гнезде».

«Так ты что? Украл его у них?»

Я киваю. «Нам с братьями понадобилось почти два месяца, чтобы придумать, как взломать их систему безопасности, но мы вытащили его, и я привел его сюда, где никто не знает, кто мы такие, и не могу сообщить Леоновым, что у меня внезапно ребенок.»

Ее гладкий лоб морщится в замешательстве. "Я не понимаю. Почему ты просто не пошел по законным каналам? Ты отец Славы. Разве ты не мог получить опеку с помощью простого теста на отцовство?"

— Я мог бы — и сделал бы — если бы это был кто угодно, только не Леоновы. Они ненавидят нашу семью так же сильно, как мы ненавидим их, и они сделают все, чтобы помешать нам... чтобы помешать *мне*. В тот момент, когда я подала заявление об опеке — в тот момент, когда они поняли, что я знаю о существовании Славы, — его бы увезли, спрятали бы в такое место, где мы бы никогда его не нашли. Может быть, его смерть была бы сфальсифицирована ради суда, а может быть, его действительно убили бы. Что угодно, лишь бы лишить меня возможности вырастить сына».

Хлоя задыхается от ужаса. — Думаешь, они бы...?

«Мимо Леонова-старшего я бы ничего не поставил». Или Алексей и Руслан, такие же безжалостные братья Ксении.

Хлоя выглядит в ужасе. "Это ужасно." Затем ее глаза расширяются, и она снова задыхается. «Дедушка Утка! О Боже... ты думаешь, отец Ксении обижал Славу, пока жил с ним?»

— Я бы не удивился. Я стараюсь говорить спокойно, но темная ярость просачивается в мой голос, делая его жестким и гортанным. — Слава никогда не говорил о времени, проведенном с дедушкой, но то, как он вел себя со мной и Павлом сначала... как он до сих пор ведет себя со мной, в какой-то степени... ярость.

Смутные подозрения, которые у меня были относительно обращения Бориса Леонова с моим сыном, выкристаллизовались почти в уверенность, когда Хлоя рассказала мне о странной реакции Славы на дедушку Утку в детской сказке. Единственная причина, по которой отец Ксении все еще жив, заключается в том, что команда Константина обнаружила тщательно скрываемый факт, что у него рак поджелудочной железы на поздней стадии, и ожидается, что он продлится не более пары полных агонии месяцев.

Убить его было бы милостью, которую я не хочу оказывать.

Хлоя кладет руку мне на колено. — Мне очень жаль, Николай. Ее мягкие карие глаза полны сочувствия и отголоска той же ярости, что горит во мне.

Ей тоже хочется растерзать любого, кто обидел Славу, я вижу.

С усилием я подавляю свою ярость. Природа уже изобрела для Бориса Леонова самые изысканные пытки, и я должен довольствоваться этим. Единственное, чего можно добиться, заказав убийство отца Ксении, — это сократить его страдания и спровоцировать открытую войну между нашими семьями. Сейчас у нас если не то что перемирие, то разрядка: за несколько лет крови не пролилось, несмотря на постоянные трения как на деловом, так и на личном уровне.

Это изменится, если я убью Бориса или если они узнают, что я стою за похищением Славы. Сейчас у них могут быть какие-то подозрения на этот счет — Алексей, конечно, намекнул на что-то во время нашей встречи в Душанбе, — но они не будут действовать в

соответствии с этими подозрениями, пока не будут уверены. Не только потому, что это означало бы начать эту войну, но и потому, что если они ошибаются и я ничего не знаю о Славе, их нападение может дать мне ключ, открывая всю уродливую, извивающуюся банку с червями.

Со своей стороны, я сделал все возможное, чтобы убедиться, что сомнения — это все, что у них есть. Я уехал из России за три недели до того, как мы эвакуировали Славу из их лагеря, чтобы сроки не слишком совпадали, а подруга Ксении, та, что позвонила мне после обнаружения дневника, переехала в Новую Зеландию с миллионом долларов и новой картой. личность — и обещание, что если она свяжется с кем-нибудь из Леоновых, чтобы передать наш разговор, ее семья в России заплатит цену.

Я не вдаюсь во все эти подробности с Хлоей сейчас. Не нужно; она может сделать свои собственные выводы из того, что я ей рассказал. Вместо этого я накрываю ее руку своей и серьезно говорю: «Спасибо, зайчик». Ее сочувствие и гнев на Славу охлаждают мою ярость, тепло ее маленькой ладони проникает в мою кожу, несмотря на толстую ткань моих джинсов.

Она сглатывает и отводит руку, отводя взгляд. Она боится этого, с болью осознаю я, боится эмоциональной близости со мной. Это и обескураживает, и обнадеживает. Обескураживающе, потому что я хочу, чтобы мы прошли через это, вернулись к тому, что было до откровений Алины. И обнадеживает, потому что это говорит мне, что у нас есть надежда... что, как бы сильно она ни хотела, чтобы я ее отталкивала и пугала, ее чувства гораздо сложнее.

Сдерживая свое разочарование, я жду, когда она оглянется на меня, и когда она это делает, я беру кофе и протягиваю ей. — Вот, зайчик. Мой тон спокойный и мягкий. — Ты должен выпить это, пока оно не остыло.

Я позволю ей пока спрятаться от правды, позволю ей поставить свои щиты и защиту. Они не спасут ее от меня. Ничего не будет.

Нравится ей это или нет, но я буду владеть ею.

Сердце, разум, тело и душа.

12

Хлоя

Несмотря на полную чашку кофе, я засыпаю сразу после обеда и дремлю, пока Николай не принесет мне ужин. Я думаю, что это болеутоляющие вызывают у меня такую сонливость — или мой мозг использует сон как способ обработать самые последние открытия, скрываясь от вызывающих тревогу вопросов без ответов.

Они похитили Славу, украли его из семьи матери. Думаю, я должен быть шокирован, но это не так. Думаю, я подозревал что-то подобное на каком-то уровне; это было частью неправильности, которую я улавливал, той тревожной вибрации, которую я продолжал получать от этой семьи, особенно от моего мрачного заворачивающего похитителя.

Я хочу осудить его действия, но вместо этого не могу не аплодировать им. Чтобы вытащить своего сына из потенциально оскорбительной ситуации, Николай полностью перевернул свою жизнь, покинув родную страну и отказавшись от своей роли главы конгломерата Молотова. Не каждый отец сделал бы это для своего ребенка, особенно для ребенка, о котором он не знал.

Ребенок, которого, как он утверждает, никогда не хотел.

Моя грудь сжимается, когда я вспоминаю это признание, брошенное так небрежно, так небрежно, как будто оно не имеет значения. Он не объяснял, не вдавался в подробности, но я мог читать между строк.

Это было не желание жить для себя, или путешествовать, или предотвращать перенаселение, или любая другая причина, по которой люди обычно отказываются от детей. В случае с Николаем он не хотел быть отцом, потому что не думал, что будет хорошим отцом... и потому что не хотел, чтобы его линия продолжалась. Часть моего похитителя презирает себя либо из-за того, что он сделал, либо из-за того, кем он является.

Молотов.

Я думала об истории, которую он мне рассказал, об истории его семьи и о том, как он вырос. Он мало говорил о последнем, но его умолчания были столь же красноречивы, как и детали, которые он включил. Было очевидно, что его учили смотреть на жизнь как на бесконечную битву за выживание и господство, борьбу, в которой могут победить только самые безжалостные.

Могу поспорить на что угодно, что его воспитание в руках отца было недалеко от того, как его монгольский предок мог воспитать *своего* сына еще в тринадцатом веке, с навыками пыток и всем остальным.

За обедом пытаюсь копнуть поглубже, но Николай уже не в настроении говорить о себе. Вместо этого, кормя меня вареной в вине олениной с грибным соусом и пюре из сладкого картофеля, он сосредоточил разговор на мне: что мне нравится и что не нравится в еде, мои любимые фильмы, мои друзья в колледже. И он делает это так искусно, что я ловлю себя на том, что разговариваю с ним безоговорочно, улыбаясь и смеясь, когда описываю, как кошка моего соседа помочилась на мою кровать, и как один из моих друзей-парней принял мою маму за одного из студентов и приставал к ней. во время нашей ориентации на первом курсе.

Как будто мы вернулись к нашим видеочатам, как будто все, что произошло после его возвращения, было не чем иным, как страшным лихорадочным сном.

Только когда ужин готов и он целует меня на ночь, его мягкие и прохладные губы касаются моего лба, я понимаю, что упустила возможность получить ответы _____ на остальные свои животрепещущие вопросы.

Схема повторяется на следующее утро, когда Николай приносит мне завтрак. Он умело избегает моих попыток перевести разговор на его отца — или *моего* отца. Вместо этого, пока он кормит меня *гречкой* — жареной гречневой кашей, которую Алина любит вместо овсянки, — мы обсуждаем успехи Славы и следующие запланированные мной уроки. Затем он помогает мне принять душ, меняет повязку и, по моему настоянию, одевает штаны для йоги и мягкую футболку.

Моя лодыжка чувствует себя лучше, как и моя рука, так что я намерен встать и ходить.

— Не переусердствуй, — предостерегает он меня, когда я решительно ковыляю в комнату Славы вместо того, чтобы позволить ему отнести меня туда. — Тебе еще нужно время, чтобы вылечиться.

— Я успокоюсь, не волнуйся, — говорю я, плюхаясь на кровать Славы — к большому удовольствию мальчика. «Мы будем читать книги, строить замки... Ничего сложного, обещаю».

Николай все еще выглядит озабоченным, поэтому я широко улыбаюсь ему. «Я все лучше, я действительно. Сегодня утром даже не понадобилось обезболивающее. Последнее

не совсем верно — я определенно могла бы использовать обезболивающее от тупой, ноющей боли в руке, — но я решила не принимать его, чтобы посмотреть, смогу ли я справиться с этим самостоятельно.

В любом случае, мое заверение работает, как задумано. Лицо Николая проясняется. «Ну ладно», — говорит он и, сказав сыну несколько слов по-русски, оставляет нас на уроках.

К середине утра моя рука болит сильнее — Слава случайно наткнулся на перевязь, забираясь ко мне на колени, — поэтому я хромаю обратно в свою комнату, чтобы все-таки принять обезболивающее.

В коридоре я встречаю Людмилу, которая несет огромный букет цветов, от пышных роз до подсолнухов и тюльпанов. «День рождения Алины», — сообщает она мне, когда я спрашиваю, для чего это. «Большой. Сегодня двадцать пять.

О, стреляй. Алина упомянула, что у нее день рождения на этой неделе, когда мы вместе курили травку. Хотя я понятия не имел, что это было сегодня.

Быстро соображая, я спрашиваю Людмилу: «Где Николай?»

Мне нужен какой-то подарок, и единственное, что я могу придумать, это собственный букет из полевых цветов, собранных в лесу неподалеку. Во время своих походов я заметил несколько мест, где они растут в изобилии.

Хитрость будет заключаться в том, чтобы добраться до одного из тех мест, где моя лодыжка плохо себя ведет, но именно здесь, надеюсь, появится Николай.

Людмила кивает в сторону своего кабинета. «Он работает».

Проходя мимо меня, она направляется в комнату Алины, и я закусываю губу, глядя на закрытую дверь кабинета Николая. Осмелюсь ли я прервать?

Трель женского смеха и оживленная русская болтовня, доносящиеся из комнаты Алины, решают это за меня.

Я не могу не получить хоть что- *нибудь* для сестры Николая.

Я доковыляю до кабинета Николая и тихо постучу.

— *Да*, — отвечает его низкий голос, — *да* по-русски.

Я делаю глубокий вдох. «Это Хлоя. Мне просто интересно, если...

Дверь распахивается, и слова замирают на моих губах, когда потрясающие зелено-золотые глаза встречаются с моими, перехватывая дыхание и ускоряя сердцебиение.

Черт.

Перестанет ли когда-нибудь мое тело так сильно реагировать на него? На данный момент мы трахались, и он купал меня несколько раз, но его мужская красота по-прежнему ослепляла меня каждый раз, когда мы проводили пару часов порознь.

— Что такое, зайчик? — спрашивает он, сдвинув темные брови, и быстро и обеспокоенно окидывает меня взглядом. Прежде чем я успеваю ответить, он хватает меня за руки. "Все нормально?"

«Да, все в порядке. Я просто... — я бросаю быстрый взгляд через плечо. Коридор пуст, но я на всякий случай понижаю голос. «Мне нужен подарок для Алины».

«Ах. Заходи." Он ведет меня в свой кабинет и подводит к креслу, на которое я с благодарностью опускаюсь. Я, возможно, перестарался сегодня со всей ходьбой — моя лодыжка лучше, но это определенно не совсем хорошо. Как и моя рука.

Это обезболивающее становится все более необходимым с каждой минутой.

— Вот, — говорит Николай, выдвигая ящик стола. Он достает маленькую черную

коробочку и протягивает ее мне. — Ты можешь отдать это ей.

Сбитый с толку, я открываю его и смотрю на усыпанный бриллиантами браслет внутри.

Что за черт?

Мой взгляд прыгает на его лицо. — Что значит, отдать ей?

«Это может быть твоим подарком», — как ни в чем не бывало говорит Николай. — Я подарю ей еще одно украшение.

Он серьезно?

«Конечно, это не может быть моим даром», — говорю я, восстановив способность говорить. — Ты получил это для нее, а не для меня. Я не могу позволить себе ни одного камня в этом браслете, и Алина это знает».

Он пожимает плечами. "И что? Ей все равно понравится.

Боже мой. Я делаю вдох и считаю до трех. «Нет, она не будет. Потому что я собираюсь подарить ей что-то еще — что-то, что на самом деле от меня».

"Такие как?"

"Цветы. Я бы хотела собрать для нее букет. Я видела, как недалеко отсюда цвели очень красивые цветы.

Его брови снова сходятся. — Ты ни за что не пойдешь в поход с такой лодыжкой.

"Это недалеко. Я могу сделать это. Особенно, если ты пойдешь со мной и поможешь.

В его тигриных глазах появляется своеобразный блеск. — Хочешь, я возьму тебя с собой на сбор цветов?

Теперь, когда он это сказал, я понимаю, как нелепо это звучит — и насколько велика просьба. Что, черт возьми, я думал? Он не мой парень; он мой похититель, могущественный, опасный человек, у которого есть гораздо более важные...

— Хорошо, — говорит он, прежде чем я успеваю дать задний ход. — Дай мне минуту, чтобы закончить здесь, и мы пойдем.

13

Николай

Игнорируя заявления Хлои о том, что она может ходить «вполне нормально», я несу ее в ее комнату и возвращаюсь, чтобы закончить сообщение, которое я писал, инструктируя новоприбывшего Валери о том, как и где я хочу взять образец ДНК. На эту работу мой брат посылает не мужчину, а женщину, что даже лучше.

Это открывает некоторые интересные возможности для того, чтобы сблизиться с Брансфордом.

Затем я отвечаю еще на несколько срочных сообщений и иду за Хлоей для нашей экспедиции по сбору цветов.

Мое сердце колотится от предвкушения, когда я приближаюсь к ее комнате. Может быть, я придаю этому слишком большое значение, но меня воодушевляет то, что она активно разыскивает меня, что она хочет проводить со мной время, даже если это делается под этим дерьмовым предлогом.

Моя стратегия быть не более чем ее терпеливым платоническим опекуном работает. Медленно, но верно моя зайчик теряет страх передо мной, опуская свои щиты. И это хорошо, потому что я не знаю, сколько еще смогу терпеть.

Чем лучше она себя чувствует, тем труднее мне контролировать зверя внутри меня, не давать себе претендовать на нее, как того требуют мои инстинкты.

Она смотрит новости, когда я вхожу в ее комнату. Увидев меня, она выключает телевизор и встает с лучезарной улыбкой на лице. "Я готов."

Что-то глубоко внутри моей груди одновременно расширяется и сжимается. — Тогда пошли за цветами.

Я позволяю ей идти ко мне одной, просто чтобы посмотреть, как хорошо заживает ее лодыжка. Но как только она подходит ко мне, я поднимаю ее, снова игнорируя ее возражения. Я не могу смотреть, как она хромает — мне слишком больно, — так что этот поход происходит только с ней на руках.

«Ты же не серьезно собираешься нести меня туда всю дорогу», — говорит она, когда мы выходим из дома.

Я улыбаюсь ей. — Почему бы и нет, зайчик?

Мне нравится обнимать ее, чувствовать, как она прижимается ко мне. Пока ее лодыжка не заживет, я намерен носить ее с собой как можно дольше, а может быть, и после этого.

«Для начала, до того места, которое я имею в виду, не менее полумили», — говорит она с предельной серьезностью, как будто полмили — это какое-то реальное расстояние. «Если ты просто подставишь меня под локоть, я смогу пройти туда медленным шагом».

«Этого не происходит».

«Но я тяжелая. Нет выбора»

"Ты шутишь, верно?" Я ухмыляюсь в ее маленькое возмущенное лицо. — Зайчик, я целый день таскал рюкзаки тяжелее тебя.

Она моргает. — Ты имеешь в виду... когда ты служил в армии?

"И сейчас. Мы с Павлом часто тренируемся с охранниками, чтобы поддерживать себя в форме».

"Ага. Но все равно.."

"Как насчет этого? Я обещаю, что отпущу тебя, если устану. Вернее, если я упаду замертво. Только так она бродит по этим лесам на своей лодыжке.

Она фыркает. "Отлично. Будь мачо, посмотри, забочусь ли я, когда у тебя отвалятся руки. Цветы такие». Она указывает на небольшую грунтовую тропинку, ведущую в лес к востоку от нас, затем кладет голову мне на плечо, как будто собираясь вздремнуть.

Я смеюсь и иду по дорожке, которую она указала, стараясь защитить ее от низко висящих ветвей и кустов. Я не могу вспомнить, когда в последний раз я чувствовал себя таким легким, как физически, так и морально. Вместо того, чтобы утомлять меня, ее легкий вес в моих руках поддерживает меня, прикосновение ее тела к моему вызывает не только обычный плотский голод, но и что-то теплое и чистое... что-то почти как радость.

Как будто темные тучи, которые висели надо мной последние несколько лет, на мгновение рассеялись, обнажив полоску залитого солнцем неба.

Ощущение сохраняется на протяжении всего пути к месту назначения, чему способствует ее ворчание по поводу глупых мачо и их эго. Я уверен, что она хочет меня оскорбить, но все, что я чувствую, это веселье, смешанное с облегчением. Мне нравится ее язвительная и сварливая; это значит, что она чувствует себя в безопасности со мной, забывая то, что она слышала и видела, как я делаю.

Забыв, что я монстр.

Когда мы добираемся до небольшого луга, усеянного полевыми цветами, я опускаю ее, чтобы она могла собрать цветы. Несмотря на перевязь, она быстро и эффективно справляется со своей задачей, ее проворные пальцы вырывают разрозненные растения и

укладывают их во что-то красивое. К тому времени, когда она закончила, я должен признать, что это *была* хорошая идея для подарка — моей сестре понравится этот необычный букет с запахом леса.

«Я готова ехать домой», — говорит она с притворным высокомерием, и я смеюсь, поднимая ее, стараясь не раздавить цветы, которые она держит. Их аромат смешивается со свежим, опьяняющим ароматом ее волос, и мое тело вспыхивает волной возбуждения, мой член твердеет, когда она кладет голову мне на плечо, ее нос касается моей шеи.

— Сложнее в гору, не так ли? — радостно говорит она, когда я иду по тропинке, ведущей обратно к дому. Подняв голову, она кладет ладонь мне на грудь и ухмыляется. — Твое сердце уже бьется быстрее.

Так оно и есть, но не по той причине, о которой она думает. Все, что я могу сделать, это не прижать ее к ближайшему дереву и не вонзить глубоко в ее тугое маленькое тело. Ощущение ее, ее запах, этот озорной блеск в ее глазах — все это подливает масла в огонь, горящий во мне, в неистовый голод, который я так старался подавить.

Мой темп замедляется, когда мой взгляд падает на ее губы, такие красивые и плюшевые, так соблазнительно изогнутые в этой яркой, дразнящей улыбке.

Не делай этого.

Мое глухое сердцебиение усиливается до рева в ушах.

Не делай этого, черт возьми.

Мое зрение становится похожим на туннель, мир вокруг нас расплывается. Я вижу только ее улыбку, сияющую и теплую, как солнце; все, что я чувствую, это плотский жар, обжигающий мои вены.

Ни хрена этого не делай.

Ее улыбка исчезает, в ее мягких карих глазах появляется настороженный взгляд, когда я полностью останавливаюсь, глядя на нее. — Николай, я не имел в виду...

Мои губы накрывают ее, проглатывая остальные слова. *Бля, она вкусная*. Как яблоки, ягоды и цветы, что-то полезное, дикое и свежее. Пьянящий вкус утоляет темный голод внутри меня, добавляя к свирепой потребности, пульсирующей под моей кожей.

Ее губы раздвигаются под давлением моих, и мой язык вторгается в гладкую, теплую глубину ее рта, ища каждую частичку этого аромата, ее сладкой, чистой сущности. Я жадно вдыхаю ее тяжело дышащие выдохи, наслаждаясь стоном, который сотрясает ее горло, когда я тяну зубами ее нижнюю губу, чуть не разрывая при этом хрупкую кожу.

Мой. Она чертовски моя. Я хочу поглотить ее, сожрать ее, заклеить ее... взять ее, растерзать ее, уничтожить ее. Нет, не уничтожать — обладать, хотя с моим Молотовым это, в принципе, одно и то же. Моя потребность в ней навязчива и темна, опасна для нее и для меня. Но я отказываюсь думать об этом сейчас, отказываюсь вспоминать ссоры родителей и предостережения бабушки. Судьба свела со мной Хлою, и судьба определит наш путь. На данный момент она моя, чтобы претендовать на нее, моя собственность.

Я жадно углубляю поцелуй, и она отвечает с таким же пылом, ее язык сражается с моим, а ее левая рука обвивает мою шею. Мои руки сжимаются вокруг нее, прижимая ее к своей груди и вырывая из ее горла болезненный крик.

Блядь. Ее слинг.

Что я делаю?

С нечеловеческим усилием я отрываю рот и ставлю ее на ноги. Тяжело дыша, я отступаю назад, когда она смотрит на меня широко раскрытыми глазами и приоткрытыми

распухшими от поцелуев губами.

Потрясенный. Она в шоке от случившегося, и я тоже. В шоке от того, что я ее отпустила, что я нашла в себе силы отпустить ее, когда зверь во мне воеет и бушует, требуя, чтобы я взял ее здесь и сейчас, как бы ни было больно и хрупкая она.

— Николай, я... — Она тяжело сглатывает, прижимая левую руку к груди. Букет, который она держит, поврежден, некоторые цветы порваны и согнуты пополам. «Я не думаю, что это хорошая идея. Я имею в виду, ты и я...

"Я знаю, что ты имеешь в виду." Мой тон такой же резкий, как лезвие голода, скручивающееся внутри меня, сводя на нет мой самоконтроль.

Я был так близок к тому, чтобы трахнуть ее. Еще минута, и я погрузился бы глубоко в ее тугое, влажное тепло, совершенно забыв о ее травмах.

Это официально. Я чертов дикарь.

В моем сознании больше нет никаких сомнений.

Она кусает свою пухлую нижнюю губу, и мне хочется сделать то же самое. "Я не-"

— Ты должен это исправить. На ее пустой взгляд я рычу: «Цветы. Они раздавлены».

Она моргает и смотрит вниз, как будто только сейчас понимая, что они все еще в ее руке. "Верно." Она неуверенно отступает. «Позволь мне сделать это».

Она становится на колени, чтобы собрать немногочисленные бесформенные цветы, растущие вдоль этой дорожки, и я отворачиваюсь, глубоко вздыхая. К тому времени, когда она снова зовет меня по имени, я беру себя в руки. *В основном.*

Повернувшись к ней лицом, я разглаживаю выражение лица. "Пойдем."

Она, прихрамывая, направляется ко мне, и я, стиснув зубы, налетаю, поднимая ее с ног. Проблемы с самоконтролем или нет, но я не позволю ей вернуться назад одной.

Крепко прижимая ее к груди, я удлиняю шаг, почти бегом. Она молчит, хотя должна слышать, как мое дыхание участилось от напряжения. Больше никаких поддразниваний мачо, никаких протестов по поводу того, что она может ходить одна. Она не хочет привлекать к себе внимание, и это к лучшему.

Моя сдержанность висит на волоске.

Только когда мы подходим к дому, она говорит. — Спасибо, — тихо говорит она, заставляя меня встретиться с ней взглядом — чего я избегал всю обратную дорогу. "Я действительно ценю это."

"Конечно. Рад помочь." Мой тон непринужденный, спокойный, как будто мы обсуждаем, как взять ее за цветы. Но мы оба знаем, что это не так.

За что она благодарна, так это за то, что я ее не трахнул — за то, что пока она может держать свои стены поднятыми и притворяться.

14

Хлоя

Как только Николай проводит меня в мою комнату, я иду искать Алину. Я нахожу ее на кухне, болтающей с Людмилой, и дарю ей цветы вместе с поздравлением с днем рождения.

"Спасибо." Она принимает букет с сияющей улыбкой. «Где, черт возьми, ты взял это? Они такие красивые».

Я улыбаюсь в ответ. — О, прямо здесь.

"Действительно? С твоей лодыжкой вот так?"

Мои щеки горят при воспоминании о том, что чуть не произошло в лесу. — Николай

мог бы помочь.

Ее улыбка слегка потускнела, но она ничего мне не говорит. Вместо этого она поворачивается к Людмиле, которая шинкует овощи у раковины, и говорит ей несколько слов по-русски. Блондинка суетится, чтобы наполнить красивую вазу водой, и Алина расставляет в ней цветы, прежде чем отнести ее в столовую, где она присоединяется к другому букету, украшающему стол.

"Как ты себя чувствуешь?" — спрашиваю я, следуя за ней туда. Стол уже сервирован разнообразными закусками; похоже, сегодня будет очень изысканный обед. «Есть головные боли?»

— Я должна спросить тебя об этом. Она смотрит на меня, ее нефритовые глаза блестят. «Как твоя рука? Твоя лодыжка?»

«Все лучше». С лодыжкой сейчас не очень — сегодня я определенно переборщил, — но об этом я молчу.

"Я рада." Она колеблется, потом тихо спрашивает: «Вы говорили с Николаем?»

Мой пульс учащается. — Он мне рассказывал про Славу и Леоновых. Она собирается рассказать мне больше? Она все-таки решила раскрыть всю историю?

Ее лицо приобретает сфинксообразное выражение. "Я понимаю."

Думаю, нет. У меня возникает соблазн надавить на нее, но я не хочу поднимать травмирующую тему в ее день рождения — хотя можно утверждать, что она только что подняла ее сама.

— Хочешь потусить сегодня вечером после ужина? — импульсивно спрашиваю я. «Может, поиграем в настольные игры, выпьем пива? Очевидно, Людмила тоже приветствуется».

Мое предложение лишь частично мотивировано моим желанием получить дополнительную информацию. В основном я просто хочу узнать Алину получше, так как она мне начинает очень нравиться.

Она выглядит пораженной, но быстро приходит в себя. Одарив меня теплой улыбкой, она говорит: «Звучит здорово. Посмотрим, сколько продлится ужин, а потом решим, что делать.»

Поскольку я уже внизу, я присоединяюсь ко всем за ланчем вместо того, чтобы Николай кормил меня в моей комнате. Я не только чувствую себя достаточно хорошо, чтобы снова стать полноценным взрослым, но и после того, что чуть не случилось в лесу, оставаться наедине с Николаем кажется опасным занятием, особенно рядом с кроватью.

Я уверена, что он остановился только потому, что беспокоился о том, чтобы не повредить мою руку, что было бы намного меньше беспокойства, если бы она удобно лежала на подушке.

Мое сердце стучит быстрее при этой мысли, и я украдкой смотрю на него из-под ресниц. Я все еще чувствую, как его губы пожирают мои, все еще ощущаю вкус его теплого мятного дыхания. Мои соски становятся слишком чувствительными, а нижняя губа пульсирует там, где он ее укусил, пульсация эхом отдается глубоко в моем сердце.

Я хочу его. И не в случайном порядке, как было бы неплохо иметь. Даже зная, кто он такой, я так отчаянно жажду его, что это похоже на болезнь, зависимость, столь же нездоровую и опасную, как зависимость от героина. У меня нет силы воли рядом с ним, нет способности сопротивляться его прикосновениям. По всем правилам, он должен пугать и

отталкивать меня, но вместо этого меня тянет к нему так же сильно, если не больше, чем раньше.

Это искривлено. Это не правильно. Я это знаю, но ничего не могу поделать.

Мое тело и сердце отказываются синхронизироваться с моей головой.

Он ловит на себе мой взгляд, и его тигриные глаза прищуриваются, наполненные безошибочно узнаваемым темным жаром. Мой пульс учащается сильнее, дыхание сбивается, когда я отворачиваюсь. Как бы я ни хотела его, он хочет меня еще больше. И его желание не мягкое и сладкое. Сегодня я чувствовала в нем дикую настойчивость, потребность доминировать и побеждать. Если бы не мои раны, он бы взял меня прямо здесь и сейчас, по усыпанной листьями грязи. И он тоже не был бы нежным.

Когда мы снова займемся сексом, это будет разрушительно для меня, как физически, так и морально, и единственный способ предотвратить это — оставаться вне его досягаемости, что невозможно в моей нынешней ситуации. Даже если бы я был готов рискнуть столкнуться с новой группой головорезов Брансфорда, Николай не позволит мне уйти.

Впервые я позволяю себе думать о будущем и о том, что его ждет. Отпустит ли меня когда-нибудь Николай? И если он это сделает, буду ли я когда-нибудь в безопасности? Если Том Брэнсфорд действительно хочет моей смерти, что помешает ему преследовать меня снова и снова? Судя по опросам, он, скорее всего, станет кандидатом от своей партии. Если он затем выиграет всеобщие выборы, его власть почти не будет ограничена — не то чтобы сейчас их было много.

Громкие голоса вырывают меня из мрачных размышлений. Это Алина и Николай спорят по-русски. Я так погрузилась в свои мысли, что не заметила напряженной атмосферы за столом, но теперь ее не пропустить.

Брат и сестра явно не в ладах, и Слава наблюдает за ними, его золотые глаза расширились от любопытства — и более чем намека на беспокойство.

Я дергаю его за рукав. "Привет. Как мы называем это по-английски?" Я указываю на помидор на его тарелке.

Он моргает, глядя на меня.

— Мы узнали об этом только сегодня утром, помнишь? Он все еще выглядит невежественным, поэтому я решаю дать ему подсказку. — Это овощ, который мы называем то...

"Помидор!" — восклицает он, улыбаясь мне.

"Вот так." Ухмыляясь, я взъерошиваю его шелковистые волосы. Моя цель состояла в том, чтобы отвлечь его от спора взрослых, но, похоже, мое вмешательство положило конец спору, вместо этого Алина и Николай переключили свое внимание на нас.

— Он так быстро учится, — говорю я, и Слава гордо выпячивает грудь, а Алина тепло улыбается ему и говорит что-то похожее на похвалу по-русски.

«Мы должны говорить с ним по-английски». Тон Николая все еще держит укус. «По крайней мере, когда Хлоя рядом. Так он научится еще быстрее».

Губы Алины сжимаются, но она кивает. "Как хочешь. Он твой сын."

Мне очень любопытно узнать, о чем был их спор, но я не думаю, что это хорошая идея. Вместо этого я спрашиваю Алину, как она обычно празднует свой день рождения, и она развлекает меня описанием поездок в экзотические места и роскошных вечеринок в Москве, на которые приходят всевозможные аристократы.

«Подожди, вернись», — говорю я, когда она небрежно упоминает, как одна кинозвезда потеряла сознание на своей яхте во время вечеринки в честь дня рождения на Миконосе. — Ты знаешь голливудских знаменитостей?

Она смеется. — Не все, конечно, но некоторые. Они тоже люди, знаете ли. Ничего особенного по большому счету».

для нее это и не особенно, но я очарован. Я заставляю ее рассказать мне все о своих знаменитых друзьях и знакомых, и, прежде чем я успеваю это понять, мы заканчиваем ужин. Что хорошо, потому что даже достойные TMZ истории о плохом поведении знаменитостей не уменьшили моей осведомленности о Николае и его намерении, непоколебимом сосредоточении на мне.

На протяжении всей трапезы он наблюдал за мной со смертельным терпением хищника, который знает, что съест свою добычу — лишь вопрос времени.

Наши взгляды встречаются, когда мы встаем из-за стола, и я снова отвожу взгляд, моя кожа покалывает, а пульс неудержимо скачет.

Это плохо. Я рассчитывала, что Николай еще по крайней мере несколько дней будет сдерживаться, но не думаю, что у меня будет столько времени. В другой день, может быть, если мне повезет.

Если нет, сегодня я окажусь в его постели.

— Пойдем в твою комнату, — говорю я Славе, стараясь не обращать внимания на заливающий все тело румянец. «Мы можем сыграть в Бэтмена и Робина или в Бэтмена и Супермена».

Ребенок жадно хватает меня за руку, и мы вместе выходим из столовой, а Николай и Алина начинают то, что по-русски звучит как очередной спор.

15

Николай

«Говорю вам, вы не можете держать ее в неведении», — снова говорит Алина, когда Хлоя и мой сын исчезают из поля зрения. — Это ее отец. Она заслуживает того, чтобы знать, что вы планируете.

Чертов Павел. Он рассказал Людмиле о Брансфорде, и она, естественно, не удержалась, чтобы не проболтаться моей сестре, которая снова решила сказать свое слово в вопросе, который ее не касается.

Я смотрю на нее сверху вниз. «Тебе нужно держаться подальше от этого. Это между мной и Хлоей, понятно?»

Зеленые глаза Алины моргают, вся раненая невинность. «Я не собирался вмешиваться. Я просто говорю, что если ты хочешь иметь с ней настоящие отношения, ты должен...»

Я усмехаюсь. «Что ты знаешь о настоящих отношениях?»

Она делает вдох и расправляет плечи. «Послушайте, я был неправ, вмешиваясь раньше. Я не могу достаточно извиниться за это. Но факт остается фактом: Хлоя не такая, как мы. Что бы ни сделал Брансфорд, он по-прежнему ее биологический отец...

— Он насильник ее матери, не более того. Я даже не могу заставить себя назвать его донором спермы. Вот кем я был для Славы первые четыре года его жизни, но как только я узнал о его существовании, я не мог себе представить, чтобы он и волоска на голове не испортил, не говоря уже о том, чтобы приказать ударить его... даже если бы он один день заказы один на меня.

Алина вздрагивает от моего резкого тона. "Я знаю. Я не говорю, что она рассматривает его как семью или что-то в этом роде. Но она все равно заслуживает того, чтобы с ней посоветовались».

"Почему? Чтобы на ее совести была его смерть?"

— Что, если она не хочет его смерти?"

— Это не ее решение. Я ни за что не оставлю этого ублюдка в живых, даже если Хлоя умоляет об этом.

«Но так и должно быть», — расстроено говорит Алина. — Если бы это был я...

— Я бы тоже не стал возлагать на тебя это бремя. Я бы понес его сам, как я это делаю сейчас.

Ее глаза темнеют. «Коля...»

"Не." Смерть нашего отца — не та тема, которую я хочу обсуждать с ней. Всегда. — Просто держись подальше от моих отношений с Хлоей, понял?"

И прежде чем она успевает меня еще больше разозлить, я ухожу.

Я провожу день, занимаясь делами — несмотря на то, что мои братья берут на себя большую часть ответственности за наш семейный конгломерат, мне есть чем заняться — а затем включаю видеотрансляцию из комнаты Хлои, где она должна готовиться к ужину.

И действительно, я ловлю ее, выходящую из шкафа, уже одетую в вечернее платье. На секунду я удивляюсь, как ей удалось переодеться без посторонней помощи — я собирался помочь ей через минуту, — но тут в поле зрения камеры появляется моя сестра.

«Стой здесь», — говорит она Хлое, направляя ее к окну. «Поскольку твоя рука вышла из строя, я сделаю тебе макияж».

Я откидываюсь на спинку стула и с удовольствием наблюдаю, как она начинает рисовать лицо Хлои различными тубиками и кистями, которые достает из маленькой сумочки. Я помню, как она раскрашивала своих кукол, когда была маленькой; Думаю, она так и не переросла это. Я не против. Хлое не нужен макияж — она прекрасна и без него — но это то, что женщины делают, когда наряжаются, и мне нравится, когда мой зайчик наряжается. Или одета. А еще лучше, полностью голой.

Мое тело напрягается при этой мысли, и мне приходится сделать несколько глубоких вдохов, чтобы контролировать учащающийся пульс. Я не могу иметь ее. Еще нет. Как бы ни было физически больно отказывать себе.

Пока я могу только наблюдать и планировать, что я сделаю с ней, как только она полностью поправится.

16

Хлоя

К моему облегчению, атмосфера за ужином ничуть не напряжена, отчасти потому, что Павел и Людмила присоединяются к нам, а не остаются на кухне. Их присутствие добавляет праздничности трапезе почти так же сильно, как и все экзотические, красочные блюда, заполняющие стол.

Павел сегодня превзошел самого себя; это больше похоже на изысканное свадебное торжество, чем на домашний день рождения.

Помимо великолепно оформленной, вкусной еды, здесь много алкоголя, от вина до водки и коньяка. Каждые несколько минут то Павел, то Людмила, то Николай произносят

тост за именинницу, и мы выпиваем — или, в моем случае, глоток вина. Я никак не могу справиться с огромным количеством крепких напитков, которые потребляют русские. Ну, все, кроме Славы. Он глотает апельсиновую газировку — наверное, лакомство для особых случаев, потому что я впервые вижу, чтобы ребенок пил что-то, кроме воды.

По мере подачи мясного блюда громкость и частота тостов возрастают до тех пор, пока не возникает ощущение, что кто-то безостановочно поднимает бокал за здоровье, красоту, ум или будущий успех Алины. Разговор представляет собой шумную смесь русского и английского, последний, вероятно, исключительно для меня. Смеха тоже хватает, шуток, не всегда понятных в переводе с русского, — «анекдотов», как называет их Николай. Это что-то вроде «осел и лошадь заходят в бар», но гораздо более творческие и продуманные. Он объясняет, что рассказывать эти забавные анекдоты на светских мероприятиях в его стране — традиция, и что почти у каждого уважающего себя россиянина есть репертуар, который он постоянно пополняет, роясь в Интернете и покупая специальные книги.

К тому времени, как Павел исчезает на кухне и появляется с подносом для чая и трехъярусным тортом со свечами, я хохотаю так сильно, что уверена, что мне удалось напиться, несмотря на все мои меры предосторожности. Николая, который пытается развлечься, я раньше не видела, и у меня нет защиты от его сухого, остроумного обаяния. Как и никто другой за столом, кажется. Слава, накачанный сахаром и взрослым весельем, забывает держаться подальше от отца и забирается к нему на колени, а Алина пьяно обхватывает рукой шею Николая и целует его, оставляя на его щеке отпечаток губной помады — впервые я увидела, как она ведет себя как игривая младшая сестра.

Это заставляет меня осознать, насколько сдержанны она и все остальные в этом доме, как мало я видела между ними нормальной семейной динамики.

Осознание возвращает меня к чувствам, пробуждая мою осторожность, но затем Алина задувает свечи под громкие возгласы, и я забываю, что я не на обычном праздновании дня рождения, что великолепный, строго одетый мужчина, смеющийся со своей семьей, так же мой похититель как мой защитник.

Николай опасен, и не только потому, что я своими глазами видел, как он убивал.

Это потому, что он намного сложнее, чем должен быть человек без совести.

Наблюдая за ним поближе, я понимаю, что, в отличие от всех остальных, он не выглядит пьяным. В его смехе и шутках, в очаровательном беззаботном фасаде, который он принимает, есть некая расчетливость. Это заставляет вспомнить утверждение Алины, что ее брат ничего не делает случайно, что все его действия спланированы.

Но даже это не может удержать мое сердце от нежности, когда я замечаю неподдельную мягкость в его глазах, когда он бережно обнимает своего сына, который сейчас хихикает и подпрыгивает у него на коленях, болтая по-русски. Я улавливаю слово «папа» в быстром потоке слов, и моя грудь наполняется эмоциями, такими сильными, что из-под век покатываются слезы.

Папа, Слава назвал его по-русски, без подсказки.

Наконец-то они становятся отцом и сыном.

Смахнув с себя жгучую влагу, я смотрю на свой недоеденный десерт — только чтобы почувствовать знакомое покалывание в затылке. Конечно же, когда я поднимаю глаза, взгляд Николая устремлен на меня, его тигриные глаза полны нервирующей напряженности.

Я была права. Он ни капельки не пьян. Во всяком случае, алкоголь сделал его более резким, более сосредоточенным.

«Тебе не нравится торт, зайчик?» — бормочет он слишком низким голосом, чтобы донести его до остальной части стола, где Павел и Людмила снова громко произносят тост за Алину. — Или ты просто слишком сыт?

Мое лицо согревается. Почему этот простой вопрос кажется сексуальным намеком? Не должно, даже с таким соблазнительным, интимным оттенком в его тоне.

Он держит своего сына, черт возьми.

— Я наелась, — говорю я, но тут же хочу взять свои слова обратно, когда его рот изгибается в злобной полуулыбке.

Мне на помощь приходит Слава. — Папочка, — громко говорит он по-английски, изгибаясь своим маленьким телом, чтобы обнять Николая за шею. «Мой папа».

Взгляд Николая перемещается на сына, и злобный блеск в его глазах исчезает, сменяясь выражением столь болезненно-нежным, что мое сердце чуть не растворяется в груди. Это гораздо больше, чем просто ребенок, случайно бросивший «папа».

Слава официально объявляет Николая своим отцом, обнимая его со всем собственничеством в его маленьком сердце Молотова.

Я выдавливаю слова сквозь растущий ком в горле. "Да, дорогой. Это *твоей* папа. Отличная работа." Глупые слезы снова обжигают мои веки, и я понимаю, что моя радость от того, что я наблюдаю это, горько-сладкая, с оттенком зависти.

В детстве я мечтал встретить своего отца — и именно так его обнять.

К счастью, Николай не смотрит на меня. Все его внимание сосредоточено на сыне. Бормоча что-то по-русски, он нежно приглаживает волосы Славы назад... и мое горло вот-вот сомкнется, когда я улавливаю легкую дрожь в его сильной мозолистой руке.

То, что я вижу на лице Николая, — это лишь верхушка эмоционального айсберга. Могущественный, безжалостный человек передо мной полностью уничтожен своим сыном.

С трудом сплываю, я заставляю себя отвести взгляд, пока тоже не потерял сознание. Достаточно того, что мое тело тает для него; теперь мое сердце тоже присоединяется. Я никак не могу назвать его психопатом в будущем, я не могу притворяться, что безжалостный убийца, в которого я влюбилась, не способен на искренние эмоции.

Что бы Николай ни чувствовал ко мне, а может и не чувствовал, он очень любит своего маленького сына.

17

Хлоя

Вечеринка длится до позднего вечера, так что у меня нет возможности пообщаться с Алиной потом. К тому времени, когда Николай несет меня в мою комнату и помогает принять душ и переодеться, я уже настолько пьяна и измотана, что чуть не теряю сознание в его руках.

Только на следующее утро я понимаю, что, вопреки своим опасениям, я не оказалась в постели Николая. Еще раз, он был идеальной нянькой, заботясь обо мне, ничего не требуя взамен. Даже обильное количество алкоголя не подорвало его самообладания, хотя я предполагаю, что тот факт, что я была в более или менее коматозном состоянии, когда он привел меня наверх, помог его решимости.

После той сцены с его сыном я обратился к вину, чтобы справиться со своими неуправляемыми эмоциями, и благодаря этому, обезболивающему, которое я приняла ранее в тот же день, и своему все еще заживающему телу, я была в основном гуманоидным

бревном.

К счастью, у меня не так много похмелья, поэтому я успеваю на завтрак вовремя. К моему облегчению — и более чем легкому разочарованию — Николая там нет.

«По телефону с Россией, — поясняет Алина. Как и я, она, кажется, не слишком впечатлена ночными гуляниями, и после завтрака она присоединяется ко мне и Славе на наших уроках игры, даже доходит до того, что преследует своего племянника в игре в пятнашки, несмотря на то, что носит ее. обычная форма маскарадного костюма и высоких каблуков.

«Понятия не имею, как у тебя не отваливаются пальцы на ногах», — говорю я, разглядывая ее туфли на шпильке, и она смеется, объясняя, что настолько привыкла носить такую обувь, что кроссовки ей кажутся странными.

«Русские женщины гордятся тем, что могут терпеть всевозможные неудобства во имя красоты», — с усмешкой говорит она мне. «Это наша многострадальная, мазохистская натура. Так что, хотя леггинсы и тому подобное вторглись в мою родную страну, вам придется снять наши туфли на высоких каблуках с наших холодных мертвых ног».

Я смеюсь и бросаю тему. Мне очень нравится Алина. Сначала ее красота была настолько пугающей, что мне потребовалось некоторое время, чтобы не заметить ее. Теперь, когда у меня есть, я понимаю, что большая часть ее первоначальной сдержанности была формой самозащиты. С такой семьей ей нужен лоснящийся колючий фасад, чтобы скрыть свою уязвимость и травму, от которой она все еще восстанавливается.

В течение следующих нескольких дней мое желание познакомиться с Алиной поближе сбылось, отчасти потому, что Николай делегировал ей большую часть моей заботы. Теперь она помогает мне одеться и принять душ, хотя он по-прежнему меняет повязку на моей руке, когда это необходимо.

Я подозреваю, что это потому, что, когда мне становится лучше, он не доверяет своей сдержанности.

Я не против. Это не только позволяет мне поддерживать некое подобие эмоционального равновесия, когда я его вижу, но и позволяет нам с Алиной установить настоящие взаимопонимания. Моя лодыжка быстро поправляется, а рука, наконец, снята с перевязи, и мы совершаем короткие прогулки возле дома, во время которых она меняет шпильки на стильные ботинки, и проводим много времени со Славой, чей английский прогрессирует молниеносно. скорость.

Думаю, ему помогает слушать, как я разговариваю с Алиной; он начинает усваивать слова и фразы, которым я его не учил.

Единственная ложка дегтя — это отказ Алины говорить о том, что случилось с ее отцом, или вообще рассказывать о своей семье и своем прошлом. Сколько бы я ни копался и не выпытывал, она ничего не раскрывает, а поскольку Николай избегает меня, кроме как во время смены повязок и приема пищи, я так и не приблизилась к получению ответов.

В какой-то степени я тоже не против этого. Как бы мне не хотелось понять, как человек, который так открыто проявляет привязанность к своему сыну, мог совершить ужасное преступление отцеубийства, незнание всех подробностей заставляет меня выбросить это из головы. То же самое касается ситуации с Брансфордом; без каких-либо обновлений, я могу идти часами, даже днями, не задумываясь об опасности, которую представляет мой биологический отец, и о том, что может таить в себе мое будущее.

Эти спокойные, легкие дни кажутся интерлюдией вне времени, передышкой от ужасающей реальности, которой является моя жизнь.

Передышка, которая заканчивается, когда появляется девушка-загадка.

18

Хлоя

Мы со Славой стоим перед домом и наблюдаем, как три белки гоняются друг за другом от дерева к дереву, когда по подъездной дорожке выкатывается черный пикап. Окна не так темно тонированы, как в машине покойных убийц, но я все еще замираю на месте, застигнутая врасплох воспоминанием настолько сильным, что меня покрывает холодный пот.

«Хлоя? Хлоя, кто это? Кто это, Хлоя?»

Я моргаю, глядя на Славу, который настойчиво дергает меня за рукав, и прогоняю ужасные воспоминания о том, как моя «Тойота» разбилась о дерево. Я думала, что справляюсь с тем, что произошло — даже мои кошмары стали меньше в эти безмятежные дни, — но, похоже, я обманывал себя.

Я оправилась от своей травмы не больше, чем Алина от своей.

"Это кто?" — снова спрашивает Слава, раскачиваясь взад и вперед на каблуках, когда грузовик останавливается в десятке футов от нас. По мере того, как улучшались и его знания английского языка, и его отношения с Николаем, он, к моему большому удовольствию, стал гораздо более напористым, а иногда и надоедливым маленьким мальчиком.

Мне удастся тепло улыбнуться в его сторону. «Я не знаю, дорогой. Посмотрим.»

Мы вдвоем пристально смотрим на машину, когда водительская сторона открывается, и миниатюрная молодая женщина, одетая в джинсы, обтягивающую белую футболку и потертые походные ботинки, выскакивает из сиденья. Худощавая, но слегка пышная, с тонкими симметричными чертами лица и густыми светлыми волосами, собранными в небрежный пучок, она выглядит на семнадцать или восемнадцать и напоминает мне нечто среднее между Сиршей Ронан и Мэрилин Монро, если обе из них были взъерошенными. на скорости.

Как вихрь, она обрушивается на нас. "Привет! Ты должно быть Хлоя. Прежде чем я успеваю ответить, она хватает меня за руку и с энтузиазмом машет ею. Затем она опускается на колени и лучезарно улыбается Славе. — *А ты Славочка, да?*

Ее внезапный переход на русский застает меня врасплох; она говорила со мной на чистом американском английском. Слава, кажется, тоже озадачен. Никто из окружающих его взрослых обычно не бывает таким игривым и энергичным.

— Привет, — говорю я, когда она снова вскакивает на ноги. Буквально прыгает, как ребенок. Может, она даже моложе, чем я думал? «Я Хлоя. И вы?»

Ее широкая улыбка покрыта ямочками, серые глаза призывно блестят. — Можешь звать меня Машей.

«Приятно познакомиться, Маша. Ты..»

— Где Николай? — прерывает она. — Я здесь, чтобы увидеть его.

Что-то ущипнуло меня глубоко внутри, в голове зашевелилось ужасное подозрение. — Он должен быть в своем кабинете. Хочешь, я отвезу тебя туда?»

— Не надо, — беззаботно отвечает она и бежит к дому.

Ощущение пощипывания превращается в откровенное бурление в животе. Эта девушка

красивая, более чем красивая. Она ослепительна даже в повседневной одежде. Наденьте на нее одно из платьев Алины, и она сможет расхаживать по подиуму или, по крайней мере, по красной ковровой дорожке, поскольку она даже ниже моего роста. И пока она молода, она далеко не детская; на самом деле, ее самоуверенность заставляет меня думать, что она вовсе не подросток. Глядя, как она исчезает в доме, я не могу не вспомнить, что до встречи со мной Николай имел обыкновение налетать на всяких красивых женщин, в том числе, насколько мне известно, и на эту Машу.

Откуда еще она знает, куда идти? Или слышал о Славе?

Или я?

Должен признать, что последний фрагмент не соответствует этой теории. Если она любовница Николая, настоящая или прошлая, зачем ему рассказывать ей обо мне? Если, конечно, у них не происходит какой-то странной ситуации с друзьями с привилегиями, и, в отличие от меня, у нее нет ревнивой кости в теле.

— Ты когда-нибудь видел ее раньше? — спрашиваю я Славу, изо всех сил стараясь сохранять непринужденный тон. — Я имею в виду, до сегодняшнего дня?

Слава моргает, глядя на меня. Он понимает кое-что из того, что я сейчас говорю, но не все.

Вздыхнув, я хватаю его за руку и веду к дому. Я не понимаю, почему мне так хочется узнать, кто эта молодая женщина, — если Николай теряет ко мне интерес, то это может быть только к лучшему. И все же, что бы ни говорил мой рассудок, от одной мысли о нем с Машей мне хочется сломать каждую косточку в ее крошечном теле, похожем на Мэрилин Монро.

19

Хлоя

Оставив Славу с Людмилой на кухне, я иду в кабинет Николая, напрягая грудную клетку, пока поднимаюсь по лестнице.

Глупо ревновать. Иррациональный. Но я не могу помочь зеленому монстру, вцепившемуся мне в грудь. Что, если я совершенно неверно истолковала то, как Николай избегал меня последние две недели? Может быть, вместо того, чтобы бороться со своим желанием меня, он просто перестал меня хотеть. В конце концов, забота о моих травмах могла заставить его посмотреть на мое тело в другом свете.

Я никогда не была особенно неуверенна в этом теле, но у меня также никогда не было отношений с таким безбожно красивым мужчиной, как Николай.

Подожди, нет, мы не в отношениях. Это могло случаться и раньше, когда я считала его нормальным, законопослушным, хотя и неприлично богатым человеком. Я не знаю, как это теперь назвать. Если человек, с которым вы переспали, держит вас в плену, а также защищает от того, кто хочет вас убить, считается ли это отношениями? Хотя бы не стокгольмского синдрома? Не говоря уже о том, что технически он по-прежнему мой работодатель — конверты с деньгами прибывают в мою комнату каждый вторник, как часы.

Отложив пока эти размышления, я подхожу к двери его кабинета. Он закрыт, и когда я прижимаю к нему ухо, я слышу голоса, говорящие по-русски. Слушая, я различаю яркий, женственный тон новоприбывшего, а также глубокий, мягкий, опасно соблазнительный тон Николая.

"Что делаешь?"

Вздвигнув, я резко оборачиваюсь к Алине, которая стоит в коридоре, вопросительно склонив голову набок. «Эм...»

В ее глазах мелькает веселье. — Ты шпионишь за моим братом?

"Нет, конечно нет." Я чувствую, как мое лицо горит, пока я пытаюсь найти хорошее объяснение. — Я просто...

"Подойди." Она хватается за локоть и тащит по коридору в свою комнату, где чуть не толкает меня внутрь, прежде чем повернуться ко мне лицом. — Хорошо, теперь скажи мне. В чем дело?"

"Ничего такого."

Она выгибает бровь, смущающе похожая на своего брата.

Я пещера. "В порядке Хорошо. Вот эта молодая женщина, которая только что приехала, и..."

— Ты имеешь в виду Машу?

Мое сердце замирает. "Ты знаешь ее?"

— Это новейшая находка Валери. На мой непонимающий взгляд она говорит: «Мой младший брат собирает людей с разными полезными навыками. Я понятия не имею, какие у нее, но я ненадолго столкнулся с ней у него дома, прежде чем мы уехали из Москвы, и, в отличие от других его домашних животных, она представилась».

— Его питомцы?

Она кивает. «Вот как я их называю. Он внушает этим людям почти патологическую преданность».

Ха, ладно. Может быть, она не любовница Николая — или, по крайней мере, не только это.

— Николай тоже встречался с ней? Как в Москве? Или же.."

«Хлоя...» Алина колеблется, затем мягко говорит: «Я не думаю, что тебе стоит так о ней беспокоиться».

Мое лицо снова горит. "Я не..."

— Ты такой, и я понимаю. Она необычайно хороша. Но она здесь не для того, чтобы согреть Николаю постель.

— Так ты знаешь, зачем она здесь? Мое облегчение быстро затмевается любопытством с оттенком беспокойства. Почему-то приезд этой Маши кажется знаменательным, как дурное предзнаменование.

Алина снова колеблется, потом качает головой. "Не совсем. Обо всем этом надо поговорить с Николаем.

«Все что? Это связано с твоим отцом?»

Ее вздрагивание почти незаметно, как и быстро скрываемое удивление. — Не могу сказать, — говорит она, тщательно скрывая выражение лица. «Мой брат знает ответы на все вопросы».

Я смотрю на нее, мой разум переворачивается. Если дело не в ее отце... «Это как-то связано со мной?»

Она вздыхает. «Просто поговори с Николаем, Хлоя. Пожалуйста.»

И прежде чем я успеваю надавить на нее дальше, она выводит меня из своей комнаты.

У меня не будет возможности поговорить с Николаем до позднего вечера. Весь день он проводит в своем кабинете с Машей — я знаю, потому что десятки раз прохожу мимо его

двери. В какой-то момент к ним присоединяется Павел, и бормотание двух голосов превращается в три, а рычание человека-медведя легко узнать.

К обеду Маша уходит — мы со Славой смотрим, как ее пикап уезжает из окна его спальни, — но семейный обед — не лучшее время, чтобы мучить Николая по поводу потенциально взрывоопасной проблемы, поэтому я проглатываю свои животрепещущие вопросы и жду.

Мой момент наступает после обеда, когда Людмила убирает со стола и все встают, чтобы пойти по своим комнатам. Весь обед я чувствовала на себе пристальный тигриный взгляд Николая, чувствовал в его взгляде задумчивость.

Что бы ни происходило, меня это беспокоит. Теперь я почти уверена в этом.

Словно угадав мой план, Алина хватает Славу и с рекордной скоростью исчезает вверх по лестнице, оставив нас с Николаем наедине в столовой.

— Можем ли мы взять ночной колпак? — спрашиваю я, когда он тоже поворачивается, чтобы уйти. Мой голос ровный, хотя сердце бьется неровно. Это опасно во многих отношениях. Мало того, что я рискую покончить с миром и спокойствием, царившим в моей жизни за последние две недели, так еще и мое огнестрельное ранение почти полностью зажило.

Если Николай все еще заинтересован во мне таким образом, мало что может помешать ему действовать в соответствии с этим желанием.

Он поворачивается ко мне лицом. Его челюсти напряжены, глаза блестят, как древний янтарь. «Ночной колпак? Я думал, ты не сильна в дижестивах, зайчик.

Я сглатываю от сухости в горле. — Я в настроении выпить немного коньяка.

По крайней мере, я мог бы использовать это, чтобы укрепить свою храбрость.

Голос Николая грубеет. "Хорошо. Дай мне минуту." Он исчезает на кухне и появляется с подносом хрустальных графинов, окруженным стаканами. Сегодня вечером Павел должен быть не на службе у сервера, иначе Николай тоже хочет уединения.

Пока он наливает нам по стакану, я снова сажусь, тайком вытирая влажные ладони о юбку вечернего платья. Он сделан из шелкового материала кораллово-персикового оттенка, который, по словам Алины, делает мой цвет лица «золотым и сияющим». Интересно, Николай тоже так думает, или все, что он видит сейчас, когда смотрит на меня, — это воспитателя своего сына.

Что было бы хорошо. Удивительно, правда. Я не хотел бы, чтобы такой опасный человек заикнулся на мне, делая всевозможные нервирующие заявления о нитях судьбы и...

— Что ты хотела обсудить, зайчик? Голос Николая снова становится бархатным, когда он опускается на сиденье напротив меня. Помешивая коньяк в своем стакане, он смотрит на меня через край, приспустив крышки. — Я предполагаю, что тебя здесь нет, потому что тебе вдруг захотелось моей компании.

Моя кожа вся краснеет. На самом деле я жажду его компании, как бы неохотно это признавал. После нашей экспедиции по сбору цветов мы мало времени проводили вместе — по крайней мере, наедине. Во время еды Алина и Слава служат буфером, а Людмила и Павел всегда рядом на заднем плане. Даже смена повязки, когда он один раз вошел в мою комнату, прекратилась, как только моя рана заросла и больше не нуждалась в повязке.

Правда в том, что я почти не общался с ним в последние дни, и я скучал по этому. Я скучал по нашим разговорам, по его непоколебимой сосредоточенности на мне... даже по тому, как он заставляет меня чувствовать себя мышкой, с которой играет страшно горячая

кошка. Конечно, я не могу позволить ему узнать об этом. Не тогда, когда у меня все еще есть крупица надежды на то, что когда-нибудь моя жизнь вернется в нормальное русло — нормальное, в котором не будет опасных людей, пытающих и убивающих.

Сделав вдох, я бросаюсь прямо в нее. «Почему она была здесь? Кто она?»

Он молчит несколько мгновений, изучая меня своим пристальным взглядом, в то время как коньяк остается нетронутым в его руке. «Она ценная вещь», — наконец говорит он. — Мой брат Валерий прислал ее, когда я объяснил твою ситуацию.

Мое сердце подпрыгивает, во рту пересохло. После моего разговора с Алиной я задался вопросом, может ли это быть правдой, но услышать, что это так прямо подтверждается... С дрожью я тянусь к своему коньяку и делаю глоток, позволяя ему прожечь огненный путь по моему пищеводу. «Что за актив?» — спрашиваю я, когда позывы к кашлю стихают.

«Первоначально правительственный вид. Теперь наша».

Значит, шпионка или какой-то другой оперативник — и далеко не так молода, как я думал, если у нее такое прошлое. Я полагаю, я могу это видеть. Если бы я встретил Машу у улице, я бы никогда не заподозрил ее в каком-то «активе», но, наверное, в этом все дело. Эта игривая, юношеская внешность делает эффективную маску.

Прежде чем я успеваю спросить, какова именно ее роль в моей ситуации, снова заговорил Николай. — Зайчик... — Его тон снова стал смущающе нежным. "Это подтверждается. Брансфорд — твой биологический отец.

Мое сердцебиение учащается еще больше, кожа на руках покрывается мурашками. "Ты имеешь в виду..."

«Маша получила образец ДНК из Брансфорда. Он совпадает с вашим.

Совпадает с моим. Мой желудок тошнотворно скручивает, холод распространяется по всему телу. Я знала, что так и должно быть, с тех пор, как Николай рассказал мне о том, что обнаружил его старший брат, но какая-то часть меня, должно быть, все еще питала крупицу надежды.

Надежда, которая теперь раздавлена и обращена в пыль.

— Почему ты... — я останавливаюсь, чтобы откашляться от хриплого горла. — Почему ты хотел это подтвердить?

Я не хочу думать о том, как эта Маша получила образец Брансфорда или мой. На самом деле, последнее, должно быть, было легко: моя зубная щетка, несколько выбившихся волос на подушке, чашка, из которой я пил... Кандидат в президенты со всей сопровождающей охраной, однако...

— Потому что мне нужно было быть уверенным.

Я моргаю, понимая, что отвлекся от ключевого вопроса. "Но почему? Я имею в виду, не поймите меня неправильно, я благодарен». По крайней мере, я так думаю. Лучше знать, что ты отпрыск убийцы-насильника, или просто сильно подозревать это?

Николай ставит свой стакан, жидкость внутри остается нетронутой. — Я обещал защищать тебя, зайчик.

Холод снова пробегает по мне, мой разум отваживается пойти по пути, по которому я бы хотел, чтобы он не пошел. "Ты сделал это. У тебя есть я. Здесь я в безопасности, не так ли? По крайней мере, из Брансфорда.

Он наклоняется вперед, его большие теплые ладони накрывают мои замерзшие руки. "Ты. И ты будешь в еще большей безопасности, когда он больше не будет для тебя угрозой.

Я смотрю в его гипнотизирующие радужки, эти насыщенные, насыщенно-золотые с

зеленоватыми крапинками. — Как это не угроза? Я избегала думать о будущем именно по этой причине: я не могу представить себе будущее, в котором Брэнсфорд *н е* будет представлять угрозы. Как черепаха, я довольствовалась тем, что пряталась в своей скорлупе, выжидая день, час за раз, все время говоря себе, что в конце концов я во всем разберусь и предам мамино уби́йцу правосудию.

Но не Николай. Он не прятался от реальности — он планировал. И природа этих планов заставляет ледяные пальцы скользить по моему позвоночнику.

У меня такое ощущение, что представление Николая о справедливости резко отличается от моего.

Он улыбается, как будто я наивный ребенок. — Тебе не о чем беспокоиться, зайчик. Я справляюсь с этим».

На короткое трусливое мгновение я испытываю искушение сделать именно это: не волноваться, оставить дело в его умелых, безжалостных руках... тех, кто так собственнически, так нежно держит мои.

Те самые руки, которые без колебаний забрали две жизни прямо передо мной.

Именно это воспоминание, это живое воспоминание о криках измученного убийцы решает все за меня. Возможно, я развил в себе способность избегать реальности, но даже я не могу закрыть глаза и притвориться слепым.

— Что ты собираешься с ним сделать? Мой голос такой же неустойчивый, как и мой пульс. «Николай, пожалуйста, я должна знать. Чем ты планируешь заняться?"

Крошечные мышцы вокруг его глаз напрягаются — единственное изменение в его выражении. «Нет ничего, чего бы он не заслужил».

Я отстраняюсь, вырывая свои руки из его хватки. — Ты не можешь убить его.

"Почему бы и нет?" Голос у него ровный, тон такой мягкий, как будто мы говорим о вечеринке. Откинувшись назад, он снова берет свой коньяк, и на этот раз делает неторопливый глоток, прежде чем поставить его на стол.

Я недоверчиво смотрю на него. — Потому что он *человек*. Как это не самоочевидно? — Злой человек, конечно, но ты не можешь просто убить любого, кто...

«Кто пытается тебя убить? Я могу и я буду."

Мое сердце пропускает удар. Он имеет это в виду, я вижу это, и это осознание наполняет меня всевозможными долбаными эмоциями: благодарность, смешанная с ужасом, надежда, граничащая со страхом, и, что самое тревожное, мстительное ликование.

Я хочу, чтобы Брэнсфорд умер за то, что он сделал с моей мамой. Я хочу этого так сильно, что чувствую вкус. И себе тоже хочу. Я хочу вернуть свою жизнь, свою свободу, свой душевный покой. Я хочу спать всю ночь без кошмаров и ходить по улице без страха. Я хочу перестать видеть опасность в каждом пикапе, в каждом незнакомом лице.

Я хочу, чтобы Брансфорд был на глубине шести футов, и если Николай сделает это, я буду свободна... и такой же убийца, как и он.

Именно эта последняя мысль подавляет мою темную тоску. Как бы я ни хотела свободы и мести, мы говорим об убийстве — хладнокровном, преднамеренном убийстве. Одно дело, когда Николай расправился с двумя вооруженными убийцами в лесу; каким бы тревожным ни было это свидетельство, то, что он сделал, в конечном счете ничем не отличается от того, что мог бы сделать полицейский в его ситуации, за исключением части пыток. То, что мы сейчас обсуждаем, — это совсем другой уровень пиздеца, и хотя какая-то часть меня не может не радоваться готовности Николая защитить меня до такой степени, я не могу

оставаться в стороне и позволить этому случиться.

Поскольку апелляция к здравому смыслу морали не сработала, я пробую другой подход. — Николай, пожалуйста. Будь благоразумен. Он видный политический деятель. Ты не можешь просто убить его. Это будет убийство, имеющее серьезные глобальные последствия. ФБР, ЦРУ, СМИ...

"Я знаю. Вот почему я должен был убедиться в его вине.

Еще один холодок пробегает по моей спине. Его лицо неумолимо, голос все еще тревожно ровный. Он все обдумал; это не какой-то импульс с его стороны.

Чтобы защитить меня, он собирается устранить кандидата в президенты, и я ничего не могу сделать, чтобы изменить его мнение.

Я все равно стараюсь, хотя бы для того, чтобы защитить *его*. "Что на счет твоей семьи? Жизнь, которую ты строишь здесь со Славой? Если они узнают, что за этим стоит ты...

«Они не будут».

«Как ты можешь быть так уверен? Будет глобальная охота, какой не было с тех пор...

— Зайчик... — Наклонившись вперед, он снова накрывает мои руки, заставляя меня понять, что я ломала их об стол. Его голос мягок, его тон устрашающе спокоен, когда его взгляд держится на мне. "Я знаю, что я делаю. Брэнсфорд умрет, и это будет по естественным причинам. Его партия будет оплакивать, нация будет оплакивать, а потом они перейдут к другому блестящему новому делу, какому-нибудь другому красноречивому политику».

"Естественные причины? В пятьдесят пять?"

«Порок сердца, до сих пор не диагностированный. Это будет по-настоящему трагично». Он откидывается назад, поднимая свой стакан. «Там, где есть воля, есть способ — и мы, Молотовы, превосходно находим эти пути».

20

Николай

Она неуверенно встает, глядя на меня, и я борюсь с желанием обнять ее. Я борюсь с этим, потому что за потребностью в утешении скрываются более темные, более опасные побуждения, рожденные голодом настолько глубоким и диким, что пугаю даже меня.

Как только я поддаюсь этому, как только я выпущу зверя, рычащего внутри меня, пути назад уже не будет.

Две недели я дал ей. В течение двух столетних недель я делал невозможное и оставался в стороне. Ну, не совсем. Я провел десятки часов, наблюдая за ней через камеры в комнате Славы и в ее спальне, но это и наши краткие разговоры за едой только добавили мне мучений.

Я никогда не считал себя мазохистом, но я должен им быть, потому что я добровольно принял утонченную пытку держать ее на расстоянии вытянутой руки, но не позволять себе владеть ею.

И сегодня вечером, кажется, последнее испытание моего самоконтроля. Потому что она, наконец, разыскала меня, хотя и не по тем причинам, по которым я хотел. Часть меня надеялась, что она будет скучать по мне, что она придет ко мне, потому что хочет меня с таким же отчаянием, как я хочу ее.

Потому что она готова быть моей, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Мне пора спать, — говорит она дрожащим голосом, и мне приходится сдерживать

прилив разочарования. Чего я ожидал? Она в шоке, и на то есть веская причина. Немногие обычные граждане понимают, как легко сделать убийство похожим на что-то другое — если это желаемый результат. Все громкие убийства и отравления радиацией, которые попадают в новости, должны быть заслуживающими освещения в печати. Это послание, предупреждение другим, кто может попытаться пойти против истеблишмента.

На каждый экзотический яд, кричащий о тайном вмешательстве правительства, приходится десятки неудач со здоровьем и обычных несчастных случаев, которые расчищают препятствия на пути могущественных, безжалостных людей... таких, как моя семья.

Это не первое тайное убийство, которое мне приходится планировать.

Изначально я не собирался рассказывать об этом Хлое. Она бы узнала о смерти Брэнсфорда из новостей, как и все остальные, и какие бы подозрения она ни питала в тот момент, они были бы далеко не такими обременительными, как знания, которые она несет сейчас. Но сегодня вечером она пришла ко мне, требуя ответов, и я не мог заставить себя солгать ей. В какой-то степени в этом виновата и моя сестра. Хотя Алина держала рот на замке в отношении Хлои, она почти каждый день приходила ко мне, настаивая на том, что Хлоя имеет право знать, что я планирую, что это должно быть ее решение.

Я категорически не согласен с последним, но я пришел к выводу, что в первом есть некоторые достоинства. Я не хочу, чтобы мой зайчик переживал из-за ее положения, беспокоясь о том, что в любой момент на нашем пороге могут появиться новые убийцы. Не то чтобы они прорвались, но все же сознание того, что кто-то хочет ее смерти, должно давить на нее.

Что ее биологический отец хочет ее смерти.

Нет, это к лучшему, что я ей сказал. Маше нужно как минимум несколько недель, чтобы выполнить свою миссию, и таким образом Хлоя знает, что я позабочусь об этом, и ей не о чем беспокоиться.

Выдвинув свои возражения, она может расслабиться с чистой совестью. Это мое решение, мой грех, а не ее.

Вставая, я улыбаюсь ей, надеясь, что она не видит искривленного голода в моих глазах, темной потребности, которая кипит в моих венах, как свежая лава. "Конечно. Если ты устал, иди спать, зайчик.

Как бы я ни хотел претендовать на нее, сегодня не ночь. Я слишком голоден, слишком близок к краю, и хотя ее раны почти зажили, она все еще далеко не там, где должна быть, чтобы справиться со мной.

Она отступает, словно прочитав мои мысли, но затем ее плечи расправляются, а тонкий подбородок поднимается. — Нет, — твердо говорит она, шагая ко мне из-за стола. — Я не уйду, пока ты не пообещаешь найти еще один из этих «способов».

21

Хлоя

Я знаю, что это плохая идея. Я также знаю, что я не могу быть трусом и улизнуть, как будто он только что не признался мне, что планирует убить человека от моего имени. Ужасный, ужасный человек, но все же мужчина... который оказывается моим биологическим отцом.

Что-то темное мелькает в глазах Николая, когда он смотрит на меня сверху вниз, и я с опозданием замечаю опасную напряженность его челюсти.

— Зайчик... — Его голос — мягкое рычание. "Ты должна идти. В настоящее время. Пока ты еще можешь».

Мое дыхание сбивается, когда осознание того, что он имеет в виду, обрушивается на меня, учащает пульс и парализует мышцы.

Он все еще хочет меня, сильно, но по какой-то причине сдерживается.

Я должна слушать его. Я должна отступать и отступать, пока он дает мне этот шанс. Если я этого не сделаю, это изменит все, положит конец этой вневременной интерлюдии, сократит расстояние между нами, которое держало меня в такой безопасности.

Потому что самая большая опасность для меня не снаружи.

Это здесь.

Это всегда был он.

Я заставляю свои мускулы двигаться, подчиняться безумным командам моего мозга, но с тем же успехом я мог бы жать машину лежа. Все, что я могу сделать, это смотреть на него, во рту пересохло, а сердце колотится, когда пульсирующее напряжение накапливается внизу живота, выпячивая соски и окрашивая мою кожу вихрями тепла.

Я вижу свирепую бурю, назревающую в его глазах, чувствую потрескивание этого электрического заряда в воздухе, но я остаюсь неподвижным, застывшим и немым, идеальной добычей для захвата.

«Хлоя...» Это хрипло произнесенное слово в равной степени является предупреждением и капитуляцией. Медленно, с преувеличенной нежностью, он обхватывает мое лицо обеими руками, жар его широких ладоней обжигает мою замерзшую кожу. Его глаза гипнотического алхимического золота, когда он шепчет: «Мой милый зайчик, все кончено. Ты потеряла последний шанс спастись».

22

Хлоя

Я все еще замираю на месте, когда его губы касаются моих так неотвратимо и яростно, как молния ударяет в дерево на равнине. Шок сотрясает все мое тело, обжигая каждую клеточку на пути.

В его поцелуе нет ни изящества, ни нежности. Он не просит, он берет. С моей головой, обездвиженной между его ладонями, он грабит каждый дюйм моего рта, засасывая меня в водоворот дикого желания, вожделения настолько темного и вулканического, что оно выжигает меня изнутри.

У него вкус коньяка и опасности, как и у всех моих извращенных, тайных желаний. Пьянящий аромат опьяняет меня, чувственные ноты его кедрового и бергамотового одеколona кружат мне голову. Какие бы мысли о сопротивлении у меня ни были, испарились, моя сила воли растворилась, как крупинка сахара в горячем чае. С беспомощным стоном я выгибаюсь к нему, мой живот прижимается к его паху, а мои руки сжимают его бока.

Он полностью тверд, толстая выпуклость в его штанах выступает против моей мягкости, напоминая мне о том, каково это, когда он находится внутри. Воспоминание вызывает одновременно и возбуждение, и трепет — было нелегко принять что-то такого размера. Но и эта мысль вскоре исчезает, сожженная яростным жаром желания, уничтоженная зверским соблазном его беспощадного поцелуя.

Я забываю, где мы. Я забываю обо всем, настолько, что вздрагиваю, когда он

отстраняется, чтобы прижать меня к своей груди. Только когда он начинает подниматься по лестнице, преодолевая их по две за раз, моя голова достаточно проясняется, чтобы на долю рационального мышления пришла пора.

Что я делаю? Это не то, что я намеревалась. На самом деле это полная противоположность. Моей целью было поговорить с ним, убедить его не...

С низким рычанием он прижимает меня к стене в коридоре наверху и забирает мой рот, как будто он не может не попробовать меня на вкус всю дорогу до своей комнаты, и я забываю о своих целях. Я забываю, что существую вне этого момента, что есть что-то еще, кроме него.

Мы сливаемся, или, по крайней мере, так кажется. Его рот слился с моим, его дыхание в моих легких, его запах в моих ноздрях. Меня окружает его могучее тело, полное жара, твердости и грубой, первобытной мужественности. Теперь я стою на цыпочках, пока он пожирает мои губы, а его руки блуждают по моей спине, бокам, заднице, сжимая и массируя последнюю, поднимая длинное платье вверх по моим бедрам. Затаив дыхание, я хватаюсь за прохладные шелковистые пряди его волос, пока он поднимает меня вверх, пока мои ноги не обхватывают его бедра, а мой таз не касается его, мой ноющий член трется о его эрекцию.

Мы целуемся, наши языки сражаются друг с другом, пока у нас полностью не кончается воздух. Затем его рот скользит по моей шее, осыпая горячими, едкими поцелуями нежную впадину возле моего уха. Со стоном я запрокидываю голову назад и сильнее прижимаюсь к нему, теряясь во всем, кроме темного, обжигающего удовольствия. Напряжение внутри меня скручивается и нарастает, мои нервные окончания настолько чувствительны, что движение воздуха ощущается как прикосновение к моей коже.

Я собираюсь кончить от того, чтобы трахаться с ним, понимаю я с отдаленным удивлением.

Это произойдет снова.

И затем это происходит, релиз столь же поразительный, сколь и желанный. Мои пальцы судорожно сжимаются в его волосах, и мои внутренние мышцы спазмируются, когда экстаз пронзает мое тело, сжимая пальцы ног и вырывая крик из моего горла. Только он не останавливается; он продолжает двигаться, упираясь бедрами в мой таз, усиливая толчки, разрывающие мое ядро. Зажмурив глаза, я снова вскрикиваю, и, словно животное, претендующее на свою пару, он кусает меня за шею, а его большая мозолистая рука копается в моем корсаже, сжимая мою обнаженную грудь, когда его большой палец скользит по моей...

«Хлоя? Николай, ты что, блять. Неважно.»

Голос Алины вырывает меня из горячего бреда, и я напрягаюсь, мои глаза распахиваются. И действительно, через плечо Николая я вижу, как она пятится, ее бледное лицо нехарактерно розовое. Прежде чем я успеваю что-то сказать или осознать тот факт, что это уже второй раз, когда она застает нас почти трахающимися, она разворачивается на каблуках и исчезает обратно в свою комнату.

Который находится прямо в коридоре.

Общественный коридор, где любой мог нас увидеть и услышать, как я иду.

Мое лицо, мое тело, даже корни моих волос словно горят, когда Николай отстраняется, чтобы посмотреть на меня. Его золотые глаза прикрыты тяжелыми веками; его волосы, в которых я все еще сжимаю руки, взлохмачены; его чувственные губы влажные и опухшие, приоткрытые в выражении чистой похоти.

Так мог бы выглядеть падший ангел после совершения своего первого греха, за исключением того, что этот ангел никогда не знал невинного существования.

Он был дьяволом все это время.

Я облизываю губы. "Твоя сестра.."

«Трахни мою сестру».

Прежде чем я успеваю ответить на это яростно рычащее чувство, он подхватывает меня своими сильными руками и большими нетерпеливыми шагами несет в свою комнату.

23

Николай

Я должен остановиться или хотя бы притормозить, но не могу. Теперь, когда я снова попробовал ее, голод внутри меня стал слишком сильным, слишком диким. Как алкоголик, который выпил свою первую рюмку за ночь, я не могу даже представить себе умеренность. Темная потребность пульсирует в моих венах, барабанный бой сексуального желания и более глубокого, менее определенного томления, страстного желания, которое, кажется, исходит из самой моей души.

С истощившимися остатками самоконтроля я уложил ее на кровать, стараясь не повредить руку. Теперь на ее шелковистой золотистой коже появился струп. Его вид кормит дикого зверя внутри меня, наполняя мою грудь в равной степени собственничеством и яростью.

Она моя, и я уничтожу любого, кто причинит ей боль.

Никто и пальцем ее не тронет... кроме меня.

Уже без моей воли мои руки тянутся к ее платью, рвут красивую тонкую ткань, отрывают ее от ее тела в яростной кампании, чтобы обнажить ее моему взору. Сначала из корсажа выступают ее груди, два маленьких восхитительных шара с торчащими коричневыми сосками на концах, затем узкая грудная клетка и плоский живот, покрытые этой сияющей бронзовой кожей, которая заставляет меня думать о захваченном солнечном свете, о тепле, свете, и чистота — все, чего я жажду, все, что я хочу.

Далее следует ее нижняя часть тела, ее едва заметные стринги почти распадаются в моих руках, обнажая киску, такую нежную и мягкую, насколько я помню. У меня слюнки текут при воспоминании о ее сладком, богатом аромате, о том, как эти нежные складки ощущались на моих губах, под языком, сжатыми пальцами... пальцами, которые невольно сжимают ее бедра, широко их раздвигая.

Ее мягкие карие глаза встречаются с моими, дремлющими от желания, окаймленными вызывающей осторожностью, и последние остатки моего самоконтроля исчезают. Как голодный зверь, я падаю на нее, зарываясь лицом между ее бедрами, лакая ее гладкость, поглощая ее солено-ягодную эссенцию, ее тепло и солнечный свет.

Она задыхается и хватает меня за голову, ее пальцы сжимают мои волосы, когда она выгибается подо мной, извиваясь при каждом жадном движении моего языка. Вскоре мои пальцы тоже присоединяются, играя с ее клитором, пока я облизываю ее отверстие, упиваясь влагой, которую нахожу там. Она такая же восхитительная, какой я ее помнил, вся из шелка, жара и расплавленного меда, и хотя мой член вот-вот лопнет, я не могу оторваться от того, что делаю, не могу остановиться, пока не почувствую, как она снова кончает.

И она это делает. С сдавленным криком она брыкается подо мной, ее спина выгибается над кроватью, а ее пальцы сжимают мои волосы, чуть ли не вырывая их с корнем, когда мои

губы и язык покрываются еще более восхитительной слизью.

Волна удовлетворения столь же интенсивна, сколь и кратка, мое вожделение только обострилось с ее оргазмом. Горячая кровь стучит в моих висках, яички сжимаются, и каждый мускул в моем теле напрягается от желания. Во мне не осталось ни нежности, ни терпения, только грубая, первобытная жажда обладать и претендовать, погрузить мой пульсирующий член в ее жар.

Движимый чисто животным инстинктом, я переворачиваю ее и обхватываю рукой ее бедра, поднимая ее стройную маленькую попку ко мне, пока она не встает на четвереньки. Ее гладкие щеки стали немного полнее, немного круглее, чем в последний раз, когда я видел ее обнаженной, бутон ее сфинктера превратился в маленькую соблазнительную точку, и мой голод усиливается до остроты лезвия ножа, мое тело сжимается до невыносимой степени. Я едва осознаю свои действия, когда разрываю ширинку и высвобождаю свой член, а затем выстраиваю его напротив ее блестящей щели.

Я должен иметь ее. В настоящее время.

Барабанная дробь желания становится все оглушительнее, заглушая все, размывая мир вокруг нас. Я больше не человек; Я не более чем первобытный голод, дикая, атавистическая потребность.

Схватив ее стройные бедра, я погружаюсь внутрь, наслаждаясь скользкой хваткой ее внутренних стенок, восхитительной теснотой ее узкого прохода. Она кричит, звук боли, но я не могу остановиться, ничего не могу сделать, кроме как вонзаться еще глубже, беря ее, требуя ее, удовлетворяя дикую похоть, палящую во мне изнутри.

Мой. Все чертовски мое. Мои бедра яростно трясутся, сердце колотится, как кулак, в груди. Издалека я понимаю, что был слишком груб, но я не могу замедлиться больше, чем могу позволить ей уйти. Она вся из шелковистой плотности и влажного жара, самое близкое к раю, которое только может знать мужчина. Ее умоляющие вздохи и крики только подстегивают меня, усиливая мою похоть, подпитывая зверя внутри меня.

Я трахаю ее, как будто завтра не наступит, как будто ничто вне этого момента не имеет значения. Удерживая ее одной рукой, я втягиваю другую в ее волосы и тяну, заставляя ее выгнуть спину, когда я вонзаюсь сильнее, глубже, отпечатывая свое клеймо на ее нежной плоти. Я чувствую, как оргазм закипает во мне, мои яйца напрягаются, пока они не становятся почти такими же твердыми, как мой пульсирующий член, и когда она выкрикивает мое имя и судороги вокруг меня, релиз обрушивается на меня, как цунами, посылая экстаз, взрывающийся в моем теле. нервных окончаний и раскрашивая окружающий мир в ярко-белый цвет.

24

Хлоя

Ошеломленная, я падаю на живот, как только Николай отпускает мои волосы и вытаскивает их из моей опухшей, дергающейся плоти. Даже с оргазмическими толчками, все еще пульсирующими во мне, мой секс кажется избитым, мои внутренности воспалены. Мои мысли тоже путаются, мой разум вялый, как будто я пробуждаюсь от глубокого сна.

Несмотря на это, когда он прижимает меня к себе и начинает бормотать сладкие глупости, я снова испытываю то необыкновенное чувство покоя, которое знала только в его объятиях. Мои глаза закрываются, ощущение парения охватывает меня, когда он гладит и гладит меня, проливая свет, успокаивая поцелуи на мое лицо и шею, массируя боль и синяки

от его грубого обращения. В конце концов, мои бессвязные мысли сливаются во что-то связанное, и я с силой открываю веки, чтобы увидеть его завораживающие глаза, смотрящие в мои, золотисто-янтарные его радужки с темно-зелеными прожилками.

— Зайчик... — Его голос тихий, выражение его лица сложно прочесть, когда он кладет свою большую ладонь на мою щеку. «Я не использовал презерватив».

На мгновение слова не имеют для меня смысла. Затем, с приливом адреналина, я ощущаю теплую влагу между ног и на бедрах.

Много влаги. Гораздо больше, чем я когда-либо чувствовал.

Мое сердцебиение учащается, ощущение легкости исчезает. Резко отстранившись, я сажусь. "Что ты имеешь в виду? Я ни на чем. Неделю назад у меня закончились таблетки. Я думала... я думала, ты всегда носишь презерватив. Я бросаю взгляд на густую белую жидкость на своих голых бедрах, пытаюсь не запаниковать, лихорадочно считая дни.

Когда у меня были месячные? Это было на этой неделе или на прошлой неделе? Почему я не удосужился отследить? Я знаю, что прошло несколько дней с тех пор, как у меня остановилось кровотечение, но, может быть...

"Я это сделал." Николай тоже садится, мощные мышцы его груди и руки напрягаются, когда он проводит рукой по волосам, еще больше взъерошивая черные пряди. — По крайней мере, у меня всегда так было до сегодняшнего дня.

Наконец-то я вспоминаю, когда у меня начались месячные: в начале прошлой недели, почти двенадцать дней назад. В прошлый понедельник мне пришлось просить у Алины припасы.

У меня примерно середина цикла.

Должно быть, я выгляжу таким же испуганным, как я себя чувствую, потому что Николай наклоняет голову, глядя на меня с тем же неразборчивым выражением лица. «Время самое подходящее, не так ли? Или, точнее, неправильно?»

Я киваю, моя рука инстинктивно движется к моему животу. — Почему... — я останавливаюсь, чтобы успокоить свой дрожащий голос. — Почему ты не воспользовался презервативом?

Загадочный блеск в его глазах усиливается, когда он приближается ко мне. «Почему бы нам не привести себя в порядок, а потом поговорить дальше?»

Должно быть, я все еще в шоке, потому что не возражаю, когда он подхватывает меня и несет в ванную. Вместо этого я позволила ему позаботиться обо мне в душе, как он это делал, когда мне было больно. Его прикосновение снова мягкое, успокаивающее и нежное, хотя его член становится все твердее с каждым движением его мозолистых рук по моему мокрому обнаженному телу.

К тому времени, когда он закончил смывать следы нашей ошибки, он уже полностью встал, и его руки двигаются по мне с растущим вниманием, обхватывая мою грудь и играя с сосками, рискуя проникнуть между моих бедер, чтобы найти мой клитор. Это должно быть слишком много, слишком рано, но мое тело реагирует так, как будто оно не только что пережило катастрофический переворот своих чувств, как будто дикий трах, который оставил меня таким ошеломленным, был не чем иным, как превью главного события.

Мое дыхание учащается, в животе накапливается напряжение, когда его губы касаются моих в глубоком, пылливом поцелуе, а затем приближаются к моему уху, моей шее, моему плечу. Задыхаясь, я хватаюсь за его плечи, а он наматывает мои мокрые волосы на кулак и выгибает меня назад над своей мощной мускулистой рукой, притягивая к себе мою грудь,

как жертвенное подношение. Его широкая спина защищает меня от водяных брызг, когда он наклоняется надо мной, цепляясь за один сосок, затем за другой, горячее, мощное всасывание его рта посылает рывки ощущений прямо в мое ядро, усиливая мое растущее возбуждение.

Тем не менее, у меня все болит внутри, слишком больно, чтобы чувствовать удовольствие, когда два его пальца толкают меня, раздвигая опухшие, нежные ткани. То есть до тех пор, пока эти пальцы не изгибаются внутри меня, находя место, из-за которого искры взрываются за моими закрытыми веками, и не уведут меня за край так быстро, что я едва успеваю выдохнуть его имя.

Спазмы все еще пробегают по моему телу, когда он выпускает мой сосок с влажным хлопком и опускает меня на колени, все еще защищая меня от брызг душа своим телом. В изумлении я моргаю, глядя на него, только чтобы понять, чего он хочет, когда он шлепает твердый, массивный столб своего члена по моей щеке, а затем подносит кончик к моему рту.

Инстинктивно я упираюсь руками в его мускулистые бедра и приоткрываю губы, втягивая его так далеко, как он может. Я и раньше делала минеты, но это совсем другое ощущение, совсем не похожее на те случайные, игривые времена с моими бывшими парнями. Я не контролирую себя — он контролирует — и нет ничего игривого в том, как он безжалостно трахает меня в рот. Его руки сжимают мой череп, удерживая меня неподвижно для его глубоких, медленных толчков, и это все, что я могу сделать, чтобы не задохнуться, когда он с каждым ударом проникает все глубже в мое горло.

Это не должно быть жарко — он использует меня исключительно для своего удовольствия — но что-то в обращении с ним как с куклой для секса посылает импульсы тепла прямо к моему клитору. Он берет от моего тела то, что хочет, и это одновременно унижительно и извращенно освобождает. В этом обмене нет ничего сложного; Я доставляю ему удовольствие просто тем, что существую, будучи для него всего лишь теплым влажным ртом. Мои глаза зажмуриваются, слезы текут из стороны в сторону, когда он набирает скорость, заталкивая свой большой член в мое ноющее горло, но желание заткнуть рот остается тихим, даже когда мой рот наполняется слюной, которой хватило бы на целое озеро. Он стекает по моему подбородку, шее, груди, но все это не имеет значения, потому что я чувствую, как напряжение нарастает в его теле, чувствую, как его толстый ствол еще больше набухает у меня во рту. Со стоном он входит так глубоко, что я теряю способность дышать, и теплая жидкость струится вниз по моему горлу, когда его пальцы крепко сжимают мои волосы, дергая за корни так сильно, что я вздрагиваю.

К тому времени, как он вырывается у меня из горла, я так отчаянно нуждаюсь в воздухе, что мои ногти лихорадочно впиваются в его бедра. Тем не менее, когда я открываю слезящиеся глаза и поднимаю глаза, чтобы встретиться с ним взглядом, я вздрагиваю от удовольствия, отражающегося в нем теплом собственничестве.

— Зайчик... — его голос звучит темным, бархатистым хрипом, когда он берет меня под руки и поднимает на ноги, а затем поддерживает, пока я не восстанавливаю равновесие. Нежно держа мое плечо одной рукой, он смывает с меня сперму и слюну другой, затем обхватывает мой подбородок, глядя на меня сверху вниз с особенно пристальным взглядом.

Мой пульс снова учащается, странное предчувствие сжимает мой желудок, когда он мягко говорит: «Ты для меня все, источник моего величайшего счастья и удовольствия. Я хочу, чтобы ты была со мной до конца наших дней, пока в наших телах остается дыхание. Судьба привела тебя к моей двери, доставила мне как подарок, которым ты являешься, и я не

мог бы быть более благодарен».

Мое сердце сейчас выпрыгивает из горла, я дышу так быстро, что мое зрение становится серым. Это не может идти туда, куда я думаю. Не может быть, чтобы он...

«Хлоя Эммонс ...» Он обрамляет мое лицо своими широкими ладонями, его тигровые глаза наполняются яростно-нежным светом. «Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж. Я хочу, чтобы ты стала моей женой.»

25

Хлоя

На мгновение я убеждена, что ослышалась. Потому что он ни за что не сделает предложение, когда мы знаем друг друга меньше месяца. За исключением того, что в его гипнотическом взгляде нельзя ошибиться, нельзя скрыть тот факт, что он только что употребил слова «жениться» и «жениться».

Мой разум лихорадочно крутится, когда я сжимаю его мощные запястья, инстинктивно оттягивая его руки от моего лица. Душ за его спиной все еще работает, наполняя просторную кабину паром, но я вдруг замерзаю, по мокрой коже бегут мурашки.

«Николай, я...» Я понятия не имею, что сказать, как подступиться к такому безумию. Наконец я выпалил: «Ты шутишь, да?»

Его взгляд темнеет. — Зачем мне шутить об этом?

«Потому что... потому что мы почти не знаем друг друга!»

Он кладет руки мне на плечи и слегка сжимает, его тон остается мягким, даже когда его челюсти угрожающе твердеют. — Я знаю о тебе все, что мне нужно знать.

«Ну, я не знаю. Знать о тебе, я имею в виду. Я высвобождаюсь из его объятий и вытираю трясущейся рукой лицо, чтобы избавиться от капель воды. Мое сердце неровно колотится, мой желудок скручивается от его быстро темнеющего выражения лица, когда я нащупываю дверь душевой кабинки. — Николай, пожалуйста, не поймите меня неправильно — я очень польщен. Просто... сейчас это не очень хорошая идея. Или когда-либо.

Возможно, я влюбилась в этого убийственно красивого мужчину, но я не забыла, кто он и что он такое — или что он собирается сделать для меня.

Я не создана для того, чтобы быть женой мафиози, даже если это не официальный ярлык.

Он наблюдает за моим отступлением с прищуренными глазами, пар клубится в воздухе позади его мощного тела, и все, что я могу сделать, это не споткнуться о коврик в ванной, когда я выхожу и хватаю полотенце.

Мне незачем так нервничать.

Он попросил, а я отказался.

Конец истории.

— Что тебе нужно знать обо мне? Он выходит за мной, его движения мягкие и неторопливые. Хищник, преследующий свою добычу. — Что тебе нужно, чтобы сказать «да»?

— Ну... — я оборачиваю полотенце вокруг себя, лихорадочно ища наименее оскорбительный ответ. Его нет, поэтому я вынуждена выбрать правду. «Николай, я просто не могу выйти за тебя замуж. Мы слишком разные. Наши ценности, то, как мы подходим к вещам... По правде говоря, я не думаю... Мое сердце подпрыгивает от бури, собирающейся в его глазах, но я настроена решительно, поэтому я иду вперед. «Я не думаю, что это может

работать в долгосрочной перспективе».

Он замирает, его рука на полпути к собственному полотенцу. Затем, медленно и неторопливо, он снимает его с полки и вытирается, его глаза все время были прикованы ко мне, его лицо теперь темнее, чем безлунная ночь.

Я тяжело сглатываю, когда нарастает напряженное молчание. «Мне пора спать. Мы можем поговорить подробнее утром».

Он двигается, как большая кошка, которую напоминает мне. Размытое взрывное движение, и он оказывается между мной и дверью в ванную, точеные мускулы напрягаются, когда он смотрит на меня сверху вниз, золотые глаза в щелочках.

— Нет, зайчик, — мягко говорит он. «*Нам* следует лечь спать. А завтра ты выйдешь за меня замуж. Как бы ты себя ни чувствовала».

26

Хлоя

Я просыпаюсь с затуманенными глазами, у меня болит голова и все тело болит. Подавив стон, я пытаюсь перевернуться на бок, но обнаруживаю, что тяжелая рука, закинутая за мое туловище, прижала меня к месту.

Адреналин наполняет мои вены, рассеивая туман сна, и я понимаю, где нахожусь.

В постели с Николаем.

У меня перехватывает дыхание, и я осторожно поворачиваю голову, чтобы посмотреть на него. Я только однажды видела его спящим, в тот раз, когда мы провели вместе ночь, и я снова поражаюсь тому, как красиво и опасно зверино он выглядит в покое, с черными, как смоль, ресницами, обрамляющими его острые скулы и темную щетину. затеня жесткие линии его челюсти. Сон не смягчает его резко очерченные черты; вместо этого он придает им дикую чувственность, мрачную примитивную привлекательность.

Даже сейчас есть что-то хищное, что-то порочное в том, как изогнуты его чувственные губы, как они слегка приоткрыты.

Понимая, что я теряю драгоценную возможность, глядя на него, как фанатка, пораженная звездами, я осторожно выворачиваюсь из-под его руки и ползу голый к двери, мое сердце колотится о грудную клетку.

Мне нужно сбежать, хотя бы в свою комнату.

Мне нужно установить некоторое расстояние между нами.

Прошлая ночь, по крайней мере та часть, что была после душа, представлялась мне туманом, мешаниной мрачных сексуальных ощущений и диких эмоций. Я думаю, что была настолько ошеломлена его заявлением, что испытал своего рода шок, и к тому времени, когда я пришел в себя, я уже была в его постели, мои запястья были прижаты над моей головой, а он вонзался в мое израненное, но извращенно нетерпеливое тело.

Я не помню, чтобы сказал нет, но я должна была. Я не хочу верить, что позволила ему трахнуть меня после того, что он сказал... или что я кончила еще несколько раз, когда он снова и снова брал меня с необузданной яростью.

По крайней мере, в прошлые разы он пользовался презервативом; Я бы сейчас задыхался, если бы это было без презерватива.

Дойдя до двери, я бросил взгляд за плечо. Слава Богу, он еще спит. Я не знаю, как я буду встречаться с ним или что я буду делать с его угрозой брака. И это угроза. Я понятия не имею, как он может заставить меня сказать «да» против моей воли, но я знаю, что это в его

силах. Та тьма, которую я всегда ощущала в нем, теперь направлена на меня.

Как он сказал мне вчера, он преуспевает во всем, чтобы добиться своего.

Затаив дыхание, я тянусь к дверной ручке и поворачиваю ее, внутренне вздрагивая от слабого щелчка. К моему облегчению, он продолжает спать, поэтому я высовываю голову в коридор, чтобы убедиться, что там чисто, а затем бегу в свою комнату, не обращая внимания на приступ боли в едва зажившей лодыжке.

Я пробираюсь внутрь без происшествий и мчусь в ванную, где прыгаю в душ и вытираюсь с мылом, пытаюсь смыть воспоминание о его грубом прикосновении. Это бесполезно — следы его владения по всему моему телу, моя кожа в дюжине мест поцарапана его щетиной, мои соски болят там, где он их сосал и оцарапал зубами. Хуже всего, однако, болезненность глубоко внутри меня, напоминание о его ненасытном голоде по мне — и о моей полной неспособности сопротивляться ему, даже в свете безумия, которое он замышляет.

Я выключаю воду и выхожу из кабинки, делая глубокие вдохи, чтобы сдержать растущую панику. Может, он не это имел в виду. Он мог просто расстроиться из-за того, что я отклонил его предложение, и когда он проснется сегодня утром, он поймет, насколько это было преждевременно.

Он нанял меня чуть больше трех недель назад, и в общей сложности мы провели вместе две ночи. Как он может быть так уверен, что хочет меня на всю жизнь, что я действительно та самая?

И все же, что бы я ни говорил себе, моя паника не проходит. Несмотря на то, что я сказал прошлой ночью, я знаю Николая. В глубине души я знаю его — и я знаю, что он не говорит того, чего не имеет в виду. Он решил, что нам суждено, когда я пробыл здесь всего неделю, и ничто из того, что произошло с тех пор, не убедило его в обратном.

Что еще страшнее, он не утверждает, что любит меня, и я так не думаю. То, что он чувствует ко мне, больше похоже на навязчивую идею. С потрясением я вспоминаю, как Алина предупреждала меня об этом в ту ночь, когда мы вместе курили травку, говоря, что ее брат не мой белый рыцарь.

«Мужчины Молотова не любят, они обладают», — сказала она. — И Николай не исключение.

Намотав полотенце на мокрые волосы, я смотрю на свое отражение в зеркале, отмечая припухшие красные губы, все еще в синяках и распухшие от его поцелуев. Возле ключицы засос, а на бедрах слабые темные отметины в виде мужских пальцев.

Нет, это не любовь. Даже не близко.

В лучшем случае это взаимная фиксация, потому что даже сейчас, когда я стою здесь и выгляжу так, будто на меня напали, воспоминания о том, как каждая _____ отметина попала на мое тело, заставляют меня пульсировать глубоко внутри.

Когда я одеваюсь, я решаю, как лучше поступить.

Алина.

Она помогла мне однажды; может быть, она сможет сделать это снова.

Я даже не знаю, какую помощь я имею в виду — после того, как я чуть было не промахнулся с убийцами, идея еще одной попытки побега выглядит малопривлекательной. Тем не менее, я чувствую искру надежды, когда стучу в дверь ее спальни, и она открывает мне ее, одетая в свой пеньюар. Прежде чем я успеваю извиниться за то, что разбудил ее, она

оглядывает коридор и быстро ведет меня внутрь.

"У тебя все нормально?" — спрашивает она, отступая назад, чтобы внимательно осмотреть меня. Ее взгляд останавливается на моих пухлых губах, а ее темные брови сходятся вместе. — Коля...

— Нет, нет, я в порядке. Мое лицо горит жаром, и я благодарна, что моя загорелая кожа скрывает румянец, а футболка с высоким воротом скрывает засос. — Он бы не... Все было по обоюдному согласию, поверь мне.

Она выдыхает. "Ладно, хорошо. Я подумал, что дело в этом. Просто... мой брат не совсем в своем уме, когда дело доходит до тебя."

— Можешь повторить это еще раз, — бормочу я себе под нос.

Она все равно слышит меня, и ее хмурый взгляд возвращается. "Что случилось?" Схватив меня за руку, она ведет меня к своей неубранной кровати и усаживает рядом с собой. Поскольку она только что проснулась, ее лицо обнажено, как в тот роковой раз, когда она подкараулила меня в моей спальне, но ее нефритово-зеленые глаза ясны, затуманены лишь беспокойством. "Что случилось? Скажи мне, Хлоя. Пожалуйста."

Я делаю глубокий вдох и готовлюсь к ее реакции. Николай сделал предложение.

Нулевой ответ. Не так сильно, как мерцание ресниц.

Она меня не услышала?

— Он попросил меня выйти за него замуж, — произношу я на случай, если это непонятно. «Прошлой ночью он попросил меня стать его женой».

Теперь ее длинные ресницы закрывают глаза. "Я понимаю."

— Почему ты не удивляешься больше? — спрашиваю я, ошеломленный и более чем обеспокоенный ее спокойным принятием. — Ты знала, что он это сделает?

"Знаешь? Подозреваемая? Да." Она вздыхает, одной рукой откидывая волосы назад. — С того момента, как я увидела твои ключи в его ящике, я поняла, что это может быть туда. Но, конечно, Коля со мной на эти темы не разговаривает, так что я не могу сказать, что знал наверняка».

Мое беспокойство возрастает. "Я не понимаю."

«Хлоя...» Полностью повернувшись ко мне, она сжимает обеими руками мои руки. «Мой брат одержим тобой. Я видела признаки этого с первого дня, когда мы наняли тебя, но я думала — я надеялась, — что это просто мимолетное влечение с его стороны, что ты будешь просто еще одной девушкой, которую он трахнет и забудет.

«Спасибо, спасибо».

— Ничего против тебя. Это было бы хорошо, поверь мне. Она сжимает мои руки. — Смотри, Николай... Он очень похож на нашего отца. И наш дедушка. И, судя по рассказам, которые я слышал, до них были другие люди с Молотовым. Константин и Валерий — они немного другие, а Николай... он молотовец насквозь.

"Что это значит?" — расстроено спрашиваю я. «Он что? Склонен делать предложение после месяца знакомства с женщиной?»

Она качает головой. «Насколько мне известно, он никогда никому не делал предложения и не был настолько одержим женщиной». Она делает вдох. — Ты первая, и, если я угадаю, последняя. Так часто случается с мужчинами в нашей семье. Наш отец увидел нашу мать на вечеринке, сразил ее наповал, осыпав ее семью подарками, и через две недели женился на ней. А его отец — наш дед по отцовской линии — буквально похитил нашу бабушку, когда ей было шестнадцать, увел ее из деревни, когда случайно увидел, что она

пасет поле с другими ученицами.

"Ты издеваешься надо мной."

"Если бы." Ее лицо мрачно. «Наша бабушка умерла, когда мне было десять, но я помню истории, которые она рассказывала мне о своей жизни с дедушкой, о том, как он контролировал каждое ее движение и требовал абсолютного послушания. Она была с ним глубоко несчастна, но она была всего лишь бедной крестьянкой, а он был влиятельным человеком со связями, так что она ничего не могла сделать. Он не позволил бы ей уйти от него.

Я смотрю на нее, мой желудок скручивает. "И твоя мать? Она тоже была несчастна?"

Она отводит руки назад, ее лицо закрывается. «Сначала нет. Она не знала, за какого мужчину вышла замуж, лишь намного позже. Это было тогда, когда она узнала, что все начало распутываться и... — Она останавливается и делает еще один глубокий вдох. «В любом случае, это ни здесь, ни там. Я хочу сказать, что Николай обладает такой же сильной, страстной личностью, навязчивой тенденцией, которая ищет и в конечном итоге находит что-то — кого-то — за что можно ухватиться. Как наш отец и наш дедушка до него, он целеустремлен, когда дело доходит до женщины, которую он хочет, и он хочет тебя, Хлоя. И он добьется тебя любой ценой.

Я не знаю, что сказать. Онемев, я просто смотрю на нее, а она тихо говорит: «Кроме того, я не знаю, заметили ли вы, но в Николае есть черта мистицизма, эта вера в судьбу и судьбу, которую он унаследовал от нашей бабушки. Выросшая в маленькой сельской деревне, она была одновременно религиозной и глубоко суеверной и проводила много времени с Николаем, когда он был маленьким мальчиком. Он, вероятно, стал бы это отрицать — он ни в малейшей степени не считает себя религиозным, — но он впитал многие ее убеждения, в том числе ее отношение к нашей семье и к тому, что сама наша кровь несет в себе зло... как было неизбежно, что наш отец, ее сын, окажется таким же, как он».

Я тяжело сглатываю. — Как? И что еще более важно, Николай оказался таким же?

Губы Алины расплываются. — Неважно. Мы сейчас говорим о Николае.

"И я. Алина... Моя очередь сжимать ее руки. "Что я делаю? Я сказала ему, что не могу выйти за него замуж, но он не слушает доводов. Он настаивает, чтобы мы поженились сегодня.

Наконец на ее лице отразилось удивление. "Сегодня?"

"Да, сегодня!" Отпустив ее руки, я модулирую свой тон. — Слушай, может, я зря волнуюсь. Я не знаю, как он может заставить меня выйти замуж — это не средневековье. Но на всякий случай, не могли бы ты вразумишь его? Или поможешь мне понять, как это сделать?»

Она наклоняет голову, ее нефритовые глаза блестят. — Так, чтобы было ясно, ты не хочешь выйти за него замуж?

Я моргаю. "Конечно нет. Я имею в виду... я знаю его меньше месяца.

— Но ты хочешь его, верно? Прошлой ночью и в тот другой раз...

"Это другое." Мое лицо снова становится горячим. «Это просто биологическое. Он очень привлекательный мужчина и...

— Значит, для тебя это просто секс?

Я открываю рот, чтобы сказать «да», но слово отказывается произносить.

"Я понимаю." Блеск в ее глазах усиливается. "Ты любишь его?"

— Я... — я сглатываю от внезапной сухости в горле. "Я не знаю. Это имеет значение? Я

все еще не могу выйти за него замуж. Он... то есть он не...

«Каким ты себе представляла мужа?» — говорит она, когда я замолкаю. Кривая улыбка кривит ее губы. «Знаешь, большинство женщин ухватятся за шанс выйти замуж за богатого, красивого мужчину, который без ума от них».

"Не могла бы ты? Воспользоваться шансом выйти замуж за кого-то вроде твоего брата?"

Ее черты напрягаются, улыбка сползает с ее лица. — Мы говорим не обо мне. Резко вставая, она подходит к окну, ее спина напряглась, когда она смотрит на далекие вершины.

Сбитый с толку, я подхожу к ней. Я понятия не имею, что ее расстроило, но явно что-то расстроило. Осторожно прикасаюсь к ее плечу. "Эй я.."

Она поворачивается ко мне лицом, ее черты снова собраны. — Послушай меня, Хлоя. Ты права, что сходите с ума. Если мой брат скажет, что ты выходишь за него замуж сегодня, так и будет. Я точно не знаю, как, но он изобретателен. Если ты действительно этого не хочешь, лучше всего отложить свадьбу.

"Задерживать? Но.."

— Задержись, — твердо говорит она. — Прямой отказ не сработает — он только сделает его более решительным, — так что ты должна сказать «да», а затем придумать способ поставить какие-то условия. Может быть, ты всегда мечтала о конкретном месте проведения свадьбы, или об особенном платье, или о том, чтобы твои подруги из колледжа были подружками невесты. Он может уважать это, а может и нет. В любом случае, попробовать стоит».

Я смотрю на нее, мой пульс учащается. Она права: я поступила неправильно. Прошлой ночью, пока я не сказала Николаю правду — что я не думаю, что это может работать между нами в долгосрочной перспективе, — он казался послушным разуму, более заинтересованным в том, чтобы убедить меня, чем подчинить своей воле.

Может быть, если я соглашусь выйти за него замуж в какой-то момент в будущем, мы сможем вернуться к более разумной динамике, восстановить все как было.

«Извини, я не могу быть более полезной», — говорит Алина, и я могу сказать, что она искренна. «Все, что я ему скажу, приведет только к обратному результату. Будет лучше, если ты сама подойдешь к нему.

«Нет, это было очень полезно, спасибо». Я поворачиваюсь, чтобы уйти, когда мне приходит в голову мысль. Надеюсь, я оборачиваюсь. — У тебя случайно не было таблетки наутро, не так ли? Прошлой ночью у нас случился небольшой... провал в памяти.

Она замирает, моргая. Когда она говорит, у нее странный голос. — Нет, боюсь, у меня ничего подобного нет. И, Хлоя... ты могла бы подумать о очень, очень хорошей тактике проволочек. Помнишь, что я говорила тебе о моем брате и несчастных случаях? То же самое касается провалов в памяти».

Я смотрю на нее, и мой желудок сжимается. "Ты имеешь в виду..."

— Мне кажется, он твердо намерен связать тебя с собой — и уже делает все возможное.

27

Николай

Я просыпаюсь с тревожным чувством дежавю. Еще до того, как я переворачиваюсь и чувствую прохладные, пустые простыни рядом со мной, я знаю, что Хлоя здесь нет.

Я чувствую ее отсутствие глубоко внутри.

Логика подсказывает мне, что она не могла снова сбежать — охранники получили

строгий приказ не выпускать ее за территорию, — но мое сердце все еще сильно стучит о грудную клетку, когда я спрыгиваю с кровати и одеваюсь с военной скоростью.

Я должен найти ее. В настоящее время.

Прежде чем я успеваю выйти из комнаты, мое внимание привлекает какое-то движение снаружи. Я подхожу к окну, и меня накрывает волна облегчения.

Это Хлоя и Слава стоят вместе на краю проезжей части, вглядываясь в группу деревьев сбоку. Приглядевшись, я замечаю перед ними серо-коричневый комок меха — дикий кролик. Я также мельком замечаю длинную тощую морковь в руке моего сына.

Облегчение сливается с новым, чисто раскаленным ощущением, сияющим теплом, заполняющим каждую щель моей груди. Быть моим сыном и моей женой — это кажется таким правильным, таким идеальным.

Так совсем заебался.

Я не заслуживаю этого. В глубине души я это знаю. Человеку вроде меня не суждено испытать такого рода счастье, какое-то время купаться в настоящей радости. И Хлоя определенно не заслуживает меня. Кровь, текущая по моим венам, — чистый яд, моя природа безжалостна насквозь. Лучший мужчина давно бы отпустил ее, защищая от самых темных частей себя, вместо того, чтобы схватить этот мираж счастья обеими руками.

Но я схватываю это. Потому что я эгоистичный монстр. Потому что, когда прошлой ночью я, наконец, обнял ее, я знал, что ей самое место. И я знал, что недостаточно просто иметь ее там.

Мне нужно, чтобы мир знал, что она моя, что она принадлежит исключительно мне.

Я позволяю себе еще некоторое время наблюдать за ней и Славой, наслаждаясь незаслуженным счастьем, этими украденными мгновениями незамысловатой радости. Не знаю, как мне удавалось все это время сдерживаться, как мне удавалось сдержаться и дать ей двухнедельную отсрочку. Теперь, когда она снова у меня, я не могу представить, как проведу еще одну ночь без нее, не могу даже попытаться вернуть зверя на поводок.

Она не хочет выходить за меня замуж. Да будет так. Обжигающий ожог ярости и боли из-за ее отказа все еще здесь, но он немного остыл, превратившись в мрачную решимость.

Пора Хлое понять, с кем она имеет дело. Так или иначе, она будет носить мое кольцо на пальце.

Сегодня она станет моей женой.

28

Хлоя

Я переносю утро силой воли, иду на уроки со Славой с улыбкой, несмотря на то, что тревога разрывает мне нервы. Помогает то, что Николай не появляется на завтрак, а вместо этого запирается в своем кабинете с Павлом. На самом деле, я вообще его не вижу, разве что мельком в коридоре, когда он проходит мимо меня, лишь горячо окидывая взглядом и бормоча «извините, зайчик».

Как будто прошлой ночи не было, как будто мое тело не несет на себе отпечаток его владения, а мой желудок не скручивается, когда я пытаюсь набраться смелости, чтобы противостоять ему.

Только в одиннадцать появляется первый признак грядущих изменений. К тому времени у меня появилась надежда, что Николай передумал, и в конце концов его угроза была пустой. Но нет. Я иду в свою комнату, чтобы найти Людмилу в моем шкафу, хватающую десятки

платьев вместе с вешалками и проносящие их мимо меня без единого слова.

"Привет!" Я спешу за ней, пока она быстро идет по коридору. "В чем дело?"

Она бросает на меня косой взгляд, когда я догоняю ее. «Вы переезжаете сегодня. В комнату Николая, нет?»

"Что? Нет! Дай мне это. Я пытаюсь вырвать у нее одежду, но она оказывается на удивление проворной. Уклоняясь от моего движения, она врывается в спальню Николая, затем появляется через тридцать секунд и мчится в мою комнату.

Блядь.

Я бегу за ней. "Не. Просто оставь их».

Она не слушает, хватая очередную партию одежды и проталкиваясь мимо меня, ее личико матрешки лишено всякого выражения. — Если ты помешаешь мне, я попрошу Павла помочь.

Черт.

Переполненный гневом, я отступаю назад и позволяю ей делать свое дело. Альтернатива — физическая борьба с ней и ее горой мужей — была бы бессмысленной и глупой. Кого волнует, где находится моя одежда? Важно то, что означает этот ход.

Николай забирает мою комнату, мое личное пространство... мое единственное убежище от него.

Я больше не могу откладывать конфронтацию. Если я не хочу сегодня стать его женой, я должна действовать.

Предоставив Людмиле распоряжаться моим шкафом, я иду в кабинет Николая и решительно стучу в дверь.

"Да?"

— Это Хлоя. Мой голос низкий и яростный, мой гнев сжигает всякую осторожность.

Дверь распаивается, открывая крупное, широкоплечее тело Николая. Упершись мускулистой рукой в дверной косяк над головой, он скользит взглядом по моему телу. Когда его глаза возвращаются к моему лицу, они становятся ярко-золотыми хищными. — Что такое, зайчик?

"Нам нужно поговорить."

Он делает полшага назад, его чувственные губы изгибаются в мрачной усмешке. — Тогда входи.

Он все еще частично в дверном проеме, так что у меня нет другого выбора, кроме как протиснуться мимо него. Мое плечо касается его мускулистой груди, и я улавливаю слабый запах бергамота и кедра, смешанный с соблазнительным мускусом теплой мужской кожи. Знакомый жар обжигает мои вены, внутренности становятся мягкими и жидкими, несмотря на пылающую в груди ярость.

Чертова биология. Это последнее, что мне нужно.

Стиснув зубы, я направляюсь к круглому столу, плюхаюсь на стул и с вызовом смотрю на его лицо. Я отказываюсь позволять своему телу диктовать мои действия, позволять сексуальным потребностям решать мою судьбу.

Я не выйду замуж за этого красивого, аморального мужчину, даже если смогу. Как бы я ни реагировала на него в постели.

— Итак... — он откидывается назад, переплетая длинные пальцы на груди. Его голос звучит как матовый шелк, когда он мягко говорит: «Ты хотел поговорить».

У меня было все утро, чтобы придумать, как лучше подойти к нему, но я до сих пор

чувствую себя косноязычным, мои мысли путаются в беспорядке. Отчасти из-за того, как он смотрит на меня, с той циничной, насмешливой полуулыбкой, будто уже заглянул в будущее и точно знает, что я собираюсь сделать и сказать. Но в основном я чувствую в нем холодную решимость. Аргументы, которые я отрепетировал, внезапно кажутся неадекватными, а сама предпосылка торга с ним ошибочна.

— Как ты собираешься это сделать? — наконец выпалил я. Это не то, с чем я собирался вести, но я должен знать, что меня ждет, если я потерплю неудачу. — Как ты можешь заставить меня выйти за тебя замуж против моей воли?

Мышцы вокруг его глаз напрягаются на мгновение, даже когда улыбка остается на его губах. «Против твоей воли? Это ложью ты кормишь себя, зайчик? Что тебя принуждают?

Кровь приливает к моему лицу, гнев смешивается с нелогичным смущением. "Что ты говоришь?"

— Я говорю, что делаю тебе одолжение. Его улыбка обостряется. «Решения могут быть тяжелым бременем, особенно когда твои представления о том, что правильно, противоречат вашим реальным желаниям».

Мои ногти впиваются в ладони. «Я не *хочу* на тебе жениться. Ты спросил, а я сказала нет, помнишь?

— О, да. Он резко наклоняется вперед, улыбка сползает с его лица. «Некоторые вещи должны быть. Однажды ты увидишь это и будешь благодарен, зайчик. А пока я сделаю то, что должен».

"Который является то, что? Пригласить сюда какого-нибудь офицера? И что потом? Как ты заставишь меня сказать «да»?

Он не отвечает, просто откидывается назад с непостижимым выражением лица, и мое воображение делает скачок.

Глядя на него в ужасе, я выдыхаю: «Ты собираешься накачать меня наркотиками, не так ли? Это твой план.

29

Николай

Мой умный зайчик. Она знает меня, что бы она ни утверждала.

Маленький пузырек уже стоит у меня на столе, жидкость внутри готова, чтобы ее можно было набрать в шприц и закачать в ее вены. Это самая мягкая и щадящая форма одного из наших особых наркотиков, дозировка едва достаточна, чтобы размыть границы реальности и понизить запреты человека.

Когда я использую его на Хлое, она будет в курсе, что происходит, но не будет возражать... потому что в глубине души она тоже хочет этого.

Я знаю ее и сейчас.

Вот почему я не удивляюсь, когда она переводит дух и расправляет свои тонкие плечи вместо того, чтобы умолять или плакать. — Хорошо, — говорит она, и ее голос лишь слегка дрожит. "Ты победил. Но чтобы ты знал, я не прощу тебя, если ты с этим справишься. Это отравит все между нами... точно так же, как действия твоего деда разрушили все шансы на его брак.

Чертова Алина. Я должен был этого ожидать, но слова Хлои до сих пор пронзают меня, как рыболовный крючок, проникая глубоко и цепляясь прямо за мое сердце.

Я наклоняюсь вперед, мой тон обостряется. — Ты не оставляешь мне выбора.

"Нет. Ты пытаешься не оставить *мне* выбора. Она тоже наклоняется вперед, глядя на меня через стол. «То, что нет презерватива — это было специально, не так ли? На самом деле ты не забыл.

Я удерживаю ее взгляд, вспышка гнева остывает, когда странная боль сжимает мою грудь. Она права? В то время это не было похоже на сознательное решение, скорее на изначальную директиву, на непреодолимое желание быть внутри нее без каких-либо преград. Презерватив даже не рассматривался; как будто мой разум заблокировал существование таких защитных мер, а тем более потребность в них.

Я не хочу больше детей — по крайней мере, я думал, что не хочу. Затем я увидела свое семя на бедрах Хлои, и в моем сознании нахлынули всевозможные заманчивые образы: Хлоя растет с нашим ребенком, она кормит пухлого младенца... мы играем с кареглазым малышом, чья лучезарная улыбка освещает комнату.

Это было похоже на монтаж из какого-то гребаного фильма Hallmark, за исключением того, что это заставило меня заболеть до глубины души.

С усилием я отключил этот ход мыслей. Действовал ли я сознательно, не имеет значения. Результат одинаков в любом случае.

Расслабив плечи, я откидываюсь назад и изучаю напряженные черты Хлои. «Скажи мне кое-что, зайчик... что тебе нужно, чтобы принять наш брак и быть счастливым? Чтобы мы вдвоем избежали судьбы моих бабушки и дедушки?

Она слишком умна, слишком осторожна, чтобы прийти сюда только для того, чтобы наказать меня. Есть что-то, к чему она стремится, какая-то цель, которую она надеется достичь, и я подозреваю, что знаю, что это такое.

Она смотрит на меня пару долгих секунд, и я чувствую, как в ее голове разыгрывается битва. Продолжать настаивать на вопросе о презервативах или перейти к ее реальной повестке дня?

Она должна выбрать комбинацию этих двух вещей, потому что она сидит прямее и говорит: «Ну, во-первых, пока я не соглашусь родить ребенка, я хочу, чтобы мы всегда пользовались защитой. На самом деле, я хочу, чтобы вы немедленно вернули меня к противозачаточным таблеткам и сегодня же дали мне таблетку на следующее утро».

— Готово, — говорю я, подавляя иррациональную волну разочарования.

Это действительно к лучшему; еще один Молотов — последнее, что нужно этому миру. Не знаю, что на меня нашло прошлой ночью, но я намерен в будущем лучше себя контролировать. На самом деле, я пользовался презервативами всю оставшуюся ночь, так что спишу случившееся на моментальное упущение разума.

Хлоя моргает, явно удивленная моим легким согласием. "Хорошо. Хороший. Тогда как насчет того, чтобы обсудить время свадьбы? Думаю, следующим летом или осенью должно быть...

"Нет." Я не собирался торопить ее со свадьбой, но теперь, когда мы пошли по этому пути, я не могу ждать ни дня дольше. Каким бы нетерпеливым я ни был, чтобы она оказалась в моей постели, это ничто по сравнению с моим жгучим желанием привязать ее к себе. Я не планировал делать предложение до тех пор, пока не пройдет несколько недель, после того как я разберусь с Брансфордом, но все изменилось в тот момент, когда я увидел на ней свое семя и понял, что мог сделать ее беременной. В тот момент моим главным приоритетом стало надеть кольцо на ее палец — и до сих пор, независимо от того, будет ли у нее ребенок или нет.

Сама возможность этого заставила меня осознать, что ничто иное, как то, что она станет моей женой, не подойдет.

Она втягивает воздух. "Но.."

"Нет. Время не подлежит обсуждению». Я знаю, что поступаю неразумно, но я не могу — не буду — смягчиться. Что-то иррациональное во мне убеждено, что, если я не сделаю этого сейчас, я потеряю ее... что я должен воспользоваться этим шансом на счастье, каким бы иллюзорным оно ни было.

Она сжимает руки, когда на ее щеках появляются пятна более темного цвета. «Я думала, ты хочешь, чтобы это сработало, чтобы мы действительно были счастливы в этом браке».

«Да... и так и будет. Но сначала должен быть брак. А для этого должна быть свадьба — что и происходит сегодня в пять часов».

"Сегодня днем?" Ее голос прыгает по высоте. — Ты понимаешь, как безумно это звучит?

Я мрачно улыбаюсь. «Здравомыслие переоценено, зайчик. Какой здравомыслящий человек когда-либо был счастлив? В любом случае, вам не нужно беспокоиться о логистике. Все уже устроено».

Несколько тактов она просто смотрит на меня, прерывисто дыша; затем она отодвигает стул и вскакивает на ноги. «А чего я хочу? Что мне нужно, чтобы принять этот брак?»

«Скажи мне, в чем дело, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы это произошло — если это не приведет к задержке». Я тоже встаю, обхожу стол и обхватываю ее изящно вырезанный подбородок, поднимая ее лицо вверх, чтобы увидеть ее мятежное выражение. «Скажи мне, зайчик. Что я могу сделать, чтобы сделать тебя счастливым? Что тебе нужно?»

Она сжимает мое запястье, ее глаза темны от бурных эмоций. — Мне нужно, чтобы ты не заставлял меня делать это.

Я улыбаюсь и наклоняю голову, чтобы поцеловать хрупкую раковину ее уха, мое тело напрягается, когда я вдыхаю ее аромат полевых цветов. — Нет, зайчик, — бормочу я, когда чувствую ее дрожь. — Это именно то, что вам нужно.

Кто-то столь же невинный, как она, никогда не обнимет такого мужчину, как я, не беспокоясь о том, как это скомпрометирует ее мораль, навязанную обществом, и не почувствовав, по крайней мере, некоторую форму вины.

Я имел в виду то, что сказал. Своим собственным эгоизмом я делаю ей одолжение. Таким образом, она может притвориться, что не хочет этого, что она обнимает меня против своей воли.

Тонкая линия ее горла дрожит от глотка, и она прерывисто вдыхает, высвобождаясь из моей хватки. Ее глаза становятся еще темнее, когда они встречаются с моими, ее тонкие черты напряжены.

— В таком случае, — неуверенно говорит она, — у меня есть еще два условия. Если ты сможешь встретиться с ними, я выйду за тебя замуж сегодня в пять часов, никаких наркотиков не требуется».

Заинтригованный, я склоняю голову. "Продолжать."

— Во-первых, я хочу, чтобы ты рассказал мне, что именно случилось с твоим отцом. А во-вторых... — Ее голос дрожит. — Мне нужно, чтобы ты пообещал не убивать моего. Я хочу, чтобы Брансфорд заплатил, но не таким образом».

Хлоя

Челюсть Николая превращается в камень, в глазах собираются вулканические тучи. Опасно ровным голосом он говорит: «Я могу сделать первое, но не второе. Брансфорд представляет для вас угрозу, пока он жив.

— Нет, если его разоблачили и люди знают, кто он такой. Я могу опубликовать свои результаты ДНК; с такими доказательствами СМИ придется слушать».

Я не знаю, когда мне пришла в голову мысль об этой фаустовской сделке с Николаем, и тогда я решила, что, поскольку нет никакого способа избежать проигрыша в брачной битве, я, по крайней мере, сдамся на своих условиях. Эти два вопроса — узнать правду о прошлом Николая и заставить его покинуть Брансфорд живым — одинаково важны для меня, и мне нужно использовать те небольшие рычаги, которые у меня есть.

Брансфорд должен заплатить за свои преступления, но я не хочу, чтобы его кровь была на руках Николая и, соответственно, на моей совести.

"СМИ?" Губы Николая кривятся. — Ты же понимаешь, что это повлечет за собой, не так ли, зайчик? Они будут на вас, как стая голодных чаек. Каждая частичка вашей жизни будет расчленена, смерть вашей матери и все, что связано с ее прошлым, будет проанализировано с тошнотворными подробностями. У тебя больше никогда не будет ни минуты покоя. И хотя скандал, скорее всего, подорвет политическую карьеру Брансфорда, нет никакой гарантии, что он попадет в тюрьму за изнасилование вашей матери; срок исковой давности может помешать этому».

— Он также виновен в заказе ее убийства.

«Да, но удачи в доказательстве этого, когда убийцы исключены из поля зрения».

Черт. Он прав. Поспешив придумать альтернативу убийству Брансфорда, я не учел последнюю часть. Я понятия не имею, что Николай сделал с телами убийц, но в любом случае мертвецы не могут свидетельствовать о личности своего нанимателя. Что еще хуже, указание властям на могилы убийц — или даже просто раскрытие инцидента в лесу — могло создать для Николая всевозможные проблемы. Последнее, чего я хочу, это чтобы его арестовали за то, что он защищал меня... или чтобы СМИ окружили его, что они обязательно сделают, если мы женаты.

Поскольку Славе нужно скрываться от семьи его матери, я не могу обнародовать свои отношения с Брансфордом. Сама идея бесперспективна.

Тем не менее, я не готов сдаться. «Что, если это не я? Бьюсь об заклад, есть женщины, кроме моей мамы, с которой он так поступил, и другие девушки, на которых он когда-то нападал. У таких мужчин, как правило, есть определенная цель, так что, возможно, мы сможем найти других его жертв и...

— Как их найти? Тон Николая смягчается. — Я понимаю, что ты пытаешься сделать, зайчик, поверь мне, но даже если какие-то жертвы удобно притаились за кулисами, нам могут потребоваться месяцы или годы, чтобы найти их и убедить выйти вперед. К этому моменту он может стать президентом Соединенных Штатов, и его свержение потребует бесконечно больших усилий. Тем временем он будет продолжать охотиться на вас... и потенциально создавать других жертв. Вы подумали об этом? Если ему действительно нравятся невольные девочки-подростки, то каждую минуту своей жизни он представляет угрозу не только для вас. Убрав его, я окажу миру услугу».

Фу. Я отворачиваюсь, потирая лоб. Он снова прав, но я не могу согласиться с тем, что убийство — единственный ответ. Должно быть что-то еще, что мы можем сделать. Я бы

даже согласился на что-нибудь сомнительное, вроде шантажа или...

Я кружусь. «Что, если бы нам не нужно было их искать, жертв? Что, если бы мы создали их сами?»

Темные брови Николая изогнулись, в его взгляде появилось легкое веселье. — Вы предлагаете заплатить каким-то женщинам, чтобы они обвинили его? Изготовление ложных показаний? Вы не находите это неэтичным и неправильным?»

— Нет, когда альтернатива — убить его. Кроме того, он не то чтобы невиновен.

— Нет, — категорично отвечает Николай, потеряв всякую шутливость. "Он не."

— Так это да? Подойдя ближе, я смотрю на него с надеждой. «Можем ли мы попробовать это, посмотрим, сработает ли это?»

Он убирает прядь волос с моего лица. — Нет, зайчик. Ложные обвинения не сработают».

"Но.."

«Если мы собираемся создать жертв, они должны быть реальными... или, по крайней мере, доказательства должны быть».

Я моргаю. "Что ты имеешь в виду?"

«У меня есть одна идея, но мне нужно обсудить ее с Валерием».

В моей голове гаснет лампочка. — Ты про Машу? Какого бы ни был возраст «актива» его брата, она легко может сойти за подростка, поэтому, если мы приблизим ее к Брансфорду...

"В яблочко." Николай подходит к своему столу и открывает ноутбук. Я смотрю, затаив дыхание, как его длинные пальцы танцуют по клавиатуре, выдавая какое-то сообщение.

Может быть, я считаю цыплят до того, как они вылупятся, но похоже, что он на борту. Он считает, что эта идея заслуживает внимания.

«Хорошо», — говорит он через минуту, закрывая ноутбук. «Посмотрим, что думает Валерий, и готова ли Маша изменить текущий план».

"Который является то, что?"

В изгибе его губ сквозит намек на иронию. «Скажем так, первая часть не слишком отличается».

Я моргаю. — Она собиралась соблазнить его?

— Достаточно, чтобы уговорить его пообедать с ней.

Где она дала бы ему все, что должно было привести к этому фатальному «пороку сердца».

Я изо всех сил стараюсь сохранять ровный тон. «Хорошо, тогда это должно быть легко, верно? Может быть, она могла бы соблазнить его еще немного и сделать несколько компрометирующих снимков. Или же-"

— Не беспокойся о деталях, зайчик. Он обходит свой стол и останавливается передо мной, его глаза темно-янтарного цвета, когда он заправляет мне за ухо еще одну прядь волос. — Твоя единственная задача сегодня — выбрать платье.

Николай был неправ. Это не просто платье. После обеда в дом вторгается группа модно одетых людей, принося с собой все, от обуви из универмага до инструментов для укладки волос. Алина направляет их всех с бойкой эффективностью, и, прежде чем я успеваю это

осознать, я вымыта, натерта воском, выщипана, надушена, уложена и покрашена до энной степени.

К тому времени, когда мы действительно добираемся до выбора платья, я чувствую, что прошла через легкую форму пытки, и все приобретает сюрреалистическую атмосферу. День моей свадьбы — одни только эти слова — словно что-то из книги или фильма, выдуманная история о девушке, которая никак не может быть мной.

Брак никогда не был моей мечтой. Не так, как у некоторых женщин. Я просто думал, что это произойдет в будущем, если я встречу нужного человека и все звезды сойдутся. Скажем, если бы мы оба преуспевали в карьере, любили семьи и друзей друг друга и имели массу общих интересов. Кроме того, если бы мы были в надлежащем возрасте, который для меня составляет самое раннее двадцать с небольшим.

Я никогда не представляла себе, что выйду замуж в двадцать три года и уж точно не за русского мафиози. Потому что это то, кем является Николай, независимо от того, принимает он этот ярлык или нет. Молотовы прикрываются светскими атрибутами, но в глубине души Николай и его братья — дикари, такие же жестокие и аморальные, как и любые лидеры картелей.

Мысль о том, что я свяжу свою жизнь с таким мужчиной, должна была бы напугать меня, но вместо этого я чувствую оцепенение, такое подавленное, что все кажется белым шумом. Менее двух месяцев назад я беспокоился только о том, чтобы найти работу после окончания учебы, а потом моя жизнь пошла так далеко от рельсов, что все, что происходит сегодня, не кажется таким уж страшным или странным.

Или, может быть, это ложь, которую я говорю себе, чтобы пережить этот день. Может быть, чудовищность этого поразит меня позже, когда я буду лучше подготовлена, чтобы переварить это.

Подаренные мне платья потрясающие, каждое из них — произведение искусства. Всего их четырнадцать, и Алина заставляет меня примерить их все, прежде чем объявить, что номер семь — хвост русалки цвета слоновой кости и вырез с открытыми плечами — тот самый.

Не знаю, соглашусь ли я с ней — для меня все платья прямо из сказки, — но я благодарна ей за руководство. Что бы она ни думала о сегодняшнем мероприятии, она взяла на себя ответственность, вмешиваясь в дела вторгшейся стаи от моего имени. Благодаря ей мне не приходится принимать сложных решений, например, какой цвет теней наносить; она говорит им, что и как со мной делать, и мне просто приходится сидеть там, как кукла-зомби, пока они делают все, включая нанесение консилера на мою шею, чтобы скрыть засос и другие следы занятий любовью Николая.

К тому времени, когда я полностью готов, уже почти пять, и когда стая уходит, прибывают две новые машины. В одном находятся два человека с причудливой камерой, а в другом — худощавый мужчина средних лет, одетый в черный костюм с белым воротничком.

«Неконфессиональный священник», — объясняет Алина, подходя ко мне у окна. — Он проведет церемонию.

Церемония, верно. Мое сердце панически стучит, мое оцепенение немного уходит. Это *реально*. Это происходит. Настоящая свадьба, с маскарадом, священником и командой фотографов/видеографов. Я понятия не имею, как Николаю удалось повернуть это в такой короткий срок, но я думаю, что когда у вас достаточно денег, чтобы разбрасываться, вам не нужно беспокоиться о таких плебейских заботах, как заказ востребованных специалистов

заранее.

— Где Слава? — спрашиваю я, запоздало понимая, что не видела мальчика с наших утренних уроков. — Он тоже будет на церемонии?

Алина кивает. — Людмила держит его подальше от глаз, потому что чем меньше людей будет знать о его присутствии здесь, тем лучше. Но Николай действительно хочет, чтобы он был на свадьбе и на фотографиях, поэтому он принял соответствующие меры предосторожности со священником и командой фотографов».

"Меры предосторожности? Типа, какое-то соглашение о неразглашении? Подожди, если подумать, я не хочу знать.

Она сверкает мне ослепительной улыбкой. «Умно с твоей стороны. Но да, NDA является частью этого, я считаю. Наряду с некоторыми более строгими мерами».

Мое сердце снова бьется, а затем пускается в тотальный галоп. Реальность обрушивается на меня, быстро, а вместе с ней и чувство паники.

Что я делаю? Почему я согласилась на это? Откуда мне знать, что Николай выполнит свою часть сделки? Он до сих пор не сказал мне, что случилось с его отцом, хотя, честно говоря, из-за всех приготовлений к свадьбе у нас было не так много времени для разговоров. Что само по себе является проблемой. Все происходит слишком быстро, все решения не в моей власти, все последствия огромны. Во-первых, до меня доходит, что, выйдя замуж за Николая, я обретаю не только мужа, но и сына.

Я собираюсь стать мачехой для четырехлетнего ребенка.

У меня должно быть немного дикие глаза, потому что Алина протягивает руку, чтобы сжать мои руки. "Дышать. Все будет хорошо. Просто сделайте это по одной минуте за раз».

Это хороший совет. Мама всегда говорила мне: просто сосредоточься на следующем шаге, на том, что должно произойти. Ни у кого нет хрустального шара, когда дело доходит до далекого будущего, поэтому бессмысленно загадывать слишком далеко вперед. В любом случае, стать мачехой Славы — наименее страшная часть этой затеи, так как я уже люблю мальчика и не могу представить, что его не будет в моей жизни.

Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоить свое бешеное сердцебиение. "Спасибо. Наверное, нам следует спуститься вниз, пока Николай не пришел нас искать. Отступив назад, я быстро осматриваю ее платье цвета морской волны. — Кстати, ты выглядишь потрясающе.

Улыбка Алины возвращается. "Я? Ты великолепная невеста.

Это может быть так, но она, как всегда, затмевает меня. В обычный день сестра Николая могла бы сойти за звездочку, идущую по красной дорожке, но когда она прилагает дополнительные усилия к своей прическе и макияжу, как сегодня, ее красота становится почти нереальной. Если бы я увидел ее фотографию в таком виде, то был бы уверен, что ее до смерти отфотошопили, отполировали всевозможными фильтрами. Но вот она, стоит рядом со мной, такая настоящая, как только может быть.

— У тебя есть кто-нибудь в России? — спрашиваю импульсивно. — Парень или что-то в этом роде?

Несмотря на нашу растущую дружбу, Алина так же молчала на эту тему, как и на тему своей семьи, и я не могу не задаться вопросом, почему. Я рассказала ей все о своих бывших парнях, но она никогда не отвечала взаимностью на подобные истории.

Если бы я не знала лучше, я бы подумала, что она мало встречалась.

"Парень?" Ее смех звучит натянуто. "Нет. Таких нет».

И мы вернулись к исходной точке.

"Почему бы и нет?" — спрашиваю я, не в силах оставить это в покое. Сосредоточиться на личной жизни Алины гораздо предпочтительнее, чем заикливаться на том, куда движется моя. "Конечно.."

— Нам нужно спуститься вниз, — говорит она, отворачиваясь. — Пойдем, пока не опоздали.

32

Николай

«Славочка...» Я приседаю перед сыном. — Мне нужно с тобой кое о чем поговорить.

Он смотрит на меня, не мигая, и на его лице видно беспокойство. Он не мог не заметить всех людей, входящих и выходящих из дома, и я знаю, что ему интересно, что происходит. Людмила сказала мне, что он весь день засыпал ее вопросами — вопросами, на которые она воздерживалась от ответов, полагая, что это я должен сообщить ему новости.

— Ничего страшного, — говорю я, когда он молчит. «На самом деле, это что-то действительно замечательное. Помнишь, я обещал тебе, что Хлоя останется с нами навсегда?

Он осторожно кивает.

— Ну, вот и весь сегодняшний день. Я широко улыбаюсь. "Мы женимся. Хлоя будет не только твоим наставником, но и твоей новой мамой.

Его глаза расширяются, а маленький подбородок дрожит. "Моя мама?"

«Технически, мачеха, но я уверен, что Хлое понравится, если со временем ты начнешь думать о ней как о своей маме».

Я ожидаю, что Слава отреагирует на это с радостью, так как он просто обожает Хлою. Вместо этого его подбородок дрожит сильнее, а на глаза наворачиваются блестящие слезы. — Значит ли это... — Его детский голос ломается. — Значит ли это, что она умрет?

Блядь. Это снова. Я чувствую, будто кто-то разбил мне грудь молотком.

Если бы Ксения не была уже мертва, я бы убил ее за то, что она погибла в автокатастрофе и вселила этот страх в нашего сына.

Я крепко сжимаю его руки. — Нет, Славочка. Она не будет. На самом деле, я женюсь на ней, чтобы с ней никогда не случилось ничего плохого. Здесь, с нами, она будет в безопасности.

Подбородок перестает дрожать, даже когда капли влаги прилипают к его нижним ресницам, заставляя их сверкать. "Ты обещаешь?"

"Обещаю."

— Она всегда останется с нами?

"Всегда." Или, по крайней мере, до тех пор, пока в моем теле есть дыхание — но я не буду этого говорить, а то он тоже начнет беспокоиться о том, что я тоже умру.

Он награждает меня лучезарной улыбкой, и молот снова бьет меня в грудь, отдаваясь глубокой болью. Только на этот раз это другая боль, которую я научился приветствовать. Трудно выразить словами то, что мой сын заставляет меня чувствовать; все, что я знаю, это то, что я больше не могу представить жизнь без него, без этих сильных эмоций, которые часто чувствуют, что разрывают меня на части.

За последние две недели наше предварительное взаимопонимание, которое мы установили благодаря Хлое, углубилось, наши отношения изменились во что-то, о чем я никогда не думал, что у меня будет... что-то, что заставляет меня задаться вопросом, будет

ли еще один ребенок, один с Хлоей, таким плохим после все.

Но нет. Я пообещал, что это будет ее решение — и так оно и должно быть, если у нашего ребенка есть хоть какой-то шанс преодолеть проклятие Молотова. Я не хочу, чтобы его воспитывала мать, которая возмущается самим его существованием и говорит ему, что все, чем он является, вызывает у нее отвращение, что зло является его частью и всегда будет.

Я не хочу, чтобы он закончил, как мой отец.

Отбросив эту мрачную мысль, я улыбаюсь в ответ Славе. — Давай оденем тебя и подготовим. Скоро свадьба».

Вставая, я протягиваю ему руку, и, когда его маленькие пальцы доверчиво смыкаются вокруг моей ладони, я чувствую себя более уверенной, чем когда-либо, что поступаю правильно... для себя, для Хлои и для своего сына.

33

Хлоя

Мы приносим свои клятвы на террасе со стеклянными стенами с видом на ущелье, где горные пейзажи создают достойный фон для Instagram, а послеполуденное солнце заливает все теплым золотым светом.

Для постороннего это выглядело бы как идеальная крошечная свадьба, вплоть до музыки, звучащей через потолочные динамики, и очаровательного ребенка в смокинге, сияющего от волнения справа от нас.

«Вы, Хлоя Эммонс, берете Николая Молотова... вашего законного мужа... и удерживаете...» Слова священника то исчезают, то исчезают, как ошибочная радиопередача, эффект белого шума возвращается, создавая постоянный гул в моих ушах. Я смутно осознаю, что рядом со мной стоит Алина, неофициально играющая фрейлину, и медвежье тело Павла рядом с Николаем. Он его шафер? Это вообще в России есть?

— Да, — отвечаю я, когда понимаю, что священник молчит уже какое-то время. Николай уже сказал свою часть, так что дело за мной.

Людмила, которая держит Славу за руку, что-то говорит мальчику по-русски, а священник улыбается и говорит: «А теперь поменяйся кольцами».

У нас есть кольца?

И действительно, сильные пальцы Николая уже сжимают мое правое запястье. Повернув мою руку ладонью вверх, он кладет в ее середину простое золотое кольцо, затем берет мою левую руку и надевает на безымянный палец изящный золотой круг, инкрустированный бриллиантами.

Хм. Кажется, у нас есть кольца.

Неуклюже надеваю простую повязку на безымянный палец Николая и смотрю вверх. Его глаза соответствуют цвету драгоценного металла на его руке, палящий жар в них прогоняет белый шум в моих ушах и делает происходящее абсолютным облегчением.

Святой ебать.

Мы только что поженились.

Мужчина передо мной теперь *мой муж* .

«Поздравляю. Вы можете поцеловать невесту, — говорит священник, и мое сердце бьется сильнее, когда Николай поднимает мое лицо и наклоняет голову, мрачная удовлетворенная улыбка играет на его губах, когда они опускаются на мои.

Это короткий, почти платонический поцелуй, но в нем безошибочно чувствуется грубое

собственничество, или в том, как он сжимает мою руку после этого, когда поворачивается лицом к потоку аплодисментов и поздравлений, идущих к нам. Даже когда все обнимают нас, он держит меня, отказываясь отпустить.

Наконец взрослые отступают, и Николай становится на колени перед Славой, все еще крепко сжимая мою руку.

— Славочка... — Тон у него торжественный, английские слова тщательно выговариваются. «Теперь мы семья. Хлоя — моя жена и твоя новая мама.

Ладно, эй. Я не ожидала этого. Разве мы не должны с этим смириться? Я не хочу, чтобы Слава обижался на меня за то, что я заняла место его умершей матери. Конечно, формально я его мачеха, но это не значит, что он не может продолжать думать обо мне как о Хлое, а позже, когда придет время, мы сможем...

Мои мысли резко останавливаются, когда Слава улыбается мне самой широкой, самой яркой улыбкой и обхватывает мою юбку своими короткими ручками, изо всех сил обнимая мои ноги.

«Мама Хлоя», — восклицает он, глядя на меня с еще большей ухмылкой, и это все, что я могу сделать, чтобы скрыть свое потрясение от того, как он легко принял это изменение в нашей динамике. Где обида? Настороженность перед внезапными переменами в его жизни? Не то чтобы я не рада, что он так на борту. Николай, должно быть, говорил с ним в какой-то момент сегодня, предупредил его о том, что должно произойти. Тем не менее, я ожидал, по крайней мере, короткого периода адаптации. Если конечно-

Я останавливаюсь. Ничего из этого сейчас не важно. Обрамляя ладонью обращенное кверху лицо Славы, я одариваю его самой яркой улыбкой, на которую только способна. "Да, дорогой. Мы теперь семья. Можешь называть меня мамой или как угодно».

Как бы ни было неприятно внезапно оказаться в роли родителя, у меня есть чувство, что Слава будет наименее сложной частью этого брака, и не только потому, что мне не стыдно признать, что ребенок уже владеет моим сердцем.

Когда я смотрю на Николая, выражение его лица выражает теплое одобрение. Улыбаясь, он подносит руку, которую держит, к губам и целует мои костяшки один за другим, вызывая мурашки по позвоночнику и заставляя Славу хихикать.

— Мама Хлоя, — взволнованно повторяет он и подпрыгивает к Алине, болтая с ней по-русски.

— Еще раз поздравляю, — говорит она, когда я ловлю ее взгляд. Она тихо добавляет: «Я рада, что ты моя сестра».

Сестра. Верно. Потому что вот что значит жениться. Она обретает не только мужа, но и семью. Как сын, сестра, два брата и сколько угодно двоюродных братьев... всех братьев, сестер и родственников, которых у меня никогда не было.

Впервые я понимаю, насколько сильно меняется моя жизнь.

Я больше не сирота, пробирающаяся одна по миру.

Я до сих пор осознаю, что фотограф выводит нас на улицу, чтобы сделать миллион снимков на скале, где летний ветерок целует наши лица прохладой, пахнущей соснами.

Не сирота.

Не единственный ребенок матери-одиночки, у которой не было собственной семьи.

Как давно я тайно желала чего-то подобного? В моем воображении это был мой отец, который войдет в мою жизнь и познакомит меня со всеми двоюродными братьями, тетями и

дядями, которых я никогда не знал, но которые оказались замечательными. Теперь, зная то, что я знаю о Брансфорде, я не могу себе этого представить. Сама мысль о встрече с кем-то, кто связан с человеком, который пытается меня убить, вызывает отвращение. Слава богу, у него нет других биологических детей — по крайней мере, СМИ не знают о них. Из того немногого, что я позволила себе прочитать о нем, я знаю, что он вдовец, который недавно женился во второй раз. Его первая жена десять лет боролась с какой-то редкой формой рака, прежде чем скончалась несколько лет назад, а у его новой жены двое маленьких детей от предыдущего брака — девочка и мальчик, которых он регулярно выставляет напоказ перед камерами, играя роль здорового, полностью американского мужа и отца в совершенстве.

Если бы они только знали.

Задумавшись, я на автопилоте подчиняюсь указаниям фотографа, и в следующий раз, когда я оглядываюсь, солнце садится за горные вершины, заливая все красновато-оранжевым сиянием.

— Этого должно хватить, — говорит Николай, и мы возвращаемся в дом, где лакомство, разложенное на обеденном столе, посрамляет празднование дня рождения Алины. Здесь есть все: от морепродуктов до традиционных русских блюд, огромного разнообразия суши и интернациональных деликатесов, таких как улитки.

Они, должно быть, привезли большую часть этого; у Павла не было времени сделать даже малую толику из того, что перед нами.

Мой желудок издает урчание, и я внезапно понимаю, что проголодалась. Все эти фотосъемки, должно быть, были более энергозатратными, чем казалось. А может это стресс. В любом случае, как только мы садимся и Павел произносит первый тост за наше здоровье, я наполняю свою тарелку пятью разными видами бутербродов с икрой, за которыми следуют блинчики, слоеные пирожные, огромное разнообразие маринованных фруктов и овощей, хвосты лобстеров, вяленое мясо, изысканные сыры и всевозможные салаты. Все так же восхитительно, как и выглядит, и мое платье трещит по швам к тому времени, когда я наконец делаю паузу, чтобы перевести дух.

Подняв глаза от своей тарелки, я ловлю Николая, наблюдающего за мной со снисходительной улыбкой.

"Что?" — застенчиво спрашиваю я, откладывая вилку.

"Ничего такого. Мне просто нравится смотреть, как ты ешь».

Больше похоже на то, как я свиню. Мои уши горят, но я хватаю еще одного лобстера за хвост. Эта еда чертовски хороша, и если я чему-то и научился за месяц в бегах, так это не принимать хорошую еду — или любую еду — как должное.

Однако спустя два тоста я вынужден признать поражение. Я не могу есть что-то еще, а основное блюдо еще даже не закончилось. Чтобы отвлечься от чувства напущенности, я смотрю на Николая, который что-то объясняет Павлу по-русски.

Я жду, когда он закончит, и когда он смотрит на меня, я говорю: «Твои братья... Ты рассказал им о свадьбе?» Мне только что пришло в голову, что я еще не познакомился со своими новыми шуринами, и они, возможно, понятия не имеют, что я теперь часть семьи.

Николай указывает на видеооператора, который осторожно кружит вокруг стола со своей камерой. «Валерий и Константин получают прямую трансляцию, и они немного по видеозвонку поздравят нас».

Конечно. Он все продумал. Почему я вообще удивлена? Организация свадьбы за считанные часы должна быть детской забавой по сравнению с планированием громкого

убийства. Не то чтобы последнее уже происходит — по крайней мере, если Николай сдержит свое слово.

С усилием я переориентируюсь на празднование, которое мне очень напоминает день рождения Алины, только со всеми тостами, адресованными мне и Николаю. Большинство из них дарят Павел и Людмила, которые, кажется, полны решимости перещеголять друг друга добрыми пожеланиями, но Алина тоже пару раз поднимает свой бокал, сначала чтобы пожелать нам долгого и счастливого брака, а затем произнести тост за меня, как «сестра, которую она всегда хотела иметь».

Я знаю, что к этому моменту она выпила по меньшей мере четыре рюмки водки, но ее слова все еще трогают меня, дергая за ту маленькую, тайную часть меня, которая тоже всегда хотела иметь сестру.

Может быть, быть Молотовым не так уж и плохо. Обретение семьи — даже семьи мафии — может стоить того.

Мой неуверенный энтузиазм сохраняется во время основного блюда и десерта, подогреваемого несколькими бокалами вина и двумя рюмками водки. Все вокруг тоже радостно жужжат, кроме Славы и Николая.

Как и в день рождения Алины, я чувствую, что алкоголь только обостряет способности моего нового мужа, что водка для него больше похожа на Red Bull или кофе. Или, может быть, дело просто в том, что она лишает его отполированного, элегантного фасада, который он использует, чтобы скрыть мощную силу своей личности, ту темную силу, которая кипит внутри него и стремится подчинить все и всех своей воле.

Сгибать *меня*, формируя из меня то, что он хочет, чтобы я был.

Его жена. Его владения. Его во всех отношениях... потому что кольцо на моем пальце — это клетка, из которой не выбраться.

Осознание должно напугать меня — и обычно так и было бы, — но алкоголь не действует на меня как Red Bull. Вместо этого он рисует мой мир в теплых размытых тонах, как акварель заката, — поэтому я не возражаю, когда Николай сажает меня к себе на колени, где он кормит меня из рук клубникой в шоколаде, пока мы разговариваем с его братья на ноутбуке Павел подносит к столу.

Константин зовет первым, его худое лицо так напоминает Николая, что у меня сердце замирает, когда оно впервые появляется на экране. Однако при ближайшем рассмотрении различия становятся очевидными. Нос Константина немного крупнее и более крючковатый, на сильном подбородке есть ямочка, а глаза глубже посажены в глазницах, их яркий цвет скрыт за очками в черной оправе. Что еще более важно, его губы лишены циничного, злого изгиба губ Николая, хотя они так же красивы по-своему сурово.

По какой-то причине легко представить старшего брата Николая воином-монахом, переписывающим вручную древние свитки между истребляющими ордами вторгшихся варваров.

«Поздравляю со свадьбой, — говорит он нам. Голос у него низкий, как у Николая, акцент совершенно американский. Интересно, он тоже учился здесь, в Штатах? — Я рад за вас обоих. Его взгляд остановился на мне. — Добро пожаловать в семью, Хлоя.

"Спасибо. Так приятно познакомиться».

Мы обмениваемся еще несколькими любезностями, пока Николай кормит меня клубникой, его рука собственнически обхватывает мою грудную клетку, и только когда Константин вешает трубку, я понимаю, что он никак не отреагировал на то, что меня держит

на коленях его брат. и накормил как ребенка. Не было ни дразнящей улыбки, ничего, что указывало бы на то, что он вообще знал об этом.

Как будто мы только что разговаривали с ИИ, а не с человеком, что, учитывая то, что я слышал об IQ и техническом гении Константина, вполне возможно.

Следующим идет Валерий, и вайб, который я получаю от него, совершенно другой. Если возможно, младший брат Николая еще больше похож на своего близнеца, вернее, на его клона, учитывая четырехлетнюю разницу в возрасте между ними. Но на этом сходство заканчивается. В Валери есть что-то холодное и расчетливое. Улыбка на его чувственных губах не достигает его глаз, которые сканируют мое лицо с тревожным отсутствием эмоций.

Кукловод — вот кого он мне напоминает, понимаю я, когда он поздравляет нас холодным, ровным тоном, его глубокий голос такой же без акцента, как и у его братьев.

Как и в случае с Константином, наш с ним разговор короткий, простая встреча. В конце концов, я понятия не имею, что он думает обо мне или о нашей поспешной свадьбе — или о чем-то еще в этом отношении.

— Твои братья... интересные, — говорю я Николаю, когда мы отключаемся. — Вы были близки в детстве?

Он подносит еще одну клубнику к моим губам. "Не совсем." Прежде чем я успеваю попросить его уточнить, он запихивает сладкую ягоду мне в рот, затем берет бокал с шампанским и протягивает мне.

Я глотаю ягоду и делаю глоток шипучего, слегка сладковатого напитка, а Николай берет еще один бокал шампанского и ждет, пока все взгляды не устремятся на нас.

«Моей прекрасной невесте», — говорит он, пригвоздив меня своим пристальным тигриным взглядом. «Зайчик... Я очень счастлив, что ты есть в моей жизни, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы обеспечить *твое* счастье».

И снова я слышу невысказанное «даже если вы возражаете».

34

Николай

Еще два тоста от Павла и Людмилы, и ужин окончен. Подхватив Хлою на руки, я несу ее наверх, в свою спальню.

Нет, *наша* спальня. Теперь, когда она моя жена, она будет спать у меня на руках каждую ночь.

Мое сердце тяжело стучит, когда я толкаю дверь плечом и вношу ее внутрь, где осторожно ставлю ее на ноги перед кроватью. Она слегка покачивается и хихикает; ясно, что все это вино и шампанское ударили ей в голову.

У меня тоже голова затуманена, но не от алкоголя. Это похоть запутывает мои мысли и наполняет мои вены медленно текущей лавой. Продолжительное празднование стало еще одним испытанием на самообладание, которое я с трудом прошел.

Я хотел схватить Хлою и унести ее в постель сразу после того, как мы произнесли наши клятвы, чтобы скрепить нашу связь самым простым способом. Единственная причина, по которой я сопротивлялся, заключалась в воспоминаниях.

Когда мы старые и седые, хочется оглянуться на фото и видео и вспомнить каждую деталь этого дня.

Хлоя снова качается, по-совиному моргая, и я хватаю ее за плечи, чтобы она не упала. Затем, не обращая внимания на сворачивающийся во мне голод, я смотрю на нее,

запечатлевая каждую черту лица, каждую ресничку в своем сознании. Потому что фото и видео будет недостаточно. Я хочу запомнить все ощущения, от шелковистой теплоты ее кожи до шампанско-клубничной сладости ее дыхания.

Моя невеста.

Моя жена.

Никогда еще два слова не казались такими правильными, такими удовлетворительными.

Она особенно красива сегодня, в этом белом воздушном платье, от которого у меня чешутся руки сорвать его с нее, обнажая еще больше ее великолепной сияющей кожи. Ее волосы с золотыми прядями уложены в искусную прическу, пухлые губы окрашены в насыщенный ягодный цвет, карие глаза стали еще больше и мягче благодаря дымчатому макияжу. Но все, о чем я могу думать, это то, как сильно я хочу увидеть ее с обнаженным и одутловатым от сна лицом, с волосами, спутавшимися с моих пальцев.

Я хочу увидеть, как она проснется в моих объятиях завтра утром и каждое утро до конца нашей жизни.

Не обращая внимания на желание, обжигающее мои внутренности, я обхватываю ее щеку и наклоняю голову, втягивая ее свежий, свежий аромат в свои легкие, и целую нежную раковину ее уха. Как бы я ни жаждал ее, сегодня вечером я буду нежным, компенсируя свою свирепость прошлой ночью.

Чего бы мне это ни стоило, я сделаю в нашу брачную ночь все, о чем когда-либо мечтал мой зайчик.

35

Хлоя

Я ожидаю, что Николай набросится на меня так же свирепо, как обычно, но он мучительно нежен, медленно расстегивая платье и прижимая мягкие, теплые поцелуи к моей шее и горлу, пока все предвкушающее напряжение не покидает мое тело, оставляя за собой теплую усталость. К тому времени, как я раздеваюсь, кажется, что даже мои кости расплавились, даже несмотря на то, что внутри меня накапливается другое напряжение, мое тело нагревается изнутри.

Уложив меня на матрас, он отступает, чтобы раздеться, и я с учащенным сердцебиением наблюдаю, как он снимает свой черный смокинг и галстук-бабочку. Внизу на нем серебристый жилет поверх крахмаленной белой рубашки, оба обнимают его мускулистое, широкоплечее тело так, что не оставляет сомнений, что они были созданы специально для него.

Он быстро избавляется от обоих предметов, а затем от штанов и трусов. В отличие от моего платья, в его движениях есть резкие, нетерпеливые качества, которые заставляют меня понять, что он не так хорошо себя контролирует, как кажется. Его эрекция, твердая и массивная, изгибается к выпуклому животу, выдавая его голод ко мне.

Тем не менее, когда он забирается на кровать, он так же осторожен и нежен, поднимая одну мою ногу, чтобы поцеловать ее в вершину свода, прежде чем двигаться выше вверх по моей ноге. У меня перехватывает дыхание, когда его рот приближается к букве V между моими бедрами, но он пропускает ее, вместо этого целует и лаская нижнюю часть живота, затем вздымающуюся грудную клетку и грудь.

Мягко освещенная комната вращается вокруг меня, потолок становится расплывчатым в моем поле зрения, когда он вцепляется в мой левый сосок, любовно лаская его языком,

прежде чем переключить свое внимание на другую грудь, когда я стону, мои руки падают на прохладный шелк его груди. волосы. Я знаю, это из-за алкоголя, но я чувствую, что парю в пространстве, привязанная только к влажному теплу его рта на моей груди и нежным поглаживаниям его мозолистых рук по моей горячей коже.

Наша брачная ночь.

Это кажется таким же сюрреалистичным, как и звучит.

Мои глаза закрываются, когда губы Николая двигаются выше, целуя мою ключицу и шею, прежде чем прикоснуться к моим губам в глубоком, сладком поцелуе. Этот поцелуй как наркотик, сильнейший афродизиак. Его чувственный аромат наполняет мои ноздри, смешиваясь со слабым ароматом водки в его дыхании, и мое возбуждение растет, когда его язык гладит и ласкает уголки моего рта, нежно и ловко пожирая меня.

Продолжая целовать меня, он просовывает руку между нашими телами, чтобы найти мой ноющий клитор, и я стону ему в рот, когда его пальцы нажимают как раз на нужное место, то самое, которое усиливает боль, усиливая растущее внутри меня напряжение. Напряжение, которое быстро становится невыносимым, когда его пальцы начинают раздражающе неровный ритм трения, а его губы возвращаются к моей шее, где влажное тепло его дыхания посылает удовольствие по моей руке.

Я так возбуждена, что могу взорваться, но оргазм все еще недостижим.

Задыхаясь, я отталкиваюсь от его руки, отчаянно нуждаясь в более плавном и жестком ритме, и его зубы предупреждающе касаются моей мочки уха. — Нет, зайчик, — шепчет он, и я чувствую злобный изгиб его рта у своего горла. — Ты еще не готова.

Не готова? Я готова просить, умолять и продавать своего первенца. С каждым легким, кружащим движением его пальцев я все ближе подбираюсь к краю, но не могу перейти его, как ни стараюсь.

«Пожалуйста...» Я в отчаянии трясусь бедрами, зарываясь руками в его волосы. «Пожалуйста, мне нужно...»

Он неторопливо лижет нижнюю часть моего уха. "Что? Что тебе нужно?"

— Прийти, — выдыхаю я, снова отталкиваясь от его руки. — Пожалуйста, Николай, мне нужно прийти.

"Неправильный ответ." Его пальцы вообще перестают двигаться. Он слегка кусает меня за мочку уха и поднимает голову, его глаза мрачно блестят. «Скажи мне правду, зайчик. Что тебе нужно?"

— Ты, — шепчу я, глядя на него снизу вверх. "Ты мне нужен."

И это правда. Я не могу представить себя где-то еще, с кем-то еще, когда-либо. Он нужен мне не только для этого оргазма, но и для всего, что он есть, хорошего и плохого, возвышенного и ужасающего.

Должно быть, это правильный ответ, потому что он снова целует меня, и его пальцы возвращаются к моему клитору, возвращая меня к краю, к этому неуловимому, сводящему с ума пику экстаза. Но садист, каким бы он ни был, держит меня на этом пике, продлевая изысканные мучения до тех пор, пока я не задыхаюсь и не царапаю его спину. Тогда и только тогда, когда я готова закричать от отчаяния, он позволяет мне пройти.

Прилив удовольствия настолько силен, что в моем мозгу словно взрывается эндорфиновая бомба. Каждое окончание нерва в моем теле загорается от его мощной силы, мое зрение отключается, когда мои внутренние мышцы спазмируются. Ощущения настолько ошеломляющие, что я теряюсь в них, и к тому времени, когда я спускаюсь на землю, он уже

толкается в меня, его толстый член раздвигает мои нежные ткани. Его лицо напряжено, челюсть сжата от усилия сдерживания, и хотя он по-прежнему осторожен и мягок, я так устала от прошлой ночи, что не могу не морщиться.

Он останавливается, давая мне привыкнуть, отвлекая меня новыми глубокими, сладко-дурманящими поцелуями, и когда я дрожу от желания, мое тело становится влажным и податливым, он начинает толкать меня. Его темп сначала медленный, контролируемый, но когда я обхватываю ногами его мускулистую задницу, втягивая его глубже в себя, его контроль прерывается, и он берет меня со всей движущей силой своего твердого тела.

Я кончаю снова, выкрикивая его имя, когда он содрогается надо мной, и только когда он уходит несколько минут спустя, я понимаю, что он сдержал свое слово и надел презерватив. Презерватив он выбрасывает перед тем, как увести меня в ванную, где опускает меня в уже приготовленную ванну.

— Спасибо, — бормочу я, встречаясь с ним взглядом, когда он присоединяется ко мне в теплой, покрытой пузырьками воде, и он улыбается, выражение его тигриных глаз так болезненно нежно, что у меня сердце сжимается в груди.

— За что, зайчик?

Для тебя. Требуется все, чтобы сдержать эти слова, слова, которые слишком близки к признанию моих чувств. Вместо этого я кладу свою ладонь вдоль твердого контура его челюсти и прижимаюсь губами к его губам, выражая своим телом то, что не осмеливаюсь сказать вслух.

По крайней мере, еще нет.

36

Хлоя

Я просыпаюсь, все еще ощущая это теплое сияние, кайф, который усиливается, когда я открываю глаза и обнаруживаю, что он лежит рядом со мной, опершись на локоть, и смотрит на меня с нежной собственнической улыбкой.

— Доброе утро, — бормочу я, убирая волосы с лица и борясь с желанием протереть глаза ото сна.

Как долго он не спал и смотрел на меня вот так? Что еще более важно, насколько я в беспорядке этим утром? Я изо всех сил старалась снять макияж в ванне прошлой ночью, но я уверена, что вокруг моих глаз все еще размазаны следы теней и туши, как у енота, и мое дыхание не самое свежее после всего этого алкоголя.

Он не должен возражать, поскольку он наклоняется вперед и целует меня с таким жадным желанием, что я уверена, что он собирается трахнуть меня прямо здесь и сейчас. Но вместо этого он отстраняется и улыбается мне, прижимая мое лицо к своей большой ладони. «Доброе утро, Зайчик. Как ты себя чувствуешь?»

Как будто этот брак может быть не таким уж плохим. — Я в порядке, — говорю я, улыбаясь в ответ. Прошел всего день, а уже трудно вспомнить, почему я так испугалась, когда он сделал предложение. Как сказала Алина, это мечта каждой сказки: красивый, богатый муж, который без ума от тебя.

Конечно, Николай ближе к Князю Тьмы, чем к Прекрасному Принцу, но почти все ужасные вещи, которые он совершил или планировал сделать, были направлены на то, чтобы защитить меня.

Кроме части с его отцом.

Тревожные слова шепчутся у меня в голове, но я отталкиваю их. Я не хочу думать об этом сегодня утром. Я уверена, что всему есть разумное объяснение, и скоро я узнаю, что это такое.

А пока я хочу насладиться первым супружеским утром в моей жизни с мужчиной, который смотрит на меня так, будто я сделана из шоколада и звездного света.

И получаю от этого удовольствие. Мы вместе принимаем душ, действие, которое приводит к длительному, парному — буквально потому, что кабинка пропитана паром — занятию любовью, во время которого Николай вылизывает меня, как если бы я была его завтраком, и заставляет меня кончить три раза подряд, прежде чем прижать меня. Против стекла и трахал меня так сильно, что я кричала его имя.

Думаю, он решил, что взять меня прошлой ночью было достаточно, чтобы излечить мою болезненность, и он прав. Конечно, у меня немного болит после *этого* сеанса, но я так доволен, что оно того стоит.

После этого Николай решает, что нам нужен настоящий завтрак, поэтому Людмила приносит нам поднос с фруктами и остатками вчерашнего ужина, а также чаем и кофе, и мы кормим друг друга в постели. Вернее, Николай кормит меня, а я пытаюсь ответить взаимностью, только он выхватывает у меня вилку и целует до тех пор, пока я не забываю, что собиралась сделать. Немного меда также вступает в игру, и следующее, что я знаю, мне нужен еще один душ, и я определенно более больна.

Когда мы, наконец, выходим из спальни, уже почти время обеда, и когда мы направляемся к лестнице, Слава выбегает из своей комнаты, Людмила следует за ним по пятам.

«Мама Хлоя!» Его глаза тигренка сияют, когда он обхватывает мои ноги своими короткими ручками и крепко сжимает их, прежде чем переключить свое внимание на Николая. Обхватив его ноги, он смотрит на него. "Папа! Я скучаю по тебе и Хлое!»

При взгляде на лицо Николая я таю. Другого слова для этого нет. Вместо мышцы с функциями жизнеобеспечения мое сердце превращается в липкую лужицу, и все остальное следует его примеру.

Наклонившись, Николай поднимает сына и усаживает его себе на бедро с естественной легкостью. — Славочка... — Его голос напряжен, когда он вглядывается в лицо ребенка. — Мы тоже по тебе соскучились.

Глаза Людмилы встречаются с моими, и я вижу отражение своих чувств на ее обычно бесстрастном лице. Откашлявшись, она говорит с более сильным, чем обычно, акцентом: — Я пойду помогу Павлу, хорошо? и спешит вниз.

Мы идем за ней в неторопливом темпе, а Николай несет Славу на бедре, как маленького ребенка. Мальчик, кажется, рад быть там, и я не могу его винить.

Он пропустил это в течение первых четырех лет своей жизни.

Когда мы присоединяемся к Алине за столом, я не могу перестать улыбаться — и она это замечает.

"Веселая ночь?" — лукаво шепчет она мне, пока Николай наполняет Славину тарелку.

Я киваю, краснея, а она смеется, отчего Слава и Николай косо смотрят на нас.

Мое радостное настроение, должно быть, заразительно — иначе все останутся в праздничном настроении, — потому что обед проходит без какой-либо обычной напряженности между братьями и сестрами. Вместо этого Николай и Алина вместе

рассказывают мне забавные истории о России, обо всем, от того, как там относятся к американцам, до семейной традиции купаться зимой в замерзших озерах.

«Это ужасно», — восклицаю я, когда Алина описывает, как она чуть не лишилась пальца ноги из-за обморожения, когда шла босиком по льду, когда ей было семь лет. — О чем думали ваши родители?

Я понимаю свою ошибку, как только слова заканчиваются — меньше всего мне хочется напоминать им об их отце, — но, к моему облегчению, Алина и глазом не моргнула. — О, это не было идеей наших родителей. Наша бабушка была той, кто считал, что холод полезен для тела и души. И знаешь, что? Последняя наука подтверждает это. То же самое касается саун, еще одного основного продукта питания в России. Они, по-видимому, имитируют упражнения, а белки теплового шока, выделяемые во время этих сеансов потоотделения, делают все: от улучшения здоровья сердца до предотвращения рака. Поэтому, если вы хотите прожить долгую и здоровую жизнь, вам следует принимать ледяные ванны и сауны, а в идеале и то, и другое вместе».

«Нет, спасибо», — говорю я с содроганием, но Николай смеется и говорит, что этой зимой он предложит мне попробовать экстремальный режим.

«Мы заставим тебя пристраститься к этому, я обещаю», — добавляет он с улыбкой, когда я обдумываю поразительное осознание того, что я буду с ним этой зимой — и каждую вторую зиму в обозримом будущем.

Потому что это и есть брак.

Мы вместе до конца наших дней.

Эхо моей прежней паники возвращается, но я подавляю его. Я не позволю своим иррациональным страхам омрачить то, что обещает быть прекрасным совместным днем — надеюсь, первым из многих.

В конце концов, счастье — это выбор, и я бы предпочла быть счастливой в этом браке по принуждению.

37

Хлоя

Следующие несколько дней проходят так же идиллически. Хотя мы никуда не уехали, такое ощущение, что мы в медовом месяце. Мы занимаемся любовью несколько раз за ночь (а часто и днем), ложимся спать допоздна, завтракаем в постели, ходим на длительные прогулки и в походы, как сами, так и со Славой. Однажды к нам присоединяется и Алина, и мы вчетвером плаваем в ближайшем озере, где все трое русских высмеивают мое нежелание залезать в холодную родниковую воду.

Оказывается, Славе так же комфортно быть холодным, как и взрослым, что делает меня единственным слабаком.

Тем не менее, в конце концов я плаваю, и, пока я дрожу после этого, Николай согревает меня, растирая меня своими большими шероховатыми ладонями. Если бы мы были одни, он, несомненно, сделал бы больше, но, увы, даже он подводит черту, занимаясь любовью перед своими маленькими сыном и сестрой.

Впрочем, это единственное действие, где он подводит черту. Мы постоянно занимаемся КПК. У моего мужа нет стыда, когда он целует меня, массирует мне шею и плечи и притягивает к себе на колени всякий раз, когда приходит настроение. Как будто я домашнее животное, которого он любит обнимать. Я не могу сказать, что ненавижу это; на самом деле,

я не так уж и тайно упиваюсь его вниманием.

Было бы иначе, если бы кто-то в доме насмеялся над этим или иным образом заставлял меня чувствовать себя смущенным. Но никто этого не делает. Даже Алина, с ее случайными нежными поддразниваниями, считает само собой разумеющимся, что ее брат не может оторвать от меня рук, настолько, что мне приходится сомневаться, что это одна из тех легендарных черт «молотовцев».

Я бы спросила, но боюсь, что это может быть слишком близко к теме, которую я упускаю, к ответам, которые я говорил себе, что хочу, но не могу заставить себя потребовать. Просто так приятно не думать о тьме Николая и ужасающих вещах, на которые он способен. Я даже не осведомилась о Маше и о новом плане по захвату Брансфорда; каждый раз, когда я думаю о своем биологическом отце, мой пульс учащается, а желудок сжимается в жесткий тугий узел.

Завтра утром, я говорю себе каждый вечер. *Я поговорю об этом с Николаем утром первым делом*. Но утром я просыпаюсь в его объятиях, чувствуя тепло и безопасность, обожание и обожание, и я не могу заставить себя рисковать своим покоем, поэтому я говорю себе, что мы поговорим вечером.

Я знаю, что должно произойти что-то, что проткнет наш счастливый пузырь, но я не хочу, чтобы этим чем-то была я.

Мы продолжаем так еще три недели, в течение которых я наслаждаюсь вниманием, которое он щедро ко мне проявляет, упиваясь одновременно его нежностью и грубостью. Обе версии Николая — нежного любовника и свирепого дикаря — приводят меня в восторг, и это хорошо, потому что когда дело доходит до моего мужа, я никогда не могу предугадать, что мне достанется. В ту же ночь он может поклоняться моему телу, как если бы я была сделана из хрусталя, и трахать меня до тех пор, пока на следующий день я едва смогу ходить. Временами у меня возникает ощущение, что он хочет еще большего, что однажды он может подтолкнуть меня еще дальше, попытаться завладеть мной еще полнее, но, как и я, он не хочет делать ничего, чтобы вернуть какие-либо раздоры и напряжение в нашу жизнь. жизнь, заканчивая наш медовый месяц.

Вместо этого он осыпает меня подарками, от дорогих украшений до аксессуаров и одежды. Кажется, что в моем шкафу каждый день появляется новое платье, или пара туфель, или шарф, или *что* — *то еще*. Для меня это почти слишком дорого — многие серьги и браслеты, которыми я сейчас владею, стоят больше, чем дома некоторых людей, — но он настаивает на том, что ему доставляет удовольствие покупать мне вещи, поэтому я в конце концов перестаю возражать... потому что обладание этими вещами тоже доставляет мне удовольствие.

Я никогда не знала настоящей бедности, благодаря моей маме, работающей без перерыва, чтобы поддержать нас, но я также не могу вспомнить время в своей жизни, когда мне не приходилось считать каждую копейку и тщательно планировать все расходы. Большая часть моей детской одежды была куплена из вторых рук, а единственные украшения, которые у меня были, были дешевыми костюмными. Теперь мой гардероб похож на Saks Fifth Avenue на стероидах, и хотя это может показаться поверхностным с моей стороны, мне это нравится. Богатые люди знают, что делают, когда покупают все эти предметы роскоши — они действительно могут улучшить чью-то жизнь.

Также улучшают мою жизнь уроки русского языка, которые Николай начал давать мне

— с помощью Славы, конечно. Ребенок очень радуется, что я не умею произносить русские фразы, которые он так легко произносит, а Николай радуется совсем другому: заставляет меня говорить ему в постели слова любви и секса.

«Скажи: *«Я хочу тебя»*», — инструктирует он меня, держа меня на грани оргазма. И когда я повинуюсь, отчаянно нуждаясь в облегчении, он безжалостно приказывает: «Теперь скажи: *«Я люблю тебя»*».

Так я и делаю. Я говорю все, что он хочет от меня, включая такие грязные фразы, что я краснею, когда позже смотрю на них. Но грязный или чистый, мои знания русского языка растут день ото дня, что очень забавляет Алину и Людмилу, последняя из которых находит мое произношение совершенно смешным.

«Ты такой американец», — смеясь, говорит жена Павла, когда я пытаюсь попросить у нее *«завтрак»* — завтрак — на ее родном языке. «Зачем ты вообще пытаешься? Здесь все говорят по-английски, даже я».

Я бы обиделась, но она права. Даже ее английский, каким бы несовершенным он ни был, в тысячу раз лучше моего русского. Я предложила дать ей несколько уроков, чтобы улучшить его, но она пока не приняла меня к этому — потому что, по словам Алины, она надеется вернуться в Россию и не нуждаться в этом.

«Она очень скучает по Москве, — говорит она мне. «Ей здесь скучно, нечего делать и не с кем видаться»».

Я могу сочувствовать этому. Несмотря на всю окружающую нас современную роскошь и природную красоту, комплекс представляет собой своего рода тюрьму, или, говоря более позитивно, убежище от мира. Я тоже скучаю по своим друзьям и часто просматриваю социальные сети, чтобы мельком увидеть их жизнь после окончания учебы. Я так сильно хочу связаться с ними, ответить на все их сообщения с вопросами, где я нахожусь, почему я не размещал сообщения в своих профилях несколько месяцев, но я не осмеливаюсь сделать это на случай, если это каким-то образом приведет Брэнсфорда ко мне, к этот комплекс и моя новая семья.

Я не могу подвергать их опасности, даже для того, чтобы развеять беспокойство моих друзей обо мне.

Особенно мне было бы ужасно, если бы я сделал что-нибудь, что подвергло бы Славу опасности. С каждым днем моя привязанность к сыну Николая растет, и я чувствую себя все более комфортно в роли его мамы. Вместо того, чтобы Алина или Людмила купали его и укладывали спать, мы с Николаем теперь часто делаем это вместе, рассказывая ему истории о супергероях и читая его любимые книги, пока он не заснет.

Мы втроем становимся настоящей семьей, и это знание наполняет меня нежной теплотой, довольством, которое не должно быть возможным с таким опасным, переменчивым человеком, как Николай.

Не то чтобы все идеально, конечно. Во-первых, мы двое расходимся во мнениях, когда дело доходит до того, что следует позволять делать не совсем пятилетнему ребенку. Как оказалось, Николай и его братья — и в меньшей степени Алина — были беспризорными детьми, которым разрешалось и даже поощрялось играть на улице самостоятельно и в целом быть опасно независимыми. Так что, хотя я впадаю в панику каждый раз, когда вижу нож для стейка в руке Славы или обнаруживаю, что он карабкается на дерево выше шести футов, Николай раздражающе спокоен в таких вещах.

— Тебя не волнует, что он может упасть и сломать себе все кости? — с досадой

спрашиваю я, когда мы идем в поход, и он позволяет Славе вскарабкаться на старый дуб, пока его крошечная фигурка едва видна сквозь листву. — Или, что еще хуже, упасть ему на голову и сломать шею?

"Конечно, я делаю." Его золотые глаза угрожающе прищурились. — Ты думаешь, я не беспокоюсь обо всех ужасных вещах, которые могут случиться с ним в любой день? Лестницы, с которых он может скатиться, болезни, которые он может подхватить, ядовитые ягоды, которые он может найти и съесть? Иногда это все, о чем я могу думать, настолько, что я убежден, что схожу с ума. Но точно так же, как мы не можем быть рядом, чтобы держать его за руку каждый раз, когда он поднимается по лестнице, мы не можем ожидать, что будем рядом с каждым деревом, с которым он столкнется, или с каждым ножом, который попадет к нему на пути на протяжении всей его жизни. На самом деле, нет никакой гарантии, что мы будем рядом с ним завтра. Жизнь может быть непредсказуемой и жестокой, и чем лучше он подготовлен к встрече с ней, тем выше шансы, что он выживет».

— Но он еще ребенок. Вы должны научить его, *как выжить*».

«Я учу его, позволяя ему сталкиваться с таким количеством опасностей в одиночку, как только он может. Дети его возраста не глупы; они достаточно упали, чтобы знать, что это больно. Он бы не забрался так высоко, если бы не чувствовал себя в безопасности в своей силе, а единственный способ расти и испытывать эту силу — бросить вызов самому себе, когда это важно... когда под ним нет резинового коврика. Кроме того, — добавляет он, когда я собираюсь начать спор, — я слежу за *ним*. Если он начнет падать, я его поймаю.

Тогда я заткнулся, потому что, скорее всего, он это сделает. У человека рефлекс кошки. На днях я случайно локтем сбила со стола стакан с водой, и Николай поймал его в воздухе, не прерывая разговора. В другой раз я споткнулся об одну из деталей Славы LEGO и врезался бы мне в лицо, но Николай обнял меня до того, как я упала на пол, хотя он был в другом конце комнаты секундой раньше.

Если бы я не знала лучше, я бы подумала, что он был одним из супергероев комиксов Славы или, что более вероятно, суперзлодеями.

Этот ярлык подходит ему как нельзя лучше.

Позже той же ночью, когда мы входим в нашу спальню, мне приходит в голову кое-что в связи с нашим предыдущим разговором.

«Если ты так полон решимости взрастить независимость Славы, почему ты так полон решимости оградить *меня* от любой опасности?» — спрашиваю я, садясь на кровать и наблюдая, как Николай снимает пиджак и галстук. Мы все еще примеряем официальные наряды за ужином, и я должен признать, что мне это нравится. Мало того, что я ношу великолепные платья каждый день, мой муж невероятно красив в тех строго сшитых костюмах, которые ему нравятся.

Как будто мы переключаемся между двумя сферами: дневной, где мы идем в поход по пустыне и пачкаемся, и вечерней, где царят гламур и блеск.

— Потому что ты не ребенок, и тебя не так воспитали, как я воспитываю Славу, — ровно отвечает Николай, расстегивая запонки. — Твоя мама, какой бы замечательной она ни была, не подготовила тебя к борьбе с убийцами, зайчиками... или такими мужчинами, как я.

Я тяжело сглатываю, моя кровь нагревается, когда он скользит взглядом по моему все еще полностью одетому телу. С тех пор, как мы поженились, я стала лучше читать сексуальные настроения Николая и понимать, какая ночь мне предстоит. И сегодняшний

вечер обещает быть одним из наших самых диких, тех, когда я никогда не уверен, как далеко он пойдет.

Когда я чувствую в нем тьму, чувствую, как она поднимается близко к поверхности.

Не то чтобы я его боюсь. Не совсем. Я знаю, что он не причинит мне вреда, по крайней мере, никоим образом. Просто иногда у меня возникает ощущение, что ему недостаточно того, что у нас есть, что его ненасытный голод по мне остается неудовлетворенным.

Временами мне кажется, что он хочет поглотить меня, всю меня, и ничего меньшего не получится.

Он снимает рубашку, обнажая красиво очерченные мускулы, и подходит ко мне, его движения снова напоминают плавный, убийственно грациозный рыскание большой кошки.

Может быть, он *был* тигром в прошлой жизни.

Может быть, я была его добычей.

Инстинктивно я откидываюсь назад на кровати, и его губы зловеще изгибаются. Как всегда, он знает, что я думаю и чувствую, и ему нравится то, что я чувствую сейчас.

Ему нравится заставлять меня немного нервничать.

Двигаясь с той же хищной неторопливостью, он взбирается на кровать и надо мной, толкая меня на землю, прежде чем схватить мои запястья и прижать их над головой одной рукой.

У меня пересохло во рту от взгляда его глаз, от темной напряженности в них. Я облизываю губы, и его взгляд следует за моим языком, его лицо напрягается. Когда его глаза снова встречаются с моими, они полны такого обжигающего жара, что мне кажется, что я могу сгореть на месте. Мое сердце бешено колотится, моя кожа вся краснеет, когда он опускает голову и громко вдыхает, словно жадный до запаха моих волос.

— Гм, Николай... — я извиваюсь под ним, мой пульс учащается, когда я чувствую, как выпуклость давит на мои бедра. Даже несмотря на то, что нас разделяют слои его штанов и моего платья, я чувствую, насколько горяча и тверда его эрекция, насколько она массивна. Я снова сглатываю. — Когда ты сказал «мужчинам вроде меня», что именно вы имели в виду?

Его губы касаются моего уха, жар его дыхания заставляет меня дрожать, когда он шепчет: «О, мой милая, любопытный зайчик... ты скоро узнаешь».

38

Хлоя

Дрожь пробегает по моему телу, и он поднимает голову, чтобы посмотреть на меня, и уголки его губ изгибаются в мрачной улыбке. Я почти чувствую, как он упивается моим трепетом, садистски продлевая ожидание.

Я пытаюсь пошевелить руками, вывернуться из его хватки, но это бесполезно. Его пальцы железными кандалами сковывают мои запястья, приковывая их над моей головой. Его улыбка становится глубже, золотой блеск в его глазах усиливается, когда я борюсь, и я знаю, что ему это тоже нравится, видя меня беспомощной в его объятиях.

Опустив голову, он делает еще один голодный вдох и, наконец, отпускает мои запястья. Прежде чем я успеваю вздохнуть с облегчением, он переворачивает меня на живот и, придерживая одной большой рукой, расстегивает молнию моего платья. Когда он открывается до самого копчика, он проводит теплой ладонью по моему голому позвоночнику, шероховатость его мозолей приятно царапает мою кожу.

— Я когда-нибудь говорил тебе, как сильно люблю твою спину? Мягкий темный тембр

его голоса успокаивает, но нервирует. «Такая подтянутая и грациозная, как у балерины. Но моя любимая часть в тебе — это задница. Его ладонь скользит по моей щеке и слегка сжимает. «Такая тугая, круглая и идеальная... такая трахательная».

Мое сердце снова подпрыгивает, когда он поднимает меня в сидячее положение и прислоняет спиной к своей груди, обхватывая одной мощной рукой мою грудную клетку, чтобы удерживать меня на месте, пока он стягивает платье вниз по моему телу. Он обращается со мной, как с куклой в человеческий рост, и в этом есть что-то извращенно эротичное, что-то, что привлекает ту часть меня, о которой я стараюсь не думать... ту, которую не отталкивает темнота внутри него, а тянет к ней.

На мне нет лифчика, и, когда он стягивает платье до моей талии, моя обнаженная грудь вырывается наружу, растекаясь по его предплечью, мои соски уже набухли и болят. В его груди раздается низкое рычание, и он сгибает меня обратно через свою руку так, как он любит делать, заставляя меня чувствовать себя человеческой жертвой, подношением свирепому, изначальному богу.

Его горячий, влажный рот смыкается вокруг моего соска, и я задыхаюсь, хватая его за голову, пока он кусает, посылая огонь прямо в мой клитор. Мои нервные окончания бунтуют в замешательстве, боль и удовольствие смешиваются, пока я не отчаянно хочу большего. И он доставляет больше, повторяя лечение с другой моей грудью, чередуя сосание соска с зубами. К тому времени, как он поднимает голову, чтобы встретиться со мной взглядом, я задыхаюсь, стгорая от возбуждения.

Он нужен мне. Он мне чертовски нужен.

Забыв о своих страхах, я притягиваю его голову к себе, и наши губы сливаются в жестком, глубоко плотском поцелуе, наши языки переплетаются, когда я отвечаю на его неистовую потребность, отвечая на его поглаживание, покусывание на укус. Мне все равно, что он сделает со мной сегодня вечером, пока я могу получить больше этого темного, головокружительного удовольствия, больше того, чего я жажду.

Мы оба прерывисто дышим, когда он прерывает поцелуй и укладывает меня на пол, чтобы платье спустилось по бедрам. Оно отказывается сниматься легко, поэтому он разрывает его по швам, слишком нетерпеливый, чтобы заботиться о том, чтобы испортить еще одно дорогое платье. И мне все равно, не с быстро нарастающим во мне напряжением, не когда каждая частичка меня горит для него.

Когда я одета только в стринги, он переворачивает меня обратно на живот и запихивает две подушки под бедра, прежде чем спустить лоскуток ткани вниз по моим ногам. Затем он тянется вправо, и я слышу, как открывается ящик.

Мой трепет возвращается, ненадолго подавляя мое возбуждение. Я сильно подозреваю, что знаю, что он собирается сделать, и подтверждаю свою правоту, когда оглядываюсь через плечо и вижу бутылку со смазкой и маленькую анальную пробку в его руках. Тем не менее, мое сердце бешено колотится в горле, а грудная клетка сжимается вокруг легких. — Николай, я... — глотаю воздух. — Я никогда... то есть...

— Никогда не трахалась в задницу?

Мое лицо невыносимо пылает, его грязные слова еще больше выбивают меня из колеи. Каким-то образом мне удастся слегка кивнуть, и его губы изгибаются в первобытном мужском удовлетворении, когда он мягко говорит: «Хорошо», и брызгает прохладной смазкой между моими ягодицами.

Я задыхаюсь, инстинктивно сжимаясь, когда он прижимает пробку к моему отверстию,

и он опускает мою голову на кровать. — Расслабься, зайчик. Его голос — грубый бархат и темный жар. — Обещаю, тебе это понравится.

Я хочу возразить — тот раз, когда мой бывший парень пытался всунуть туда палец, я ненавидела каждую секунду, — но это Николай, чье господство над моим телом пугающе тотальное. В его объятиях я теряю всякое чувство собственного достоинства, а тем более то небольшое здравомыслие, которое у меня еще есть. Поэтому я молчу и делаю все возможное, чтобы дышать через нос, когда заостренный резиновый кончик пробки вдавливается, проталкивая тугое кольцо моего сфинктера.

Медленно он скользит глубже, и я подавляю стон на матрасе, переполненный странными ощущениями. Как и в тот раз, есть почти тошнотворная полнота, ощущение растяжения и проникновения, вторжения неестественным, неудобным образом. Но есть и нечто большее, своеобразное давление, от которого учащается мой пульс и сжимается внутренности — ощущение, которое усиливается по мере того, как Николай наклоняется надо мной, прикрывая меня своим большим твердым телом, окутывая своим чувственным мужским ароматом.

Его дыхание согревает мое ухо, когда он целует чувствительный изгиб моей шеи, посылая мурашки удовольствия по моей руке. В то же время он просовывает одну руку мне под живот и находит мой клитор, начиная медленно трахать меня игрушкой. Тут же давление усиливается, трансформируясь в эротическое напряжение, темное, горячее удовольствие, которое сталкивается с дискомфортом и как-то вырастает из него. Его пальцы на моем клиторе, игрушка в моей заднице, его губы на моей шее — это сенсорная перегрузка, качели удовольствия и боли, которые качаются вперед и назад, с каждым разом поднимаясь все выше.

С приглушенным криком я выхожу из себя, вздрагивая и дрожа, но он еще не закончил со мной. Вытаскивая игрушку из моей задницы с скользким *хлопком*, он проникает в меня сначала одним пальцем, затем двумя вместе, жгучее растяжение только терпимо из-за злой магии, которую его другая рука творит на моем клиторе. Больно, жжет, но боль снова сменяется могучим наслаждением, каким-то особенным образом усиливая его. Тяжело дыша, я снова испытываю оргазм, моя задница сжимает его большие пальцы с грубыми краями, мое зрение покрывается черными и белыми пятнами, когда из моего горла вырывается судорожный крик.

Прежде чем я успеваю прийти в себя, он вытаскивает пальцы из моего все еще дергающегося тела, и вместо этого я чувствую широкую, гладкую головку его члена у своего отверстия. Я напрягаюсь, мой пульс снова учащается, и он успокаивающе проводит рукой по моему позвоночнику.

«Выдохни, зайчик. Ты можешь взять меня». Слова — мягкий, глубокий шепот, такой же утешительный, как нежное поглаживание моей спины. Но в тот момент, когда он сжимает мои бедра и давит на тугое кольцо мышц, качели качаются до боли, и я знаю, что он неправ.

Я не могу этого сделать.

Он слишком большой для меня.

«Николай, пожалуйста, ...» Я задыхаюсь, мольба застревает у меня в горле, когда мой сфинктер поддается давлению, и массивная головка его члена высовывается. Весь воздух со свистом вырывается из моих легких, мое зрение становится полностью черным на мгновение. головокружительный момент. Он такой большой и толстый, что мне кажется, будто меня разрывают на части, и пока он медленно входит в меня своим членом, я уверена,

что упаду в обморок.

Но я не знаю. Вместо этого я чувствую каждый его длинный твердый дюйм, каждую частичку мучительно осторожного вторжения. Мой желудок скручивает и бурлит, кожа становится липкой от холодного пота, но я не могу подобрать слова, чтобы положить этому конец, мой мозг так же перегружен, как и тело.

Не помогает и то, что он снова склоняется надо мной, целует в шею и шепчет мне на ухо успокаивающие нежности, его ровный голос хрипит от желания. И не то, что его умелые пальцы снова играют с моим клитором, вызывая ощущения, которые не могут — не должны — сосуществовать с такой болью. Это не совсем удовольствие, но что-то вроде этого, смесь агонии и экстаза, которая заводит меня заново, вырывая из моего тела мучительную кульминацию.

Тогда я теряю сознание, по крайней мере на мгновение, потому что следующее, что я замечаю, это то, как он плавно скользит в мою задницу и выходит из нее, каждый толчок вызывает собственное ощущение, качели еще раз качаются взад и вперед, мощно создавая эротическое напряжение. Мое тело наполняется жаром, мое сердце бушует в грудной клетке, и когда я кончаю в четвертый раз с рваным криком, он стонет и содрогается надо мной, теплые струи спермы омывают мои воспаленные внутренности.

Потрясенная и разбитая, я лежу там, слишком слабая, чтобы пошевелиться, когда он отстраняется от меня и встает с кровати, возвращаясь через минуту с теплым мокрым полотенцем. Он очищает меня, затем переворачивает и сажает к себе на колени. Я с силой открываю свои тяжелые веки, чтобы найти его тигровые глаза на моем лице, изучающие меня с характерной для него напряженностью.

Нежно, благоговейно он обхватывает меня за щеку, его голос грубый, когда он бормочет: «Знаешь, я никогда не отпущу тебя. Даже если ты умоляешь.

Я удерживаю его взгляд. "Я знаю."

— Ты ненавидишь меня за это?

Я должен. Каким бы прекрасным ни был этот медовый месяц, правда в том, что он заставил меня выйти замуж, лишил меня свободы, моего выбора. Почти во всех отношениях, что имеет значение, я его пленница, отданная на милость его темных прихотей и страстей. Но ложь не сходит с моих губ. Вместо этого я говорю ему правду. "Я тебя люблю."

Потому что я делаю. Как бы это ни было неправильно, я люблю этого прекрасного, ужасающего, сложного человека. Я люблю его, хотя и боюсь его безжалостной одержимости мной.

Я знаю, что при ярком свете завтрашнего дня я пожалею об этом признании, что сочту его ошибкой. Однако прямо сейчас, в этой мягко освещенной комнате, когда его сильные руки обнимают меня, а мое тело все еще пульсирует отголосками агонии и экстаза, через которые он заставил меня пройти, это не кажется ошибкой, особенно с учетом того, что расцветает нежная улыбка. на его лице самая красивая вещь, которую я когда-либо видел.

— А я люблю тебя, зайчик, — мягко говорит он. "Я всегда буду."

39

Николай

Я просыпаюсь с маленьким телом Хлои в моих руках, и мой мозг полыхает от счастья. Сияющий, раскаленный вид, который ощущается таким же мерцающим и мимолетным, как горящий фитиль свечи.

Как и всю последнюю неделю с тех пор, как мы признались в своих чувствах, я впитываю ее ощущение, ощущение ее теплой кожи, прижимающейся к моей, ее нежных изгибов, тянущихся к твердым плоскостям моего тела, ее дыхания, обдувающего мое предплечье. И, как и всю последнюю неделю, я борюсь с желанием разбудить ее и снова потребовать от нее слов, чтобы услышать ее мягкий, хриплый голос, говорящий мне, что она любит меня.

Достаточно того, что я заставляю ее говорить это мне каждую ночь, каждый раз, когда я ее беру.

Зарывшись лицом в ее волосы, я вдыхаю ее аромат, сладкую свежесть цветов, оттененную согретой сном женской кожей. И, как и последние два месяца, я борюсь с приступом мучительного страха.

Страх, что я потеряю ее. Что фитиль сгорит, не оставив ничего, кроме пепла.

Это иррационально, нелогично, но я ничего не могу поделать. Я думал, что если вытянуть из нее слова, то смогу обуздать этот страх, позволив мне прожить день спокойно и уверенно, зная, что она моя, но, во всяком случае, тревога стала сильнее, всепроникающей. Иногда только об этом и думаю: как хрупко это счастье, как иллюзорно.

Ведь в начале моя мать тоже любила моего отца. Когда-то они тоже знали счастье.

Я стараюсь не думать об этом, о том, как у них все развалилось, но бывают моменты, когда я смотрю на Хлою и вижу лицо своей матери. Небодрая и здоровая, как в детстве, а осунувшаяся и бледная, глубоко несчастная — такой вид у нее был в последние годы жизни.

Отчасти дело в том, что я до сих пор не рассказал Хлое о том, что произошло той зимней ночью, а она не спросила. Несмотря на то, что она поставила это условием нашей свадьбы, она, похоже, не хочет слушать всю историю. Я думаю, это потому, что она боится правды, боится узнать, за какого ужасного монстра она вышла замуж. Так что она уклоняется от темы, и я тоже.

Есть все шансы, что она возненавидит меня за то, что я сделал, что будет смотреть на меня с ужасом и отвращением.

Не помогает и то, что я осознаю, что держу Хлою, как пленную принцессу в высокой башне, полностью изолированную от всех и всего. Мы не покидаем территорию; мы никуда не ходим. Мы существуем в нашем собственном маленьком мире, где у нее нет другого выбора, кроме как быть моей. Это для ее безопасности, правда, но также и для моего спокойствия.

Если бы представилась возможность, сбежала бы она снова?

Если бы опасность для нее была устранена, захотела бы она уйти?

Я не знаю ответов, и вопросы мучают меня так сильно, что я стал еще более одержим следить за ней. Я знаю, что она не может уйти — и, учитывая, что Брэнсфорд охотится за ней, вероятно, не хочет уходить, — но я все еще чувствую себя обязанным знать ее местонахождение каждый момент, когда мы в разлуке. С этой целью я установила камеры в нашей спальне и во всех уголках дома, кроме комнаты сестры и личных покоев Павла и Людмилы, и проверяю видеотрансляцию на своем телефоне с бездумной частотой соцсети.

— На что ты всегда смотришь? — спрашивает Алина, заходя ко мне однажды в столовую, пока я жду, пока Хлоя закончит свой урок со Славой и спустится на обед. — Что-то происходит?

Я отложил телефон. «Всегда что-то происходит».

Это не ложь. Мало того, что Маша работает над тем, чтобы сблизиться с Брансфордом и

присылать мне ежедневные отчеты о своих успехах, у меня также есть люди, которые следят за Алексеем Леоновым. Он все еще здесь, в Штатах, последние несколько дней в Чикаго. Похоже, он здесь для деловых встреч, но я не могу не чувствовать себя неловко.

Чикаго гораздо ближе к Айдахо, к моему дому и моему сыну.

Алина задумчиво смотрит на меня. «Это дело Волкова? Константин упомянул, что интересовался инвестициями в свое ядерное предприятие».

"Это тоже." Я не удивлен, что она слышала об этом. Олигарх, который сделал себя сам, Александр Волков — один из самых богатых и самых опасных людей в России. Союз с ним был бы и выгодным, и рискованным, особенно учитывая его склонность к таким же безжалостным методам ведения бизнеса, как и наши.

Если по какой-либо причине дела пойдут плохо, у нас появится еще один могущественный враг, но если все пойдет хорошо, он может помочь ускорить процесс утверждения новой технологии, ускоряя ее внедрение во всем мире.

Алина вздыхает. «Я бы хотел, чтобы он туда не ходил, но Константин редко слушает. Может быть, ты поговоришь с ним — если, конечно, ты не считаешь, что связываться с Волковым — хорошая идея?»

Я пожимаю плечами и меняю тему. Правда в том, что Волков и потенциальное совместное предприятие находятся в самом конце списка моих забот, поэтому я согласен позволить Константину заниматься им. Наш гениальный брат временами может быть слишком интеллектуален для своего же блага, но он все же Молотов и, таким образом, вполне способен сам оценить риски.

Моими приоритетами в эти дни являются Слава и Хлоя, и я намерен сделать все возможное, чтобы сохранить и защитить их обоих.

В ту ночь сбывается один из моих худших страхов. Вскоре после полуночи дверь в нашу комнату распаивается, и вбегает Людмила, выкрикивая мое имя.

Я встаю и вооружен пистолетом, который держу под матрасом, прежде чем она успевает объяснить, и когда она это делает, я кладу пистолет и бросаюсь в наш шкаф.

"Что случилось?" — требует Хлоя, вбегая за мной, когда Людмила выбегает из комнаты. Увидев, что я одеваюсь, она тоже начинает одеваться. "Что она сказала?"

Поняв, что Людмила говорила по-русски, я быстро объясняю, что Слава заболел. «У него неконтролируемая рвота и высокая температура», — говорю я, торопливо накидывая рубашку. — Ему нужно срочно в больницу.

Глаза Хлои расширяются. "О, нет. Я иду с тобой».

— Блять, нет. Мой тон слишком резок, но мне все равно. Страх, острый и металлический, обволакивает мой язык. Мой сын болен. Так болен, что у меня нет другого выбора, кроме как рискнуть раскрыть его местонахождение. Последнее, что мне нужно, это то, что Хлоя тоже в опасности. — Ты останешься здесь, где безопасно.

Она моргает, глядя на меня. "Но-"

— Я позвоню тебе по дороге. Схватив ее за подбородок, я украдкой коротко и крепко целую, а потом бегу в комнату Славы, все мои мысли только о сыне и скорейшем способе доставить его в больницу.

"Больше кофе?" — спрашивает Алина, и я киваю, спрыгивая с барного стула и направляясь к кухонному окну. Снаружи крошечная тьма, из-за густых туч не видно даже полосы лунного света.

Сегодня ночью обещают ливень — нехорошо, учитывая скорость, с которой Николай, Павел и четверо охранников мчатся по извилистым горным дорогам на своих внедорожниках. Людмила поехала с ними помогать ухаживать за Славой, так что в доме остались только мы с Алиной.

Единственным, кому *запрещено* выходить из дома.

По словам Алины, Николай привел всех оставшихся охранников в состояние повышенной готовности, поэтому пятеро из них охраняют сам дом, а остальные патрулируют периметр комплекса на случай нападения.

— Какая атака? — спросила я, когда она мне это сказала. «Слава просто болен».

Она взглянула на меня, предполагая, что я наивный идиот. «Там больной, и есть больной — и мы не знаем, кто это».

— Ты думаешь, его могли *отравить* ?

«Мы не можем ничего исключать», — ответила она, заставив меня еще раз осознать, насколько отличается воспитание ее и ее братьев от моего.

В моем мире никто не стал бы умышленно причинять ребенку боль.

Я отворачиваюсь от окна и иду обратно к кухонной стойке. «Есть еще новости от Павла или Людмилы?»

"Нет." Алина протягивает мне чашку свежего кофе. Глаза у нее такие же усталые, как у меня, но макияж и платье безупречны — думаю, на всякий случай нас могут пригласить на вечеринку посреди ночи. «Я не думаю, что они уже добрались до больницы», — продолжает она, когда я делаю большой глоток кофе. «Людмила сказала, что напишет мне, когда они это сделают».

Горячая жидкость обжигает мне нёбо, но я все равно допиваю оставшуюся часть чашки, мазохистски наслаждаясь болью. Это мешает мне думать о самых ужасающих возможностях, таких как отравление Славы, чтобы выманить его и Николая из безопасного лагеря, или их машина, падающая со скалы на какой-то темной, мокрой от дождя дороге.

Что еще хуже, я даже не могу позвонить или написать Николаю, чтобы успокоиться, так как он забыл здесь свой телефон.

— Это так на него не похоже, — бормочу я, снова взглянув на устройство, которое принес с собой, найдя его в нашей спальне. — Он никогда ничего не забывает.

Алина мрачно кивает. "Я знаю. Я никогда не видела его таким обеспокоенным. Ну, кроме того раза с тобой.

Верно. Когда я сбежала, и ему пришлось спасти меня от убийц — инцидент, который теперь кажется прошлой жизнью.

Ставя пустую чашку, я возвращаюсь к окну, моя грудь стеснена, а желудок горит от нервов и избытка кофеина. Я никогда не чувствовала себя таким бесполезной и беспомощной — или таким заключенной. Хотя я с самого начала знал, что Николай не позволит мне покинуть территорию, это почему-то не осозналось до конца до сегодняшнего вечера, когда он наотрез отказался взять меня с собой.

Логически я понимаю, почему — ему не нужно беспокоиться обо мне так же, как о Славе, — но это не меняет того факта, что я не могу быть с двумя людьми, которые мне дороги больше всего... что я застрял здесь, не важно что.

— Я скоро вернусь, — говорит Алина и выскальзывает из кухни — видимо, в ванную. Я размышляю о том, не налить ли себе еще чашку кофе, пока жду, но решаю, что пока достаточно трех чашек. Вместо этого я беру телефон Николая и прокручиваю экран на случай, если он разблокирован.

Это не так, конечно. Мой одержимый безопасностью муж никогда не был бы настолько небрежен, чтобы оставить разблокированный телефон лежать без дела. Устройство требует либо отпечаток пальца, либо пароль, а у меня нет ни того, ни другого.

Вздыхнув, кладу телефон на прилавок и начинаю расхаживать. Это попытка в самом прямом смысле этого слова. Я так беспокоюсь о Славе и Николае, что чувствую себя физически больным, чувство, усугубляемое редкими отдаленными вспышками молнии и раскатами грома.

Шторм еще не добрался сюда, но, возможно, он уже там, где они.

Боже, а что, если они не доберутся до больницы вовремя? Ледяная игла пронзает мое сердце. *Что, если Слава так болен, что умрет?* Это мысль, которую я раньше себе не позволял, но теперь, когда она закралась, я не могу ее прогнать, и тошнотворная тревога распространяется, вытесняя воздух из моих легких.

Я должна быть там с ними.

Я должна быть в той машине.

«Ты должна быть в своей спальне, пытаешься немного отдохнуть», — тихо говорит Алина, и я оборачиваюсь, пораженный, обнаружив ее спиной на барном стуле.

Когда она вернулась? Кроме того, я говорил вслух?

Должно быть, так оно и было, потому что она смотрит на меня с усталым сочувствием, держа в руках очередную чашку кофе. Несмотря на то, что обычно она пьет чай, сегодня она, как и я, занимается настоящими вещами.

— Ты действительно думаешь, что на нас нападут? — спрашиваю я, игнорируя ее бессмысленное предложение. «И если да, то кем? Мой отец?»

Алина вздыхает и подпирает подбородок рукой. — Или один из наших врагов. Бог свидетель, их много, но ни Николай, ни Валерий ничего мне не говорят.

— А Константин знает? Судя по тому, что я узнала за последние несколько недель, у нее гораздо более близкие отношения с их старшим братом, техническим гением. Эти двое разговаривают минимум пару раз в неделю.

"Иногда. Когда он думает, это меня не расстроит. Ее красивый рот искривляется. «Он думает, что я такая хрупкая, что сломаюсь при малейшем намеке на плохие новости. Особенно все, что связано с... — Она останавливается. "Неважно. Дело в том, что я не совсем в теме».

Я тоже — и у меня нет оправдания головным болям Алины, которые, как сказал мне Николай, почти полностью связаны с ее психическим состоянием.

«У некоторых людей болит живот при стрессе, у нее болит голова. Плохие, — объяснил он, когда однажды она не пришла к обеду из-за мигрени. «Иногда они длятся несколько дней и становятся настолько болезненными, что ей приходится вырубаться целым коктейлем вызывающего привыкание дерьма. Надеюсь, это не будет одним из них».

К счастью, это было не так, и на следующий день Алина вернулась к своему обычному состоянию. Но я понимаю, почему Константин так беспокоится — я никогда не забуду, какой беспорядок в наркотическом опьянении она вела тем утром в моей комнате.

Если у Алины еще нет проблем с отпускаемыми по рецепту обезболивающими, она не

за горами.

«Как ты думаешь, ей может быть полезно что-то вроде реабилитации?» Я спросила Николая позже в тот же день. — Или хотя бы терапию?

«Она ненавидит психиатров и отказывается с ними разговаривать», — сказал он мне. «Что касается реабилитации, мы рассматривали ее, но неясно, действительно ли она зависима. Она употребляет наркотики спорадически, в основном во время дополнительного стресса. Он начинается с более частых головных болей, а затем развивается до тех пор, пока головные боли не перестают быть основной проблемой. Однако через некоторое время ей всегда удавалось прекратить прием таблеток, поэтому я разрешаю ей продолжать их принимать. Это единственный способ, с помощью которого она может избежать калечащей боли, когда она ударит».

— А как насчет горшка? — осторожно спросила я, не желая сдавать Алину на случай, если Николай не узнает о ее периодических сеансах курения с Людмилой. — Может быть, это тоже поможет?

Его рот скривился. "Конечно. Вот почему я ничего не говорю, когда она входит, пахнет, как в амстердамской кофейне.

Значит, он знал. Я не была удивлена. Он видит все, что здесь происходит, включая запутанные противоречия в моей голове.

Я люблю его. Я без проблем признаюсь в этом сейчас себе и ему. И он говорит, что любит меня. Этого должно быть достаточно, более чем достаточно, но это не так. Даже когда я лежу в его объятиях в лучах умопомрачительного секса, между нами необъяснимая дистанция, невысказанные слова и невысказанные страхи.

Думаю, это в основном моя вина. Во-первых, я до сих пор не могу заставить себя спросить о его отце. Каждый раз, когда появляется возможность, я струшу. Темнота в Николае как двусторонний магнит, притягивающий и отталкивающий меня одновременно. Я хочу узнать его полностью, понять его прошлое так же, как он понимает мое, но я боюсь углубиться в ту часть его личности, которую я видел в тот день в лесу, когда он расправлялся с убийцами.

Иногда, когда я просыпаюсь посреди ночи, прижимаясь к нему, я слышу крики измученного убийцы, и мне тоже хочется кричать.

Я также не могу забыть угрозу Николая накачать меня наркотиками, чтобы я вышла за него замуж. До этого не дошло, но я знаю, что дошло бы. Потому что для моего мужа любовь и обладание — одно и то же.

Он сделает все, чтобы заполучить меня.

Конечно, противоречивый беспорядок, которым я являюсь, я не всегда возражаю против его безжалостности. Иногда я рада, что он форсировал этот вопрос, перескакивая через нормальные этапы отношений в пользу брака. И определенно бывают моменты, когда я наслаждаюсь его темной стороной в постели — на самом деле, почти всегда, когда он раскрывает ее. Наша сексуальная жизнь так же ослепительна, как и разнообразна, и какой бы подавляющей ни была его жажда меня, я никогда не остаюсь неудовлетворенной до такой степени, что мне приходится задаваться вопросом, не со мной ли что-то не так... если потерять себя — это здорово. в его объятиях так полностью.

В объятиях человека, который во многом до сих пор является моим похитителем.

Плюхнувшись на барный стул рядом с Алиной, я хватаю телефон Николая и снова рассеянно провожу пальцем по экрану.

Да, вот оно, требование пароля.

Что бы ни. Я даже не знаю, почему я хочу взлезть в это. Что мне действительно нужно, так это поговорить с Николаем, но я уверен, что у него полно дел со Славой и прохождением этих сложных дорог.

— Почему ты продолжаешь это делать? — спрашивает Алина, когда я снова провожу пальцем по экрану. — Ты хочешь прочитать его сообщения или что-то в этом роде?

Я отталкиваю телефон. "Нет. Может быть. Я не знаю." Чего я хочу, так это того, чтобы Николай лежал в постели рядом со мной, а Слава крепко спал в коридоре, но ни то, ни другое сейчас невозможно.

«Попробуй 785418, — говорит Алина. На мой испуганный взгляд она объясняет: «У меня хорошая память на числа, и я видела, как Николай вставил ее пару недель назад. Хотя, возможно, он уже изменил его.

Мои пальцы уже летают по тачскрину. «Я в деле!» Я торжествующе улыбаюсь ей. «Мы в деле».

Затем меня поразили последствия.

Алина только что помогла мне серьезно вторгнуться в частную жизнь Николая.

Внезапно я не чувствую себя хорошо по этому поводу.

Она должна прочитать это на моем лице. «Он был приклеен к этой штуке всю последнюю неделю», — говорит она, и я слышу разочарование в ее голосе. «Он не сказал мне, почему, но это может иметь какое-то отношение к тому, что всех охранников поставили на красный код — и я не знаю, как ты, но если там есть конкретная угроза, я хочу знать, что это такое». является. Я устала от того, что меня держат в неведении».

В то время как я охотно держал себя в неведении в течение нескольких недель, опять же, даже не спрашивая о развитии наших планов относительно Брансфорда.

Мой дискомфорт превращается в стыд за мою трусость. Собравшись с духом, я передаю трубку Алине. "Здесь. Тебе лучше знать, где искать. Я извинюсь перед Николаем за вторжение в его частную жизнь, как только этот кризис закончится.

Она кивает, и я подбегаю к ней, пока ее пальцы с красными кончиками летят по экрану. Первое место, куда она идет, — это почтовый ящик, где она быстро просматривает строки темы, многие из которых на русском языке. Открывая одно сообщение, она просматривает его, слегка хмурясь, пересекая пространство между ее темными бровями, когда ее глаза бегают по русскому тексту.

"Что ж?" Я подсказываю, когда она закрывает письмо и возобновляет просмотр папки «Входящие». "Что-либо?"

Она поднимает взгляд от экрана и моргает, как будто забыла, что я здесь. "Не совсем." Однако голос у нее странный, напряженный и немного сдавленный. Как и улыбка, которую она направляет в мою сторону, добавляя: «Просто обычная чушь».

"Могу я?" Не дожидаясь ее ответа, я хватаю телефон и сам просматриваю тему письма. Однако мое неумение читать по-русски является серьезной помехой, поэтому я выхожу из почтового ящика и вместо этого проверяю тексты. Николай использует для этого приложение, которое я никогда не видел — зашифрованное, скорее всего, — и большинство этих сообщений также на русском языке.

Вот вам и моя грандиозная попытка взлома.

Я собираюсь положить телефон, когда мое внимание привлекает значок в левом верхнем углу экрана. Это одно из немногих приложений на этом телефоне, и его выгодное

расположение говорит мне, что Николай, должно быть, им часто пользуется.

Заинтригованная, я нажимаю на иконку — крошечный дом — и серия изображений или, скорее, видео заполняет экран. Каждый из них слишком мал, чтобы рассмотреть что-либо в деталях, поэтому я нажимаю на тот, где замечаю какое-то движение.

Алина смотрит на экран через мое плечо. "В том, что.."

— Эта кухня, да. На самом деле, я смотрю на нас двоих, сгорбившихся над телефоном. Нахмурившись, я смотрю на потолок и на шкафы. Судя по ракурсу видео, камеры находятся высоко и слева от нас, но, сколько бы я ни смотрел, я их не вижу.

Я закрываю кухонную ленту и увеличиваю другое изображение, потом все остальное по очереди.

Гостиная.

Столовая.

Терраса со стеклянными стенами.

Прачечная.

Коридор наверху.

Лестница.

Комната Славы.

Моя бывшая комната.

Мое сердце стучит быстрее, неприятная стесненность сдавливает мою грудь.

Конечно, вот она, наша спальня.

— Моя комната тоже там? — спрашивает Алина осторожно ровным тоном. Она, должно быть, тоже не знала о камерах, и, если подумать, всего минуту назад мне было жаль, что я вторглась в частную жизнь Николая.

Я возвращаюсь на главный экран приложения и внимательно изучаю коллекцию крошечных изображений камеры. «Не вижу», — говорю я Алине. — Вот, посмотри.

Она методично просматривает каждую ленту. «Ни одной из моей комнаты», — заключает она с облегчением. «Ни Павла и Людмилы. Что логично — наверное, Павел установил камеры. Он хорошо разбирается в технике безопасности.

«Установлено, когда?» Насколько я понимаю, это усовершенствованная версия видеоняни, которую Николай применил, когда решил разместить объявление о репетиторстве. Если так, то камеры были установлены либо незадолго до, либо вскоре после моего приезда, когда я был еще чужим и, следовательно, нельзя было доверять Славе. Хотя почему наша спальня, первоначально спальня Николая, тоже была подключена к проводам, остается загадкой...

«Похоже, приложение было установлено несколько месяцев назад», — говорит Алина, копаясь в настройках. «Но с тех пор было два обновления: одно в июле, сразу после твоего приезда, и другое, гораздо более масштабное, совсем недавно. Неделю назад. Ее глаза встречаются с моими. «Примерно в то же время я начал видеть Колю, приклеенного к этому экрану».

Также как раз в то время, когда я сказал ему, что люблю его.

Может быть, это все совпадения. Может быть, это не имеет никакого отношения ко мне, а связано с письмом, на которое так странно отреагировала Алина, но мои инстинкты говорят мне об обратном.

Камеры для меня. Смотреть на меня.

Одержимость моего мужа мной растет до ужаса, и поскольку я прятала голову в песок,

как страус, я до сих пор не знаю, на что он действительно способен.

41

Николай

«Только что пришли анализы», — сообщает мне врач, когда я возвращаюсь в палату Славы после короткого перерыва в ванной. «Отравление сальмонеллезом».

Мое дыхание вырывается из стиснутого горла, когда на меня накатывает волна облегчения. У Славы уже остановили рвоту и поставили ему капельницу, но до этого момента мы понятия не имели, что его так тошнит.

Сальмонелла.

Не какой-то экзотический дизайнерский яд, от которого может не быть лекарства.

Чертова сальмонелла.

Оборачиваюсь на Людмилу, которая имеет несчастье быть единственным человеком в комнате. — Вы позволяли ему прикасаться к сырому мясу или яйцам?

Она бледнеет. «Нет, клянусь! Он сегодня даже яиц не ел, если только... Ее глаза расширяются, и она прижимает руку ко рту. "О, нет."

"Какая? Выплюнь это».

— Тесто для печенья, — шепчет она, ее круглое лицо бледнеет. «Я думаю, что он, должно быть, пробовал сырое тесто для печенья. Павел готовил шоколадное печенье на ужин, а мы со Славой зашли за фруктами на перекус...

Блядь. Какая ужасная удача. Должно быть, было яйцо, в котором были бактерии, и, конечно же, Славе пришлось съесть это тесто для печенья. Оглядываясь назад, это должно было быть что-то вроде этого; Я лично проверял каждого охранника, и с учетом того, что наша охрана настолько строга, что шансы на то, что какой-нибудь убийца сможет пронести яд на территорию, были близки к нулю. Тем не менее, я не мог полностью исключить это — до тех пор, пока не появились эти тесты.

«Эти отравления случаются гораздо чаще, чем вы думаете, особенно среди пожилых и молодых людей», — вешивается доктор, угадывая суть моего разговора с Людмилой, несмотря на то, что он был на русском языке. «Сальмонелла общеизвестно устойчива, если находится внутри желтка. Вам придется варить яйцо более восьми минут, чтобы убедиться, что вы его все убили, и вряд ли кто-то так делает». Он вздыхает. «Вы не поверите, сколько людей попадает в отделение неотложной помощи после вашего стандартного омлета или скрэмбла — и я даже не говорю о солнышке, голландском соусе и прочем прочем. Это в значительной степени русская рулетка... без обид».

Я слишком взволнован, чтобы злиться. «Каковы следующие шаги?» Бросаю обеспокоенный взгляд на взрослую кровать, на которой спит Слава, его маленькое лицо бледное и осунувшееся от рвоты и поноса. Он уже выглядит лучше от всех жидкостей, но я до сих пор содрогаюсь при воспоминании о нашей безумной гонке сюда, во время которой я мог думать только о том, выживет он или нет.

«Обычно мы бы просто позволили болезни идти своим чередом, но у него жар, поэтому мы даем ему антибиотики на всякий случай. Учитывая это и жидкости, он должен скоро чувствовать себя значительно лучше. Однако я хотел бы оставить его для наблюдения еще на день или около того.

"Конечно." Если бы я знал, что это сальмонеллез, я бы организовала медицинскую бригаду, чтобы позаботиться о Славе дома, как я сделала о Хлое, но я был так напуган, что

мой сын был отравлен или подвергся воздействию какого-то экзотического нейротоксина. что я не мог рисковать, не имея под рукой нужных специалистов или оборудования. А сейчас, когда мы в больнице, нет смысла отцеплять Славу от всех машин и гнать обратно в шторм. Для скорейшего заживления ему нужно отдохнуть и позволить антибиотикам сделать свое дело.

Остается только надеяться, что Леоновы не пронюхают о нашем присутствии здесь или что к тому времени, когда они это сделают, нас уже не будет.

Доктор уходит, и раскаявшаяся Людмила тоже извиняется за то, что сходила в туалет. Мы вдвоем ждали у постели Славы, пока Павел и охранники патрулировали коридор. Не то чтобы я ожидал нападения в американской больнице — по крайней мере, теперь, когда я знаю, что моего сына не отравили намеренно. Комплексу, вероятно, тоже не угрожает большая опасность, хотя я не говорю охранникам переключаться с красного кода, пока мы не вернемся.

Я забыл свой чертов телефон, и хотя Людмила переписывалась с Алиной, и я знаю, что дома все в порядке, невозможность наблюдать за Хлоей через камеры меня очень беспокоит. Как будто кто-то завязал мне глаза или выколол глаза.

«Позвольте мне немного воспользоваться вашим телефоном», — говорю я Людмиле, когда она возвращается, и она передает его мне, прежде чем незаметно исчезнуть из комнаты.

Как только она уходит, я звоню сестре и прошу ее вызвать Хлою, если она еще не спит. Если я не увижу свой зайчик, то хотя бы услышу ее голос.

«Сначала расскажи, как Слава, — говорит Алина.

Я быстро сообщаю ей о его состоянии — Людмила уже сообщила ей о диагнозе сальмонеллез — и снова прошу соединить с Хлоей.

"Дай мне минуту." В голосе Алины есть своеобразная нота. Я надеюсь, что у нее не будет новой мигрени, хотя я не удивлюсь, если это произойдет, учитывая события ночи.

Я не склонен к головным болям, но в висках будто молотком стучат.

Я с нетерпением жду, когда Хлоя возьмет трубку. Я, наверное, должен был позвонить раньше, чем позволить Людмиле держать их в курсе ситуации, но мне нужно было сначала узнать, что происходит со Славой. Страх был подобен валуну на моей груди, но теперь я наконец могу дышать и говорить как разумный человек.

Час назад я был на грани того, чтобы разорвать горло медицинскому персоналу голыми зубами за их попытки заставить нас ждать своей очереди на госпитализацию.

К счастью, деньги говорят даже в этой глуши леса, поэтому, как только я сказал администратору скорой помощи, что сделаю пожертвование в миллион долларов их детскому отделению, если мой сын будет *немедленно вылечен*, все стало намного проще, и я не приходится прибегать к более крайним мерам — например, всадить пули в несколько более плотных голов.

— Николай, привет. Мягкий голос Хлои, словно теплое одеяло, укутывает меня, уменьшая стук в голове и снимая напряжение в шее и плечах. До этого момента я не осознавал, насколько плотно они сгруппировались.

Отвернувшись от кровати Славы, я подхожу к окну, чтобы не разбудить его. «Привет, Зайчик. Как дела?»

«Теперь лучше, когда я знаю, что ты и Слава в безопасности», — тихо говорит она, и я слышу небольшую прерывистость ее дыхания. «Я так волновалась из-за шторма и всего

остального».

Моя грудь сжимается от нежности. "У нас все в порядке. Мы сделали это." Понизив голос, я рассказываю ей все об этой ужасной поездке: как Славу тошнило все это время, и как нам пришлось десяток раз останавливаться, чтобы его вырвало и он пошел в ванную под проливным дождем. Как я все время желал быть тем, чьи внутренности выворачивают наизнанку, и как я боялся, что мы опоздаем в больницу.

— Я знал, что дети болеют, — отрывисто говорю я. — А я знал, что Слава может когда-нибудь что-нибудь подхватить, хоть он и силен и здоров. Чего я не знал, так это того, что это будет выглядеть так... как будто кто-то пилит мое сердце тупым ножом, разрезая его по одной клетке за раз».

"Конечно." Тон Хлои мягкий, мягко сочувствующий. «Родители всегда так себя чувствуют, когда с их детьми что-то не так. Однажды мама сказала мне, что не знала, что такое беспокойство, пока не родила меня, а потом она больше не знала, каково это — существовать без беспокойства».

Я пощипываю переносицу. "Большой. Просто здорово."

«Она также сказала мне, что ни на что не променяет роль моей мамы». Она делает паузу, а затем тихо спрашивает: «Не могли бы вы? Променять роль отца Славы на душевное спокойствие?»

— Блять, нет. Я смотрю на крошечную фигурку на кровати, и стесненное, неудобное чувство, которого я старался избежать вначале, снова вторгается в мою грудь. На этот раз, однако, я понимаю, что это беспокойство. Беспокойство и глубокая, всепоглощающая любовь. Во мне пробуждается любовь, отличная от навязчивой страсти Хлои, но не менее сильная.

Я бы убил за них обоих.

Я бы умер за них обоих.

Если бы я потерял хоть одну, я не знаю, как бы я поступил дальше.

— Так когда, по-твоему, ты вернешься домой? — спрашивает Хлоя, и, как и в случае с Алиной, я улавливаю странную интонацию в ее голосе. Точнее, не натянутость, а что-то не то.

— Мы должны вернуться до вечера, — говорю я, глядя на часы. Сейчас пять утра, почти утро, хотя на улице еще темно. — Зайчик... все в порядке?

Тон Хлои теперь заметно напряжен. "Конечно. Почему бы и нет?"

"Кому ты рассказываешь. Что-то не так?"

"Нет, ничего. Просто... приезжай домой, и мы поговорим.

"Разговаривать? Как насчет? Что-то случилось, пока меня не было?"

"Нет, конечно нет." Она делает вдох. "Это отлично. Всё хорошо. Просто устал не спать всю ночь, вот и все.

Она врёт. Я уверен, что она лжет, и собираюсь потребовать от нее ответов, когда Павел входит в комнату.

«Маша говорит по телефону», — коротко говорит он, протягивая мне свой аппарат. «Операция, наконец, началась. Он придет к ней через пятнадцать минут.

Блядь. «Зайчик, мне пора. Поспи немного, и я позвоню тебе сегодня позже, хорошо?»

Не дожидаясь ответа Хлои, я вешаю трубку и подношу телефон Павла к уху. — Ты все камеры настроил? А прямая трансляция?

Голос Маши такой же яркий, как и прежде. "Конечно."

«Отправьте запись Константину для редактирования, а для прямого эфира направьте на этот телефон. У меня нет с собой моего».

"Без проблем. А теперь о плане Б..."

«Просто сосредоточься на плане А». Мне нужно, чтобы Брансфорд был скомпрометирован, а не мертв, как я договорился с Хлоей.

Маша раздраженно вздыхает. «Конечно, буду. Но если что-то пойдет не так, и я не смогу его сдержать, ты все равно хочешь, чтобы я его устранил сегодня, верно? Я больше не смогу подойти так близко».

Я потираю левую бровь, за которой снова работают черепные молотки. Актив Валерии был кристально ясным в отношении того, что она будет и не будет делать на этой работе, и хотя она не против того, чтобы Брансфорд немного поиздевался над ней ради убедительного видео, она не позволит ему трахнуть ее.

— Просто сделай все возможное, чтобы до этого не дошло, — наконец говорю я. «И если вам нужно перейти к плану Б, используйте наркотик».

Хотя будет трудно объяснить Хлое смерть Брансфорда, я сделаю все возможное, чтобы защитить ее.

Даже поменяй свое слово ей.

42

Хлоя

Я просыпаюсь с пересохшим ртом и глазами с таким песком, как будто они набиты песком. Моргая от яркого света, заполняющего комнату, я смотрю на часы и резко выпрямляюсь на кровати.

Пять часов дня.

Какого хрена?

Прежде чем я успеваю собраться с мыслями, раздается тихий стук в дверь спальни, и Алина просовывает голову. — А, хорошо. Наконец-то ты проснулся.

Я беру с тумбочки бутылку с водой и пью ее, чтобы облегчить пересохшее чувство в горле. "Что случилось?" Я хриплю, когда заканчивается каждая драгоценная капля жидкости. Я чувствую себя ошеломленным и сонным, как будто меня накачали наркотиками.

Входит Алина, выглядящая свежо и гламурно, как будто она только что вышла из салона с полным спектром услуг. Я, с другой стороны, чувствую — и, вероятно, выгляжу — как что-то, что еноты не стали бы выуживать из мусорного бака.

— Ты не могла уснуть всю оставшуюся ночь, поэтому пошла вздремнуть посреди утра, помнишь? — говорит она, грациозно присаживаясь на край кровати.

Я снова смотрю на часы, как будто это изменит отображаемое на них время. — Но уже пять. Как может быть пять, если я пошла вздремнуть утром?»

Она ухмыляется. "Что я могу сказать? Когда ты разбиваешься, ты сильно разбиваешься». Она скрещивает длинные ноги. — Мой брат звонил уже около десяти раз, требуя поговорить с вами. Я сказала ему, что даю тебе поспать.

У меня учащается сердцебиение. "Что-то не так? Слава..."

«Нет, нет, все в порядке. На самом деле они уже едут домой, должны быть здесь меньше, чем через час.

"Ой. Слава..."

«Дела намного лучше», — уверяет она меня. «Врач собирался оставить его под наблюдением до сегодняшнего вечера, но с утра его ни разу не вырвало, и он смог съесть на обед немного куриного супа и желе, поэтому его выписали раньше».

— О, слава богу. Я не могу дождаться, чтобы обнять Славу и поцеловать его глупо. Я только мельком увидела его прошлой ночью, когда Николай выбегал из дома с ребенком на руках, но его бледный, изможденный вид не давал мне покоя, заставляя чувствовать именно то, что описывал Николай: как будто тупое лезвие распилило меня на части. сердце.

Думаю, мой муж не единственный, кто в эти дни чувствует себя родителем. С каждой неделей сын Николая все глубже забирается в мое сердце, и сейчас я нахожусь в том состоянии, когда не смогла бы любить его больше, если бы он вышел из моего собственного тела, и была бы опустошена, если бы с ним что-нибудь случилось.

— У тебя есть телефон? — спрашиваю Алину. — Я хочу перезвонить Николаю.

Я хочу сам поговорить со Славой и убедиться, что ему действительно лучше, а еще мне не терпится услышать голос Николая.

Какими бы пугающими меня ни казались эти камеры, я не могу не скучать по нему, страстно желая его самым интуитивным образом — вот почему мысль о нашем предстоящем разговоре не давала мне заснуть прошлой ночью даже после того, как они благополучно добрались до дома. больницу, и я знала, что со Славой все будет в порядке.

«У меня его нет с собой, но я могу его достать», — говорит Алина, вставая. — Однако я не знаю, стоит ли тебе сейчас звонить ему. Они скоро будут здесь, и тогда ты сможешь поговорить.

Я колеблюсь, затем киваю. "Хорошо."

Она права. Теперь, когда они почти здесь, я могу подождать. Какой бы краткой ни была наша вчерашняя беседа, Николай каким-то образом почувствовал, что я расстроена, и если бы не то, что его отвлекло, я уверена, что он заставил бы меня ответить. Должно быть, поэтому он продолжал звонить в течение дня, и поэтому будет лучше, если я просто поговорю с ним лично.

Пора мне перестать быть страусом и узнать правду — и мы оба выложили карты на стол.

Сорок минут спустя и почти время обеда, когда их внедорожник подъезжает к дому. Я провела эти сорок минут, готовясь как морально, так и физически. Мои волосы расчесаны и собраны в высокую прическу, мой макияж почти такой же идеальный, как у Алины, и я одета в блестящее белое платье с двумя боковыми разрезами, открывающими мои ноги, и мои золотые ремешки на каблуках. В ушах пара бриллиантовых сережек-гвоздиков, подаренных мне Николаем, а на шее колье в форме сердца, которое когда-то одолжила мне Алина, для моего первого здесь ужина с нарядами. Я собиралась надеть одно из своих украшений, но она настояла, чтобы ее ожерелье соответствовало требованиям наряда.

— Поверь мне в этом, — загадочно сказала она. «Это именно то, что Николаю нужно увидеть сегодня вечером».

Я решила сделать именно это и доверять ей на данный момент, хотя мне очень любопытно, что она имела в виду. Если я не получу ответы на все вопросы от Николая сегодня вечером, я *вытяну* их из нее.

Больше не нужно прятать голову в песок.

Я устала быть трусихой.

Несмотря на мою решимость, мое сердце бешено колотится, когда я спешу вниз, чтобы поприветствовать своего мужа и нашего сына.

Слава приходит первым — или, скорее, врывается, как маленький шарик энергии, которым может быть мальчик его возраста.

«Мама Хлоя!» Он бежит прямо на меня, и я ловлю его на полупрыжке, отшатываясь под тяжестью его маленького, но крепкого тела, когда моя ранее травмированная лодыжка качается в ремешках на пятке. От него пахнет лекарствами и детским шампунем, и я так счастлива чувствовать его короткие руки, сжимающие мою шею, что меня не волнует потенциальная повторная травма или мой макияж, который размазывается, когда он наносит влажные, громкие поцелуи на мои щеки.

«Меня много тошнит», — торжествуя объявляет он после того, как я, наконец, укладываю его, и я не могу сдержать смех, когда он начинает рассказ о своих больничных приключениях на запутанной смеси английского и русского языков, где суть повествования сводится к одному. насколько отвратительной была вся рвота.

"Что это? Разве ты не должен быть слабыми и болезненными?" — весело спрашивает Алина, и я понимаю, что она подошла, чтобы встать рядом со мной. Широко ухмыляясь, она опускается на колени и крепко обнимает Славу, заговорщицки шепча ему по-русски.

«Да, я Супермен», — заявляет он, когда она закончила, и я снова смеюсь, радуясь, что у него все так хорошо получается.

— Он проспал большую часть пути сюда и проснулся со всей этой энергией, — говорит Николай, его низкий голос так напугал меня, что я резко поворачиваюсь и чуть не падаю, когда дурацкая лодыжка подгибается подо мной, посылая всплеск боли, пронзающий меня. нога.

Я говорю «почти», потому что, как всегда, Николай ловит меня, его сильные руки смыкаются вокруг меня прежде, чем я падаю на пол.

— Полегче, зайчик, — бормочет он, его глаза приобретают более зеленый оттенок золота, когда он прижимает меня к своему большому теплому телу и смотрит на меня, держа меня за плечи. «Одной поездки в больницу вполне достаточно».

Мое сердце телепортируется в горло, когда его близость поражает меня, как сокрушительный шар. Мои колени подгибаются к лодыжке, и моя кожа воспаляется ощущениями, каждая клеточка впитывает тепло, исходящее от его пальцев, восхитительную силу и шероховатость его мозолистых ладоней. Как и Слава, он пахнет больницей, но под ним соблазнительный оттенок бергамота и еще более слабый оттенок кедра, смешанный с тем теплым мужским ароматом, который всецело принадлежит ему.

"Ты здесь." Глупый комментарий, но все мои нейроны, кажется, вышли на прогулку. Все, что я могу сделать, это смотреть на его лицо с высокими, широкими скулами и свирепым подбородком, замороженное сочетанием дикости и элегантности, которое делает его таким опасно соблазнительным противоречием.

Мой муж.

Мой защитник.

Мой тайный наблюдатель.

Является ли его любовь чем-то, чего можно желать или чего бояться?

Он обхватывает мою щеку, его глаза темнеют, когда его взгляд падает на мои губы. — Я здесь, зайчик. Не обращая внимания на нашу аудиторию, он наклоняет голову и касается моих губ, требуя их в глубоком, обжигающем душу поцелуе.

Мое сердце бешено колотится в груди, моя кожа становится слишком теплой, когда он отстраняется. Как обычно, все игнорируют наш возмутительный КПК. Павел и Людмила тоже вошли, они разговаривают с Алиной по-русски, а Слава перебивает своими историями.

Я оглядываюсь на Николая и замираю, глядя на леденящее выражение его лица. Его взгляд прикован к моему горлу, мускулы на его челюсти яростно дергаются. Что за-?

И тут я понимаю, на что он смотрит.

Не мое горло.

Ожерелье, которое дала мне Алина, то самое, которое, по ее словам, ему нужно увидеть сегодня вечером.

С внезапной ясностью я вспоминаю ее одурманенное бормотание в то ужасное утро, когда я сбежал. Как и со многими другими вещами, связанными с моей ситуацией, я не позволял себе думать о ее настоящих словах в последние недели, останавливаясь на них какое-то время. Но теперь они приходят ко мне вместе со всем остальным, что я слышал об этой семье, о том, насколько Николай так похож на своего отца.

Если у меня и оставались какие-то сомнения в том, что нам с мужем нужен этот разговор, то они испарялись в тот же момент — потому что, если подозрение, формирующееся в моем уме, правильное, Алина не единственная, кто пережил серьезную травму.

Делая вид, что все нормально, я отворачиваюсь от Николая и подхожу, чтобы схватить Славу за руку. «Пойдем, дорогая, давай уложим тебя в постель, прежде чем ты упадешь. Мы накормим тебя ужином там.

— Я это делаю, — предлагает Людмила, но я с улыбкой качаю головой.

"Разрешите. Я скучал по нему».

— Я присоединяюсь к вам, — говорит Николай, его взгляд затуманен, и мой пульс учащается еще больше, когда он берет Славу и несет его наверх передо мной.

Мы вдвоем купаем Славу и укладываем его в постель, где он ест суп и тут же засыпает, его прилив энергии быстро заканчивается.

— С детьми всегда так? — приглушенно спрашивает Николай, проводя широкой ладонью по лбу Славы. Его озадаченный взгляд перемещается на меня. — Когда они болевают, я имею в виду? От нуля до шестидесяти и обратно?

Я улыбаюсь, несмотря на смятение в груди. «Нет, не всегда. Слава просто супермен. Разве ты не слышал?

Его ответная улыбка вызывает взрыв эндорфинов в моем мозгу. — О, да, ходят *слухи*.

И этого достаточно для пары ударов сердца — этого незамысловатого момента общей радости, облегчения от того, что с ребенком, которого мы любим, все будет в порядке. Но потом улыбка Николая исчезает, и мой пульс ускоряется, когда пространство между нами наполняется кипящим сознанием, той обжигающей химией, которая ощущается как заряженный провод, танцующий на моей коже. Мы сидим всего в футах друг от друга, но даже это маленькое расстояние вдруг кажется слишком большим... слишком большим и недостаточным одновременно.

Я сглатываю, когда он поднимает руку и обводит ее вокруг моей щеки, его большой палец с грубыми краями проводит по моей нижней губе, вызывая покалывание.

— Зайчик... — Его голос темный бархат. "Я скучал по тебе."

И я тоже скучал по тебе. Очень много. Слова пируэта на кончике моего языка, готовые

взлететь. Было бы так легко снова упасть в его объятия, забыть то, что я видела в его телефоне, и не раскачивать лодку. Погрузиться обратно в нашу фальшивую рутину медового месяца и притвориться, что нет ничего страшного в муже, который одержимо наблюдает за мной, когда мы в разлуке... убийца, чье сложное прошлое до сих пор остается ужасающей загадкой.

— Николай, я... — я делаю вдох и выдавливаю из себя другой набор слов, которых избегала. "Нам нужно поговорить. Пришло время рассказать мне, что именно случилось с твоим отцом.

43

Хлоя

На лицо Николая словно падает темный ставень, превращая его в лицо незнакомца. Вся теплота покидает его голос, когда он отдергивает руку и встает. "Давайте тогда. Мы поговорим в моем кабинете.

Мое сердце колотится, когда я иду за ним из комнаты Славы по коридору. Пока мы идем, в его кармане звучит звонок, он достает телефон и смотрит на экран. Должно быть, он забрал устройство сразу по прибытии.

Что бы он там ни увидел, его челюсти напрягаются, а когда его взгляд возвращается ко мне, его глаза наполняются особым светом.

Страшное предчувствие сжимает мой желудок. "Что случилось? Что случилось?"

«Есть кое-что, что ты должна увидеть», — говорит он, и как только мы входим в его кабинет, он идет прямо к своему ноутбуку и открывает его, наклоняясь над своим столом. Его пальцы на секунду летают по клавиатуре, а затем он поворачивает экран ко мне.

Мое сердце подпрыгивает, а колени становятся резиновыми.

На экране отображается популярный новостной сайт, главный заголовок которого выделен заглавными буквами: «ВЕДУЩИЙ КАНДИДАТ В ПРЕЗИДЕНТЫ НАПАДАЕТ ЖЕНЩИНУ В ШОКИРУЮЩЕМ ВИДЕО».

Ледяные иголки танцуют на моей коже, когда я хватаю ноутбук и несу его к маленькому круглому столу, где опускаюсь в кресло и читаю статью полностью.

История все еще развивается, но кажется, что чуть меньше часа назад в Твиттере появилось видео, на котором Брэнсфорд нападает на молодую женщину, и оно мгновенно стало вирусным. Согласно новостному сайту, «наглядные и тревожные» кадры показывают, как он бьет ее по лицу и разрывает на ней рубашку, в то время как она отчаянно сопротивляется. После пары минут жестокой борьбы она убегает, ударив его коленом в пах и выбегая за дверь, пока он выкрикивает в ее адрес непристойности.

— Можешь посмотреть видео, если хочешь, — тихо говорит Николай, и я понимаю, что он подошел, чтобы встать рядом со мной, его взгляд прикован к экрану сверху. «Команда Константина творила чудеса с тем, что прислала ему Маша».

Мой голос тонкий. — Это было снято сегодня?

Он кивает, выражение его лица непроницаемо. — Сегодня рано утром, примерно через двадцать минут после того, как мы с тобой поговорили. Она пригласила его заглянуть в ее «общежитие» перед работой, чтобы подписать ее документы о стажировке, чтобы она могла добровольно участвовать в его кампании и получить признание за свой курс американского правительства в AP».

«АП?» Я чувствую приступ тошноты. — Например, курс повышения квалификации и

старшей школе?

"В яблочко. Он думает, что ей семнадцать, она учится в школе-интернате в округе Колумбия. Николай делает паузу, а затем мягко добавляет: «Сирота, чьи родители погибли в автокатастрофе, оставив ее на попечение безразличного дяди, который не хочет иметь с ней ничего общего».

— Идеальная приманка для хищника, — шепчу я, мои глаза горят. «Самый уязвимый тип жертвы... как моя мать».

"Да. Кажется, это его МО. Мы обнаружили еще двух женщин, с которыми он проделывал это на протяжении многих лет». У Николая сгибается челюсть. «Ему нравятся умные, красивые и слишком молодые — и им не к кому обратиться».

Я втягиваю воздух, ледяные иглы вонзаются глубже. «Ты нашел их? Будут ли они выступать?»

— Сейчас будут.

Я сплываю, чтобы сдержать содержимое желудка, и снова смотрю на экран. Каким бы отвратительным это ни было, мне нужно увидеть это видео своими глазами, чтобы точно знать, какой монстр причинил боль моей маме, когда *она* была ранимым подростком.

Я устала прятаться от реальности.

Найдя видео, я нажимаю «воспроизвести» — и моя тошнота усиливается, мой желудок сводит судорогой от осознания того, что я разделяю гены этого человека.

Запись начинается с короткой, но жестокой погони, когда высокий, подтянутый, красивый пожилой мужчина — безошибочно узнаваемый Том Брэнсфорд — бросается на миниатюрную блондинку, одетую в крошечные шорты и укороченный топ. Камера находится под таким углом, что видна только часть лица Маши, но нельзя спутать ни юношескую линию ее челюсти, ни ужас в ее неистовых движениях.

Она проделывает большую часть пути через узкую, захламленную комнату, прежде чем он хватает ее сзади, швыряет ее о стену рядом с плакатом BTS, а затем разворачивает ее лицом к себе. Всхлипывая в панике, она нападает, царапая его маленькими тонкими пальцами, но он жестоко бьет ее по лицу и врезает кулаком в живот.

Я напрягаюсь, чувствуя удар, как будто он пришелся на меня, но самое худшее только начинается. Пока Маша согнулась, хватая ртом воздух, он рвет на ней рубашку, разрывая ее на плече.

Изящное, слегка округлое плечо, которое могло принадлежать подростку или ребенку.

Я знаю, что это не так — я знаю, что с ее государственным прошлым Маше должно быть не меньше двадцати, — но легко забыть, что я не являюсь свидетелем настоящего нападения на невинную жертву-подростка.

Вернее, что нападение, скорее всего, настоящее, а не жертва.

В любом случае, я не могу не вздохнуть с облегчением, когда, после еще нескольких мгновений мучительной борьбы, Маша делает скручивающее движение, которое, кажется, случайно приводит ее колено в контакт с пахом нападавшего. Он отшатывается с пронзительным криком, его руки сложены на его промежности, и она снова делает прорыв, на этот раз достигая двери и исчезая, когда Брансфорд кричит: «Ты гребаная пизда! Вернись сюда, ты, чертов дразнящий, или я тебя, мать твою, убью!»

Затем видео обрывается, но не раньше, чем камера фокусируется на лице Брэнсфорда, на красивом лице с ровными чертами, искривленными в красную маску сдерживаемой ярости, с выпученными глазами, таким же чудовищным, как и он сам.

Дрожая, я выключаю ноутбук и делаю небольшие вдохи, пытаюсь наполнить кислородом свою туго стянутую грудную клетку и удержаться от рвоты.

Перефразируя Николая, одного человека, которого стошнит здесь на этой неделе, вполне достаточно.

Убедившись, что мой желудок не вытолкнет свое содержимое, я поворачиваюсь и смотрю на Николая. "Как ты сделал это?" Мой голос лишь слегка дрожит. — Как Маша довела его до... знаешь?

— Чтобы напасть на нее? В ответ на мой кивок он говорит: «Я не знаю всех подробностей, но подозреваю, что это произошло из-за того, что он сделал именно то, в чем он обвинил ее в конце».

— Быть дразнящим?

— Как бы вы это ни назвали — сильное поощрение его внимания, а затем преднамеренное отстранение — то, что, по мнению таких мужчин, делают все женщины. Только в данном случае Маша действительно это делал, просто с другой целью, чем он думал». У Николая кривится верхняя губа. «Он, несомненно, полагал, что она будет так стремиться получить школьный кредит за волонтерство в его кампании, что позволит ему трахнуть себя, а когда она этого не сделает, все быстро обострится... как мы и предполагали, учитывая его прошлое».

Я глотаю очередную волну тошноты. «Значит, все, что происходило на видео, происходило на самом деле? Никакие кадры не были сфабрикованы?

«Это было сильно отредактировано, но не сфабриковано, нет».

«Отредактировано для чего?»

Николай садится напротив меня. — Во-первых, чтобы скрыть ее лицо и выделить свое. Для нее важна ее анонимность».

Я мысленно прокручиваю видео и понимаю, что он прав: лицо Маши в нем никогда не появляется. Угол всегда неправильный. Даже когда Брэнсфорд прижимает ее к стене и камера смотрит прямо на ее лицо, его плечо или что-то еще закрывает ее, позволяя зрителю мельком увидеть ее щеку, ухо или челюсть — достаточно, чтобы создать впечатление молодости. и красота, но не для того, чтобы сделать фотографию для печати.

— Значит, она не собирается выступать для дачи показаний? — спрашиваю я, и Николай качает головой.

"Слишком рискованно. Мы создали для нее фальшивую личность, но она не выдержит настоящей проверки. Видео было загружено в Интернет анонимно с неизвестного сервера, но, конечно, они обвинят в этом русских хакеров, как и многое другое в наши дни».

— Только в этом случае они будут правы.

Его губы сардонически изгибаются. — В большинстве случаев они правы, зайчик. Константин и ему подобные представляют угрозу, особенно для ваших незадачливых политиков. В любом случае, неважно, что они говорят об источнике видео или называют его фейком. Ущерб карьере Брэнсфорда нанесен, две его настоящие жертвы осмелели. Как только они выйдут вперед... Ну, скажем так, дражайший папочка почти готов.

Папа дорогой. Мой желудок сжимается так сильно, что я чуть не плююсь. — Он мне совсем не папа. Я вскакиваю на ноги, внезапно ослепительно злясь. — Он просто...

— Я знаю, что твоя мать насильница и убийца, — тихо говорит Николай, тоже вставая. «Это все, что он есть, зайчик. Ничего больше, ничего общего с тобой».

Гнев улетучивается так же быстро, как и появился, и я снова опускаюсь в кресло, уронив

голову на руки. Мой череп кажется необъяснимо тугим и тяжелым, как будто мой мозг превратился в свинец.

Большие теплые руки ложатся мне на затылок и плечи, сильные пальцы впиваются в мои напряженные мышцы с нужным усилием. — Прости, зайчик. Голос Николая снова мягкий и теплый. «Я знаю, что это многое нужно обдумать, но я подумал, что тебе нужно посмотреть это видео... чтобы узнать, что твоя мама отомщена».

Я хочу раствориться в соблазнительном комфорте этих массирующих пальцев, раствориться в их умелом, успокаивающем прикосновении. Чтобы еще раз отложить изучение того, чего я боюсь, и вместо этого позволить себе насладиться несчастьем Брансфорда, купаясь в злорадстве всего этого. Ущерб, который мы нанесли его карьере, не идет ни в какое сравнение с тем, что он нанес моей маме или тем другим женщинам, но это только начало — и, надеюсь, теперь, когда его золотой имидж поблек, колеса правосудия закрутятся. повернуться к нему, их спицы красивые и острые.

Собрав все свои силы, я поднимаю свинцовую голову и накрываю руки Николая своими, поворачиваясь, чтобы встретиться с ним взглядом.

— А как насчет твоей мамы? — мягко спрашиваю я. — *Она* когда-нибудь была отомщена?

44

Николай

Мои руки сжимаются на плечах Хлои, ее вопрос ударил меня, как удар ниже пояса. Ожерелье, блестящее на ее шее, должно было подсказать мне направление ее предстоящего допроса, но я все же не ожидал, что она примет именно такой подход... знать так много о том, что произошло.

— Полагаю, Алина снова говорила с тобой. Мой голос грубеет, когда я отступаю назад. Мой взгляд падает на ее кулон, бриллиант в форме сердца насмехается надо мной, напоминая мне о вещах, которые я пытался забыть. С усилием я отрываю от него взгляд и снова смотрю на лицо Хлои. — Что именно она тебе сказала?

Закусив губу, она встает. "Немного. Больше она со мной не разговаривала — это было только утром, прямо перед моим отъездом. Она сказала что-то вроде: «Он убил ее. А потом Коля убил его. Я не был уверен, кого она имела в виду в то время, но недавно я обдумывал это, и я думаю... я думаю, что это должна быть твоя мама. Она поднимает руку, чтобы коснуться кулона, ее карие глаза мягкие и темные. «Это принадлежало ей? Поэтому Алина хотела, чтобы я надел его сегодня вечером и в тот вечер? Как некое напоминание тебе обо всем этом?

У меня перехватывает горло, и я отворачиваюсь, внезапно нахлынув на воспоминания, а вместе с ними и обжигающую ярость и горе. И под всем этим скрывается ужаснейшее чувство вины, осознание того, что то, что я сделал, в конечном счете непростительно. Ядовитый коктейль так близок к тому, чтобы выкипеть, и я не уверен, что смогу сдержать свое слово и рассказать Хлое всю историю, но тут ее маленькая ладонь касается моей, а пальцы сжимают мою ладонь, заставляя меня замолчать. поддерживать.

— Скажи мне, — бормочет она, вставая передо мной. Глядя на меня, она поднимает наши соединенные руки и прижимает их к своей груди. — Пожалуйста, Николай. Мне нужно знать."

Так она и делает. Я должен ей сказать правду, какой бы уродливой она ни была.

Глядя в ее перевернутое лицо, я делаю вдох и начинаю.

45

Николай

— Когда я был примерно в возрасте Славы, я думал, что моя мать — принцесса, — говорю я холодным и ровным тоном, несмотря на то, что в моих венах кипит колдовское зелье. «Высокая, стройная, всегда надушенная и накрашенная, она носила красивые платья, сверкающие драгоценности и высокие каблуки даже дома и настаивала на том, чтобы все вокруг нее было настолько красивым, насколько мы можем это сделать, особенно мы сами». Воспоминания давят на меня, заставляя меня чувствовать, что воздух исчезает из комнаты, но я продолжаю. «Валерий тогда был совсем мальщ, а Алина еще не родилась, поэтому мы с Константином единственные, кто помнит те годы... те, когда наша мама была еще немного счастлива».

"В некотором роде?" Перевернутое лицо Хлои отражает одновременно сочувствие и осторожное любопытство, когда она прижимает мою ладонь к своей груди. — Она никогда не была полностью счастлива?

«Не в моей памяти». Я высвобождаю руку из ее хватки и подхожу к своему столу, чтобы занять место. Таким образом, я чувствую себя немного лучше, менее вероятно, что поддамся желанию схватить Хлою и трахнуть ее, пока ни один из нас не сможет здраво мыслить, не говоря уже о том, чтобы выкопать ядовитую грязь, которая является моим прошлым.

Она следует за мной, присаживаясь на угол стола, бело-золотое видение в ее вечернем платье, пойманный луч солнца, все мое. "Почему? Они никогда не были влюблены? Или что-то случилось?"

Я изо всех сил стараюсь удерживать взгляд на ее лице, а не на декольте, где кулон насмешливо подмигивает мне. «Я точно не знаю, но подозреваю, что это началось с Константина. Мой отец хотел, чтобы сын был похож на него самого, кто-то, кто в конечном итоге возьмет на себя новую капиталистическую империю, которую он строил, но даже в детстве мой старший брат был другим. Безумно умный, но другой. Я не думаю, что он вообще говорил до трех-четырёх лет».

Глаза Хлои расширяются. "Ой. Значит, он..."

«В спектре? Может быть. Ему никогда официально не ставили диагноз. В любом случае, это могло быть началом разлада между ними... или, может быть, моя мать просто выяснила, что за человек мой отец. Какой бы ни была причина, я помню, как год от года их брак ухудшался. Каждый раз, когда я возвращался домой из школы-интерната, атмосфера между ними становилась на несколько градусов холоднее, их ссоры учащались... настроение моего отца становилось все мрачнее».

Хлоя нахмурилась. «Почему они просто не развелись?»

«Он не позволил бы этого. Он хотел ее, несмотря ни на что». Я помню, как моя мать кричала на него об этом во время одной из тех ссор, умоляя и умоляя отпустить ее. Стиснув зубы, я отталкиваю воспоминание прочь — оно слишком близко к цели.

— В любом случае, — продолжаю я ровным тоном, — чем больше времени проходило, тем хуже становилось. Когда мне было двенадцать, он взял нескольких любовников и выставил их перед ней. Год спустя он убил мужчину, который, по слухам, был ее любовником. А через несколько недель после своего семнадцатилетия я заметил синяк на ее лице». На выражение лица Хлои я говорю: «Она, конечно, отрицала это, сказала, что упала

или что-то в этом роде. Я не поверил ей ни на секунду. Я пошел к отцу и сказал ему, что если я когда-нибудь снова увижу ее больной, он ответит на мой кулак — и я увезу ее туда, где он ее никогда не найдет».

Хлоя втягивает воздух. — Он тебе поверил?

"Он сделал." Мой рот искривляется. «Я был его любимым ребенком, сыном, который был больше всего на него похож. Он знал, что даже в таком возрасте я найду способ сдержать свое обещание».

«Так что же тогда произошло? Как ты...?»

— В итоге убить его? Слова на вкус как яд на моем языке.

Она осторожно кивает, ее взгляд прикован к моему лицу. "Когда это случилось?"

— Шесть... нет, шесть с половиной лет назад. Я только что вернулся в Москву после нескольких лет отсутствия — сначала для службы в армии, потом для получения степени в Принстоне. Все это время я следила за своей матерью, за ее здоровьем и психическим состоянием». Мои челюсти сжаты так сильно, что кажется, будто мои зубы сплетены вместе, каждое слово труднее произнести, чем следующее. Насколько я мог судить, синяков больше не было, но она была несчастна, совершенно разбита их раздором. И все же, сколько бы раз я ни предлагал ей помочь уйти от него, она не шла. Она сказала, что боится».

Хлоя сглатывает. "Его?"

"Его. Быть без него. Из всего этого. К тому времени они прожили вместе почти тридцать лет. Они вырастили четверых детей, таких, как мы. Я ловлю свою руку, сжимающуюся в кулак под столом, и заставляю пальцы расслабиться. «Константин и Валерий пытались уговорить и ее уйти, но она отказалась слушать. Оправдания были бесконечны: она не хотела предстать перед судом их общих друзей, не хотела потерять жизнь, которую они построили вместе, не хотела разлучить семью. Но на самом деле все сводилось к страху. Страх перед отцом и то, какой была бы ее жизнь без него... без его ядовитой одержимости ею».

"Навязчивая идея?" Голос Хлои слегка дрожит.

Я киваю, мрачно осознавая параллели. «Хорошо это или плохо, но она была центром его мира почти три десятилетия, спустя долгое время после того, как любовь, которую они разделяли, превратилась в эту горькую ненависть. Я думаю, что часть ее тоже наслаждалась этим, зная, что у нее есть такая власть над ним, что в конечном итоге он *не может* ее отпустить». Я резко втягиваю воздух. «В любом случае, я следил за ней, но я должен был следить за *ним*. Потому что по мере того, как ее страдания росли, росло и его — они питались друг другом. Он начал сильно пить и, как я узнал позже, употреблял кокаин. Это помогло ему держаться от нее подальше. В каком-то смысле он заменил свою зависимость от нее на потенциально менее опасную, и моя мать ненавидела это развитие. Любовь или ненависть, она *хотела* его внимания».

«Так она что? Что-то сделал, чтобы вернуть его?»

"Она сделала. Она взяла другого любовника — видного государственного чиновника, которого нельзя было убить без серьезных последствий, — и сказала моему отцу, что уходит. Я не думаю, что она это имела в виду — это должно было быть эквивалентом красного флага, размахивающего быком. Но в этом и суть разъяренных быков: они могут забодать тебя». Мой голос грубеет. — Именно это и сделал мой отец.

Руки Хлои сцепляются у нее на коленях, костяшки пальцев белеют, когда я продолжаю. «Валерий уехал на службу в армию, а Константин был в Дубае по делам, а Алина была дома

на зимних каникулах, только что закончив первый семестр в Колумбийском университете. Это она позвонила мне в ту ночь, когда началась последняя ссора наших родителей. Мое горло сжимается, воспоминания так удушают, что я не уверен, что смогу сказать следующую часть. И все же я как-то продолжаю, мой голос отражает лишь часть боли, разрывающей меня изнутри. «К тому времени, когда я добрался туда, гостиная была похожа на сцену из фильма ужасов, с пятнами крови на блестящих деревянных полах и белой мебели. Алина, должно быть, пыталась вмешаться, чтобы защитить нашу мать, потому что она была сбита с ног стеной, одно из ее предплечий было рассечено там, где она пыталась остановить его нож. А наша мать... — я останавливаюсь, затем гортанно продолжаю. «Она была едва узнаваема как человек. Он избил ее до полусмерти, прежде чем разрубить на куски. По сей день это одна из самых жестоких смертей, которые я когда-либо видел».

Лицо Хлои пепельно-серое, по ее стройному телу пробегает видимая дрожь, и я хочу остановиться, закончить этот рассказ до того, как ужас в ее глазах превратится в ужас и отвращение, но я обещал ей правду, поэтому отрываюсь от слов, которые я Говорю и удушающие мучения они приносят.

«Он склонился над ее телом, все еще с ножом в руке, когда я подошла к нему. Он потерял контроль, сказал он мне. Это был несчастный случай, сказал он. Хотя я знал лучше. В этот вечер должны были быть Павел и Людмила, но их не было. Он отослал их на ночь. Они и Алина — вот только моя сестра кое-что забыла и неожиданно вернулась.

— Значит, он... — голос Хлои срывается. — Он это спланировал? Это был не кокс?

"Это было. Он был высоко в небе, его зрачки расширились. Но он прекрасно знал, что собирается делать, находясь в таком состоянии, — бригада по очистке была уведомлена ранее тем вечером, чтобы быть в состоянии готовности. Я знаю это, потому что... — Я втягиваю воздух, горло горит от кислоты, поднимающейся в пищевод. — Потому что я позвонил им позже. После того, как он напал на меня с ножом.

Слышен резкий вдох Хлои. — Он собирался убить тебя?

"Может быть. Я не знаю. Он знал, что я ему не верю, знал, что не пропущу ее убийство. Поэтому, когда он подошел ко мне, его зрачки были размером с десятицентовую монету, я действовал инстинктивно». Глядя в измученное лицо жены, я хрипло говорю: «Мы подрались, и когда я взялся за нож, я сделал то, чему меня учил Павел. Я выпотрошил его от паха до глотки.

46

Хлоя

Затем он поднимается на ноги и шагает к окну, где стоит спиной ко мне, его мощные плечи напряжены, его большое тело такое неподвижное и твердое, как если бы это была одна из гор снаружи.

Несколько мгновений я смотрю на него, впитывая то, что он мне сказал, а затем заставляю свои замерзшие конечности двигаться. «Алина...»

«Она пришла в сознание в последние несколько мгновений нашей ссоры», — говорит он, глядя прямо перед собой, когда я встаю рядом с ним. Его челюсть словно превратилась в гранит, чувственные губы сжались в резкую линию. «Я не осознавал этого, не слышал, как она кричала, чтобы я остановился — только после того, как это было сделано».

"Поэтому она...?"

— Видел, как я убил его, да. Она смотрела, как я разрезал его.

Я делаю натужный вдох, вновь переживая те ужасные моменты, когда я видел, как он держит нож. Это было против нападавшего на меня, убийцы моей мамы, который собирался изнасиловать меня и лишить меня жизни, но мне до сих пор плохо от воспоминаний. Как это должно было быть для Алины, которой едва исполнилось восемнадцать, когда она увидела, как ее родители так жестоко погибли, один от руки ее отца, а другой от руки ее брата?

Что еще более важно, как это должно было быть для Николая?

Какой ущерб нанесла та ночь *его* психике?

Моя рука дрожит, когда я касаюсь его рукава, привлекая его взгляд ко мне. Его красиво вырезанное лицо тщательно пусто, ничего не выражая его чувств. Но я чувствую колодец страданий за его непрозрачной маской, чувствую парализующую муку его вины и стыда.

— Алина знает? — неуверенно спрашиваю я. — Что это была самооборона? Что ты сделал это не только для того, чтобы отомстить за мать?

Его черные ресницы опускаются, скрывая тигриные глаза. "Я не знаю. Мы никогда особо не говорили о той ночи. Что бы это изменило? Мне было двадцать пять против его пятидесяти семи, быстрее и сильнее. Я мог бы вырвать нож и пригвоздить его — мне не нужно было его убивать».

— Разве нет? Я вижу эту сцену так ясно, как если бы она происходила у меня на глазах, я могу представить старую версию Николая, которую я видел на фотографиях в газетах, подтянутого и сильного, несмотря на свой возраст... опасного, даже если он не накачан кровью и кокаином. И я вижу двадцатипятилетнего Николая, вовлеченного в эту кошмарную сцену, ошеломленного ужасной смертью матери и напуганного за свою бессознательную, истекающую кровью сестру.

Что бы случилось, если бы он не завладел смертоносным ножом своего отца?

Могла ли его кровь запятнать и этот клинок, когда его тело соединилось с телом его матери и сестры в безымянной могиле в каком-нибудь русском лесу?

"Что ты говоришь?" Голос Николая напрягается, его глаза яростно блестят, а маска сползает, обнажая гноящуюся рану под ней. "Я убил его. Мой собственный отец. Кого волнует, было ли это в целях самообороны или нет? Я хотел, чтобы он умер за то, что он сделал с ней. Я хотел, чтобы его кровь — *моя* кровь — была на моих руках, и я не жалею, что она у меня есть. Ведь видишь ли, зайчик, Алина права: я *такой* же, как он. Во всех смыслах я — мой отец».

Мое сердце будто разрывают на куски, его боль режет меня так жестоко, как любой нож. Как он смог сдержать всю эту боль внутри себя? Как это его не разорвало? — Нет, — говорю я, мой голос становится тверже с каждым словом. — Ты не твой отец. И я не твоя мать. Их судьба не будет нашей, если мы этого не позволим.

Не знаю, когда именно во время его рассказа я понял, что им движет, в какой момент я понял, что Николай заклеил *себя* монстром шесть с половиной лет назад — и с тех пор изо всех сил старается соответствовать тому, что, по его мнению, является своей природе, к крови Молотова, которую он считает своим проклятием. Не то чтобы в его вере не было доли правды. Моя новая семья темная и безжалостная, возврат к временам, когда насилие и сила оправдывали себя. Их отношения заслуживают отдельной главы в книге о динамике разрушенных семей, и мой муж — продукт такого воспитания, его характер сформирован как трагедией медленно разрушающихся отношений его родителей, так и их взрывным, ужасным концом.

Все-таки он не его отец. Отнюдь не. И я не его мать. Она не знала характера своего

мужа, когда выходила за него замуж, не была готова к жизни с таким жестоким и безжалостным человеком. В то время как я, благодаря моему биологическому отцу, прошел через ад, и хотя я не могу сказать, что меня не смутило то, что Николай убивает двух убийц, открытие того, на что он способен, не изменило моих чувств — во многом к мое первоначальное смятение.

Безжалостный убийца или нет, он был и всегда будет моим любовником и защитником.

"Нет?" Он сжимает мои плечи, его пальцы словно стальные полосы. «Как мы избежим их участи? Ты уже ненавидишь меня на каком-то уровне, не так ли? За то, что убил тех людей перед тобой и вернул тебя, когда ты умолял меня отпустить тебя? За то, что заставил тебя выйти за меня замуж?»

Я выдерживаю его яростно-золотистый взгляд, отказываясь вздрогнуть от вулканической суматохи, которую вижу там, от всех давно сдерживаемых эмоций, которые грозят выплеснуться цунами, сметая все на своем пути. — Нет, Николай. Мой голос мягкий и ровный, несмотря на неровный пульс. «Я же говорил тебе, я люблю тебя. Я не ненавижу тебя. Я никогда не мог, поэтому никогда не делал — и никогда не сделаю».

Его пальцы сжимаются, впиваясь глубже в мою плоть. «Как ты можешь быть так уверен? Ты видел, на что я способен, какой я... какой я с тобой. Чем именно я отличаюсь от него?»

Я борюсь с желанием сжаться от боли и ярости, просачивающихся в его слова. Вместо этого я тихо спрашиваю: «Твой отец любил тебя и твоих братьев и сестер так, как ты любишь Славу? Любил ли он кого-нибудь по-настоящему, кроме себя? И я не имею в виду его сильную привязанность к твоей матери».

Выражение его лица не меняется, но я чувствую ответ в едва заметном ослаблении его хватки, поэтому я продолжаю. «Возможно, в чем-то ты похож на него, но не во всем. Не те, которые считаются. Например, ты когда-нибудь причинишь мне боль? Мне правда больно? Я говорю о кулаках и ножах, а не о грубости в постели».

Он отшатывается, выдергивая руки. — Я скорее выпотрошу себя.

«А как же Слава? Вы бы когда-нибудь напали на него с ножом... скажем, под кайфом или пьяным?»

Ярость вспыхивает на его лице. — Блять, нет.

"В яблочко." Я подхожу к нему еще ближе, мое сердце колотится бурей. — Потому что ты не такой, как твой отец. Неважно, что думает твоя сестра... чего бы я ни боялся после того, как ты спас меня.

Его ноздри раздуваются, когда он смотрит на меня сверху вниз. «Боялся?» Голос у него грубый, как наждачная бумага, слова впервые с оттенком русского акцента. — Как в прошедшем времени? Он снова хватает меня за руки, его глаза дикого золотисто-зеленого цвета. — Думаешь, ты в безопасности со мной? Потому что что? Теперь ты знаешь всю неприглядную правду? Потому что ты думаешь, что понимаешь меня?

— С тобой я всегда был в безопасности. И в глубине души я всегда это знал. Вот почему я могла прятать голову в песок все эти недели, почему видя, как он убивает и пытается, я не отшатывалась от его прикосновений, и почему то, что меня заставили выйти за него замуж, не изменило моих чувств.

Даже когда я чувствую себя добычей под его пристальным тигриным взглядом, я знаю, что он никогда не причинит мне вреда.

Его челюсть яростно сгибается. «Как, черт возьми, ты можешь быть так уверен? Как ты

можешь доверять мне, не говоря уже о том, чтобы любить меня, учитывая яд, текущий по моим венам?»

«Ты меня любишь? Поверь мне, учитывая яд, текущий по моим венам?» Мой голос повышается, когда слова вырываются наружу, наполненные гневом, который я не успела обработать, всей ненавистью к себе, которую я подавляла. Как будто плотина прорвалась, и я не могу остановить горький поток, не могу восстановить мысленный блок, который удерживал меня в здравом уме все эти недели. «Я ребенок изнасилования, результат двуличного, социопатического подонка, напавшего на мою мать-подростка. По крайней мере, ваши родители когда-то хотели друг друга — по крайней мере, вы были зачаты в чем-то похожем на любовь.

Он отпускает меня, его взгляд снова становится непроницаемым. "Это не тоже самое."

"Это не?" Я вкручиваю кулаки в его рубашку, не давая ему отвернуться. "Подумай об этом. Моя кровь испорчена, как и твоя. Мой отец убил и мою мать — не из-за извращенной страсти, а из холодного расчета. И он определенно убил бы и меня. На самом деле все еще может попытаться. Так чем же отличаются наши истории? Чем я лучше тебя? Во всяком случае, мы идеально подходим друг другу — или, как вы любите говорить, нам суждено быть вместе.

Он смотрит на меня сверху вниз, его широкая грудь двигается в неровном ритме, и я вижу, что достучался до него, что он усваивает эту основную истину. Правду, которую я не понимал до конца до этого момента.

Я могу не верить в судьбу как таковую, но что-то привело меня сюда, в эту семью со всем ее уродством и красотой. Этому замечательному, смертоносному, искалеченному человеку, который никогда не колеблется, делая все возможное, чтобы защитить меня и убить моих демонов... до тех пор, пока я также убиваю его.

Я отпускаю его рубашку и кладу ладони по обеим сторонам его лица, чувствуя твердую силу его костей под теплой, огрубевшей от щетины кожей. «Я люблю тебя, Николай... Я люблю тебя и хочу быть с тобой, темное прошлое, навязчивость и все такое. Что бы ни делали наши отцы, как бы ни испортились отношения наших родителей, мы не они, и мы не обязаны идти по их стопам. Я никогда не изнасилую девочку-подростка — и ты никогда не причинишь мне вреда, какими бы сильными ни были твои чувства ко мне... какие бы испытания мы ни прошли в будущем».

Его грудь вздымается быстрее, когда я говорю, его глаза темнеют, пока не приобретают цвет потускневшей бронзы. — Хлоя... — Его голос хрипит, когда он складывает руки чашечкой над моими. — Зайчик, ты даже не представляешь, насколько сильны уже мои чувства к тебе, насколько всепоглощающая моя одержимость тобой.

Я облизываю губы. "Я думаю, я сделаю." Камеры — хороший показатель. Нам нужно будет поговорить о них в какой-то момент в ближайшее время, но сейчас я должен сосредоточиться на более важных вещах... таких как то, как его взгляд падает на мой рот и воспламеняется знакомым вулканическим жаром, темный голод, который волнует меня и, на каком-то уровне пугает меня — но только потому, что вызывает во мне столь же сильную реакцию.

Он не единственный, чья любовь сейчас граничит с одержимостью.

Он смотрит на мой рот еще один такт, его руки сжимают мои. Затем, с резким вдохом, он прижимается своими губами к моим, одна рука сжимает мои волосы, а другая сжимает мою ягодицу, прижимая мою нижнюю часть тела к своей.

Он уже возбужден, выпуклость его эрекции давит на меня, когда он тащит меня к своему столу, пожирая жестоким поцелуем, на поцелуй, на который я отвечаю с таким же пылом. Мы падаем на твердую поверхность путаницей конечностей и жадно ощупывающих рук, сближаясь в ярости похоти и любви, в нежном буйстве страсти.

Самым совершенным образом для двух несовершенных людей.

47

Николай

Когда последние отголоски экстаза исчезают, я ощущаю твердую поверхность стола под своей голой спиной и легкий вес тела Хлои, лежащего на моей мокрой от пота груди. Мой мозг переполнен эндорфинами, а сердце бьется в груди в новом обнадеживающем ритме.

Я рассказал ей все, и вместо того, чтобы отшатнуться от отвращения, она обняла меня.

Я обнажил худшие стороны себя, и вместо того, чтобы убежать в ужасе, она сказала мне, что нам суждено.

Которые мы есть. Я знала это с самого начала, но в какой-то момент за последние пару недель я потеряла это из виду, начала сомневаться, смогут ли наши отношения пережить гноящийся во мне яд... суждено ли нам погибнуть мучительный путь моих родителей.

— Нет, — бормочет Хлоя, поднимая голову с моего плеча, и я понимаю, что сказал последнюю часть вслух. Нежно улыбаясь, она обводит кончики моих губ одним тонким пальцем, ее глаза такие мягкие и теплые, что ее взгляд похож на физическую ласку на моем лице. «Мы решаем нашу жизнь, наше будущее».

Сев, я притягиваю ее к себе на колени, переполнение эмоций наполняет мою грудь, когда я вдыхаю ее аромат полевых цветов и чувствую, как ее тонкие руки доверчиво обвивают мою шею. Нежность и собственничество, любовь и вожделение, страх и радость — они борются внутри меня, пока мне не начинает казаться, что моя грудная клетка не может вместить всего этого.

Является ли это возможным?

Может ли любовь Хлои ко мне быть чем-то большим, чем сладкий мираж?

Может ли такое счастье быть настоящим и продолжительным?

Я так о многом хочу с ней поговорить, так много хочу ей рассказать... еще одно признание, которое я хочу сделать относительно судьбы ее отца. Но пока этого достаточно. Я не хочу портить этот прекрасный момент, поднимая какие-либо спорные темы. Так что я просто целую ее в макушку и крепко обнимаю, довольная — по-настоящему довольная — впервые в жизни.

48

Хлоя

Я хочу остаться вот так, лежа на коленях у Николая, навсегда, но я знаю, что рано или поздно нам придется переехать. Краем глаза я замечаю свое платье на полу рядом с его рубашкой — вместе с ноутбуком, который мы сбили со стола в нашей страсти. Мы должны забрать компьютер, убедиться, что с ним все в порядке... может быть, поговорить и о камерах. Или еще лучше, о нашем будущем в целом. Но прежде чем мы туда доберемся, я должен кое-что ему сказать.

Подняв голову с его широкого плеча, я отстраняюсь, чтобы встретиться с его теплым янтарным взглядом. — Спасибо, — мягко говорю я. «Спасибо за то, что вы сделали с

Брансфордом. Я знаю, что это не идеальное решение — я знаю, что даже свергнутый с престола он может быть опасен — но я думаю...

Громкий стук в дверь заставляет нас обоих подпрыгнуть. «Николай!» Глубокий голос Павла напряжен, поток русского настойчиво следует за ним.

"Блядь!" Николай сбрасывает меня с колен и поднимает складные ножи к своим ногам, хватая свою одежду и натягивая ее серией взрывных движений.

Это такой внезапный переход от мира, которым мы только что наслаждались, что я слишком ошеломлена, чтобы сначала это осознать. Но затем адреналин очищает мой разум, и я тоже начинаю двигаться.

"Что случилось? Слава опять болен? Я хватаюсь за свое платье, и мое сердце разрывается от горла, когда я натягиваю его.

Николай уже стоит у задней стены, прижимая ладонь к гладкой белой поверхности. — Слава в порядке, — мрачно говорит он, когда часть стены отодвигается, открывая моему изумленному взгляду комнату, полную оружия. — Это наши охранники. Аркаш сообщил Павлу, что заметил что-то странное, и теперь Павел не может связаться ни с ним, ни с другими нашими людьми.

Я задыхаюсь, мой кулак взлетает, чтобы прижаться к моим губам. "Вы думаете-"
«Нас атакуют? Да." Он хватается устрашающего вида М16. — А если бы мне пришлось делать ставку, то я бы поставил на Леоновых.

49

Николай

Карие глаза Хлои расширены от страха и потрясения, когда я кладу свое оружие на стол и вывожу ее в коридор, где меня ждет Павел. Мое сердце бешено колотится в груди, адреналин струится по моим венам, когда я резко приказываю: «Отведите ее, Славу и Алину в безопасную комнату».

Он кивает, заключая Хлою в медвежьи объятия. — Людмила и они вдвоем уже внутри.

"Подожди!" Хлоя кричит, когда он поднимает ее и несет вниз по лестнице. "Позвольте мне помочь. Я могу.."

Я не слышу, что она говорит дальше, потому что я уже в своем кабинете. Я не могу найти время, чтобы успокоить свой зайчик, когда каждую секунду приближает Алексея Леонова к нашей двери. И это должен быть он. Он должен быть тем, кто стоит за этим. Должно быть, наши лица попали на какую-то камеру наблюдения в больнице, и его хакеры выследили нас здесь. Это единственное объяснение, имеющее хоть какой-то смысл, единственный способ триангулировать наше местоположение.

Если бы это были только Павел и я, я бы не волновался. Мы обучены этому, готовы ринуться в бой в любой момент. Но Хлоя и Слава тоже здесь, как и моя сестра и Людмила. Мысль о том, что они в опасности, холодит мои кости и наполняет меня кислотой.

Я разорву Алексея Леонова на части голыми зубами, прежде чем дам ему забрать у меня сына. И если он повредит хотя бы один волосок на голове Хлои или Алины, я выпотрошу каждого члена его семьи.

С усилием я сдерживаю свою ярость и открываю ноутбук, чтобы просмотреть кадры с дрона и записи с камер периметра. Сейчас важно оценить ситуацию. Откуда наши нападающие? Каковы их номера? Моя грудь сжимается, когда я думаю об Аркаше и других наших охранниках, многие из которых мои друзья, хорошие люди с семьями дома. Сколько

из них уже убито? Сколько раненых?

Несмотря ни на что, я должен знать.

Я поднимаю ноутбук с пола и открываю его.

Экран темный и тихий, не отвечает, когда я пытаюсь включить его вручную.

Блядь. Падение, должно быть, повредило его.

Вместо этого я хватаю свой телефон — и чувствую, как стынет кровь.

Это та же история. Устройство мертво, экран черный, что бы я с ним ни делал.

Я оборачиваюсь и нажимаю выключатель на стене.

Оно работает.

Мой разум работает яростно, перескакивая с одной возможности на другую. Могли ли они отправить какой-нибудь ЭМИ, поджаривающий нашу электронику? Поэтому Павел не мог связаться с охраной? Потому что их устройства тоже были отключены? А как же телефон Павла? Разве он не заметил, что он мертв?

Если только этого не было в то время.

Если бы ЭМИ был сверхприцельным, он мог бы сначала поразить наших охранников по периметру комплекса, а затем поразить дом.

Я понятия не имею, как Алексей мог заполучить в свои лапы такое продвинутое оружие, но я знаю одно: Константин, параноидальный технарь, думал, что об ЭМИ-атаке не может быть и речи. Вот почему наш резервный генератор является аналоговым и находится внутри клетки Фарадея глубоко под землей, и поэтому наши основные линии электропередач также находятся под землей и защищены металлическими кожухами.

Ублюдки были бы рады отключить нас, я уверен, но им пришлось довольствоваться уничтожением наших дронов и камер.

До моих ушей доносится далекий *стук выстрелов*.

Спасибо бля.

Охранники должны быть еще живы и выполнять свою работу.

Я отбрасываю разряженный телефон в сторону и натягиваю бронежилет, затем пристегиваю несколько пистолетов и вешаю на плечо дюжину патронов. Я также беру два работающих радиоприемника из арсенала — как и обшитый металлом ящик с генератором, потайная комната — это клетка Фарадея.

Когда я заканчиваю, ко мне в кабинет врывается Павел, тоже вооруженный до зубов. — Телефоны и радио, они...

«Умер, я знаю. Здесь.» Я сунул ему в руки второе радиоустройство. "Пойдем. Пора Леоновым узнать, с кем они трахаются.

50

Хлоя

— Прекрати, Хлоя, — рывкает Алина, и я понимаю, что снова притопываю ногой — физическое проявление моего беспокойства, которое необъяснимо ее раздражает. В общем, она более взвинчена, чем я когда-либо ее видела, ее собственные движения дергаются, а ее спина так напряжена, что удивительно, как она может повернуть шею.

"Прости за это." Я переворачиваю Славу, чтобы он удобнее сидел у меня на коленях. — Я просто беспокоюсь за них.

Я держу ребенка не столько для того, чтобы успокоить себя, сколько для того, чтобы утешить его. На самом деле из нас четверых Слава беспокоится меньше всего — наверное,

потому, что не понимает масштаба угрозы, с которой мы сталкиваемся. Людмила сказала ему, что мы здесь в рамках учений по безопасности, и хотя я уверена, что он улавливает напряжение взрослых, он не подвергает сомнению объяснение.

Я бы тоже хотела быть спокойной, но это не так. Моя грудь сжимается мучительно, мои внутренности бурлят, как будто они работают на высокой скорости в стиральной машине. Я остро, с ужасом осознаю тот факт, что Николай находится где-то там, сражаясь лицом к лицу с неизвестным количеством врагов, которые могут быть Леоновыми, а могут и не быть.

Насколько нам известно, Брансфорд послал за мной целую армию убийц. Это вполне может быть моя вина, что мы в опасности.

Я снова ловлю себя на учащенном дыхании и заставляю себя вдохнуть глубже, чтобы избежать гипервентиляции. Безопасная комната — место, о существовании которого я не подозревала, пока Павел не бросил меня сюда, — вырублена в горе под гаражом и достаточно велика, чтобы считаться квартирой-студией, с большой двуспальной кроватью, двумя футонами, полностью укомплектованная мини-кухня, небольшая ванная и достаточное количество припасов в кладовой, чтобы пережить ядерную зиму. Теоретически кислорода здесь предостаточно, но мне все время кажется, что нам не хватает воздуха, будто стены с каждой секундой приближаются ко мне.

Николай где-то там, а я застрял здесь, не в силах ничем ему помочь.

— Ты можешь, блядь, остановиться? Алина вскакивает на ноги. Ее лицо вампирски бледно в белом свете светодиодной ленты на потолке, ее грудь вздымается, когда она смотрит на меня, и я понимаю, что непреднамеренно возобновил постукивание ногой.

Прежде чем я успеваю огрызнуться — она не единственная, у кого нервы на пределе, — Людмила говорит что-то по-русски. Хотя ее круглое лицо тоже бледно, тон ее голоса успокаивает, и Алина снова ложится на свой футон, откидывая назад волосы трясущейся рукой, прежде чем пригладить их поверх красного вечернего платья.

Я смотрю на нее, пораженный тем, насколько она расстроена, гораздо больше, чем когда у нас был инцидент со Славой. Она знает что-то, чего не знаю я?

Неужели мы в еще большей опасности, чем я осознаю?

Я сажаю Славу на кровать и иду к ней, цементный пол холодит мои босые ноги — в спешке, чтобы затащить меня сюда, мои босоножки на каблуках остались в кабинете Николая. Сидя рядом с ней на футоне, я тихо спрашиваю: «Ты в порядке?»

Она смотрит на меня, ее нефритовые глаза блестят слишком ярко.

— Что-то еще происходит? Я нажимаю. — Ты кажешься необычайно взволнованным — не то чтобы у вас не было веских причин для этого.

Она открывает рот, чтобы что-то сказать, затем качает головой. "Это ничто." Голос у нее напряженный. — У меня сильно болит голова, вот и все.

Конечно. Так бывает, когда она в стрессе. Бедняга. Я накрываю ее ледяную руку своей, радуясь, что могу сосредоточиться на чем-то другом, кроме собственного изнурительного страха. — У тебя есть лекарства?

"Нет."

Я смотрю на раскладную лестницу, ведущую в гараж. Каковы шансы, что я смогу сбежать наверх и быстро принести ей это?

— Даже не думай об этом, — огрызается Алина, читая мои мысли со сверхъестественным умением своего брата. — Если я захочу, я сам добуду. Но ни один из нас не должен...

Свет на потолке мерцает, когда громкий *грохот* сотрясает комнату, от чего мой желудок сжимается, а штукатурка падает на наши головы.

Мы, как один, вскакиваем на ноги, и я бросаюсь к Славе, глаза которого теперь расширились от страха. «Мама Хлоя». Его голос слабеет, когда я беру его на руки и кладу его крепкий вес на свое бедро. «Где папа? Мне это не нравится. Я хочу, чтобы он был со мной».

Я крепче обнимаю его. "Я тоже, дорогой. Я тоже. Но не волнуйся. Все будет хорошо. Твой папа скоро будет здесь. Нам просто нужно подождать». Надеюсь, Слава не чувствует, как меня трясет, и не видит выражение лица Алины.

Похоже, ее поместили в камеру смертников, а казнь назначена на сегодня.

Людмила должна это заметить, потому что она подходит к Алине и обнимает ее стройные плечи, бормоча что-то по-русски. Я ловлю слова «Алексей» и «брахт» — русское слово, означающее «брат», — и в сотый раз желаю знать больше русского языка.

Я также отчаянно хочу знать, что там происходит, в порядке ли Николай и Павел. В дополнение ко всем расходным материалам, в другом конце комнаты есть панель мониторов — предположительно, окно во внешний мир, — но единственное, что мы смогли увидеть на включенных мониторах, — это статические помехи.

— Как вы думаете, чем это вызвано? — спрашиваю я, не в силах больше молчать. Несмотря на все мои усилия, мой голос выдает мое волнение, ужасный ужас, гложет меня изнутри при мысли о том, что Николай может быть ранен. Крепче прижав Славу к себе, я стабилизирую тон. — Взрыв, я имею в виду. Ты думаешь—"

«Может быть РПГ». Голос Алины теперь ровный, странно бесстрастный, когда она высвобождается из поддерживающих объятий Людмилы, и хотя ее глаза все еще блестят болезненным блеском, ее черты снова спокойны. «Они могли запустить его в гараж, чтобы уничтожить наши машины и исключить возможность побега. Либо так, либо вручную заложили взрывчатку у входа в гараж — значит, они уже здесь, у дома.

А Николай тяжело ранен или убит.

Тошнота, скручивающая мой желудок, настолько сильна, что мне приходится сглатывать, чтобы сдержать рвоту. Мне нужно все, чтобы мой голос звучал ровно ради Славы. «Здесь есть оружие? Я несколько раз была на стрельбище, так что могу...

Алина уже идет к панели с мониторами, где прижимается ладонью к стене, как это делал Николай в своем кабинете. И, как и в его кабинете, стена отодвигается, открывая коллекцию оружия, которой мог бы гордиться любой торговец оружием.

«Мой брат все предусмотрел», — говорит она, беря в руки «Глок». «Вряд ли они найдут эту комнату в ближайшее время, но если они это сделают, мы готовы». Она заряжает ружье быстрыми, уверенными движениями, которые заставляют меня понять, что она была на стрельбище не раз.

На самом деле она может быть так же опасна с этим оружием, как и ее брат, а он смертелен. Я видела его в действии. Он может справиться сам.

По крайней мере, так я говорю себе, чтобы не сойти с ума, пока ставлю Славу, чтобы вооружиться. Он тут же хватается за ноги и смотрит на меня снизу вверх, в его огромных глазах скапливается влага. «Я хочу папу». Его нижняя губа дрожит. "Где он?"

Я глажу его шелковистые волосы, моя грудь мучительно сжимается. — Не знаю, дорогой, но я уверен, что мы скоро его увидим. А пока нам просто нужно подготовиться, хорошо? Так что твой папа знает, что мы не провалили это упражнение и что мы можем позаботиться о себе — что мы все сильные, как Супермен.

Слава всхлипывает, но отпускает мои ноги и отступает назад, чтобы дать мне пройти.

"Хороший мальчик." Я смотрю на Людмилу, чтобы посмотреть, сможет ли она взять его на данный момент, но она тоже вооружается, обращаясь с оружием с таким же впечатляющим мастерством, как и Алина. Что вызывает вопрос...

— Какого хрена мы здесь делаем? — выпалила я, на мгновение забыв себя. «Мы должны быть там, помогать им!» Понимая, что пугаю Славу, я понижаю голос, беру пистолет и начинаю его заряжать. — Может быть, кто-нибудь из нас сможет остаться здесь и присматривать за...

Еще один удар сотрясает посуду на кухне, и с потолка сыплется еще больше штукатурки. Огни мигают несколько раз, затем мигают, погружая нас в крошечную тьму.

В наступившей тишине слышно только мое прерывистое дыхание и приглушенный звук выстрелов над головой.

51

Николай

Мое радио с треском оживает, когда я выхожу из дома. «Кирилов здесь. Ты меня понимаешь?"

Мой желудок слегка распутывается. «Это Николай. Я читаю тебя». Охранники, должно быть, поняли, что происходит, и схватили запасной запас радиоприемников из своего арсенала клетки Фарадея. «Отчет о состоянии, немедленно».

«Двенадцать хорошо вооруженных нападающих с северной стороны стены, пятнадцать у ворот. Мы убрали половину из них и задержали остальных. Дроны и камеры не работают, и мы потеряли связь с Аркашем и Иванко у восточной стены.

Блядь. Это означает, что, скорее всего, произошел взлом. — Бери тех, кого можешь выделить, и отправляйся туда. Также пришлите подкрепление к дому — они могут понадобиться нам с Павлом.

"В теме."

Радио замолкает, и я ускоряю шаг. Если наши враги уже здесь, внутри периметра, остается очень мало времени, чтобы подготовить важную линию обороны — бомбы, которые я закопал вокруг дома.

Первый находится на подъездной дорожке, ровно в трех с половиной метрах от входной двери. Ступив на слегка отмеченный участок гравия, я достаю брелок удаленной активации и ввожу булавку, необходимую для синхронизации его со взрывчаткой под ним. Это можно сделать только на близком расстоянии, чтобы никто не мог случайно взорвать бомбу, выхватив устройство из моего офисного сейфа. Не то чтобы это было правдоподобно, поскольку Павел был единственным человеком, который знал код моего сейфа, но поскольку мой сын всегда играл здесь, я не мог рисковать.

Вторая бомба находится в юго-восточном углу дома, третья у гаража. Я синхронизирую дистанционные активаторы с ними обоими и рацией с Павлом, чтобы проверить, как он продвигается внутри дома, часть которого — сверхпрочные металлические ставни, закрывающие окна, — я уже вижу.

«Все готово, — сообщает он. — Я иду на крышу.

— Я присоединюсь к вам через минуту.

Когда мы расположимся по двум углам, никто не сможет подойти к дому незамеченным, а снайперские винтовки и пулеметы, которые мы там разместили, сдержат

кого угодно, кроме армии.

Я собираюсь приказать Павлу взять дополнительные патроны, когда мое внимание привлекает какое-то движение справа от меня. Я быстро захожу за толстое дерево и с яростью и недоверием наблюдаю, как из леса дюжинами высыпают фигуры в черном снаряжении типа спецназа.

52

Николай

Я насчитываю тридцать три захватчика, прежде чем открыть огонь, целясь, как я подозреваю, в брешь в их полной броне. Надо отдать должное Алексею — это операция военного уровня, в которой участвует полноценная, хорошо оснащенная армия.

Они пришли подготовленными к войне, а война — это то, что я собираюсь им дать.

Я не думаю о Хлое, Алине и моем сыне, спрятанных в безопасной комнате под домом, не сосредотачиваюсь на том, что с ними будет, если я потерплю неудачу. Я не могу, если я хочу добиться успеха. Передо мной гораздо большая, чем предполагалось, сила; как бы мы ни были готовы к атаке, она не была такой свирепой или масштабной.

Я недооценил, как сильно Леоновы хотят вернуть Славу, на что готов пойти Алексей, чтобы забрать у меня моего сына — его племянника. Если только... Слава не единственный член моей семьи, за которым он охотится.

Но нет. Это безумие. Этот брачный контракт всегда был шуткой больного, бесполезным, беззубым клочком бумаги.

Алексей не может привести эту армию, чтобы заполучить Алину.

Мои пули сбивают пятерых захватчиков, прежде чем они понимают, где я, и открывают огонь в мою сторону. Я выжидаю десять секунд, позволяя их пулям отрывать куски коры от моего дерева, затем стреляю в ответ, не удосужившись прицелиться. Теперь цель состоит в том, чтобы выиграть время для Павла, чтобы добраться до крыши, и для прибытия нашего подкрепления — если они когда-либо придут.

Учитывая численность, с которой мы столкнулись, возможно, Кирилова и его людей уже уничтожили.

Град пуль рикошетом отскакивает от ближайших деревьев, промахиваясь в сантиметрах от моего плеча. Я мрачно понимаю, что люди Алексея подходят ближе и расходятся веером. Если я останусь здесь, меня тут же окружают, но если я сбегу, их пули косят меня еще быстрее.

Приняв решение, я падаю на живот и размазываю грязь по лицу, чтобы скрыть светлый оттенок кожи. Затем я осторожно выглядываю из-за дерева, используя высокие сорняки вокруг себя как прикрытие.

Как я и подозревал, нападавшие разделились на две группы — одна, чтобы окружить меня, другая, чтобы продолжить движение к дому. Восемь одетых в черное фигур находятся на подъездной дорожке, приближаясь к входной двери, а еще пятеро ползут вокруг дома к гаражу, предположительно пытаюсь проникнуть оттуда в дом.

Мое сердцебиение гремит в ушах, пот заливает мою спину, когда новый град пуль поднимает вокруг меня комья грязи, но я жду, неподвижный и молчаливый, все мое внимание сосредоточено на угрозе моей семье, женщине и ребенку, которые Вся моя жизнь.

Если я смогу спасти их, я умру счастливым.

Если я смогу обеспечить их безопасность, все остальное не имеет значения.

Я жду, и когда наступает подходящий момент, я взрываю бомбу на подъездной дорожке, а через секунду — бомбу у входа в гараж. Они взрываются с силой фугасов, разрывая на части всех в радиусе трех метров и окрашивая ночной пейзаж в красный цвет.

Они также отвлекают мужчин, охотящихся на меня, которые оборачиваются, чтобы увидеть, как их товарищей по команде разрывает на части. Две секунды — это все, что я могу купить, но этого достаточно, чтобы вскочить на ноги и броситься к группе деревьев у гаража, обогнув линию тяжеловооруженных мужчин передо мной. Моя цель проста: любой ценой защитить вход в гараж, не пуская их в подземную безопасную комнату.

Когда я бегу, мимо моего уха просвистела пуля. Другой целует мой бицепс жалящим огнем.

Они на меня.

Закончилось.

На меня нисходит какое-то особое спокойствие, уверенность в том, что смерть приближается. Мое сердцебиение фаталистически замедляется, но тело продолжает двигаться, мышцы ног напрягаются с большим усилием. Какое-то шестое чувство заставляет меня резко наклониться вправо, затем влево, но пуля все еще задевает мое правое плечо, оставляя за собой еще одну полосу огня.

Группа деревьев теперь ближе, в нескольких длинных прыжках, но даже метр слишком далеко, когда вы находитесь на открытом воздухе, а хрен знает сколько пушек выплевывает смертоносные куски свинца.

Инстинктивно я сворачиваюсь и переворачиваюсь, и несколько пуль просвистывают надо мной, как раз там, где должны были быть мое туловище и голова. Я знаю, что следующий набор пуль не одурачить, но как только я готовился почувствовать, как они пронзают мою плоть, сверху раздается сильный взрыв звука, и мой пульс учащается, когда я узнаю грохот машины. пистолет.

Павел поднялся на крышу.

Наконец-то у меня есть прикрытие.

Конечно же, он косит одетые в черное фигуры, когда они разбегаются в сторону леса, а я добираюсь до группы деревьев и добавляю свой огонь к усилиям Павла. Вскоре все наши атакующие — то есть те, кто еще может двигаться — отступили, их ответная стрельба затихла, пока они укрывались.

Пулемет тоже перестал стрелять.

Я вытираю пот и грязь с лица и включаю радио. «Кирилов? Вы там?»

Треск, за которым последовала статика.

Блядь.

Я переключаю каналы. — Павел?

"Все еще здесь. Но я думаю, что они забрали большую часть наших людей.

Я игнорирую острую боль в груди. "Я знаю. Это будет чертовски долгая ночь».

Говоря это, я осматриваю лес в поисках любого намека на движение. По моим подсчетам, только двадцать четыре из наших нападавших находятся на земле, девять пропали без вести, плюс сколько их товарищей выжило в битве с нашей охраной.

Я так сосредоточен на своей задаче, что почти не замечаю темную фигуру, выплывающую из тени прямо у входа в гараж, и к тому времени, как я направляю на неё пистолет, уже слишком поздно.

Когда враг уклоняется от моих пуль, дверь гаража разлетается на куски, ударная волна

чуть не разрывает мои барабанные перепонки.

53

Николай

Я начинаю действовать до того, как звук взрыва стихает.

— Прикрой меня, — шиплю я в рацию и бегу к горячей яме в гараже, не обращая внимания на пронзительный звон в ушах.

Я должен добраться до гаража до того, как нападавший оправится от взрыва.

Я должен перехватить его, пока он не проник внутрь и не нашел безопасную комнату.

Пока я бегу, пули бьют по земле вокруг меня, поднимая куски травы и грязи, но пулемет Павла удерживает стрелков достаточно далеко, чтобы они не могли прицелиться.

Чем ближе я подбираюсь к гаражу, тем очевиднее становятся масштабы повреждений. Ублюдок, должно быть, приклеил взрывчатку прямо к нижней части двери, так как сила взрыва не только разорвала тяжелый металл, но и оставила в полу вокруг него почерневшую дыру. И — блять . Это действительно оголенные провода.

Взрыв, должно быть, отключил электричество и в безопасной комнате.

Он не останется снаружи; Через несколько минут включится второй резервный генератор, но я могу только представить, как сейчас должны быть напуганы Хлоя и Слава. Какими бы толстыми ни были потолок и стены убежища, они никак не могли не услышать этот взрыв — или, если подумать, бомбу, которую я взорвал поблизости.

Независимо от того. Я утешу их, как только мы все будем в безопасности.

Кстати говоря, где этот ублюдок, устанавливающий бомбы? Неужели слишком много надеяться, что этот ублюдок не выжил после собственного взрыва?

Мое сердце выбрасывает чистый адреналин, мои нервы трепещут от обостренного осознания, когда я шагаю через горящее отверстие в темный гараж, затаив дыхание, чтобы не вдохнуть дым. Это бесполезно; по мере того, как я продвигаюсь глубже, я понимаю, что дым заполнил каждую щель пространства, местами настолько густой, что затмевает красное сияние пламени.

Тихо ругаясь, я отрываю кусок ткани от низа рубашки и прижимаю импровизированный носовой платок к лицу, чтобы не закашляться, когда я обхожу один из наших внедорожников, сканируя туманную тьму в поисках признаков движения... прислушиваясь к чьему-то кашлю.

А потом слышу.

Одиночный кашель, за которым следует полномасштабный приступ кашля, только это не мужской горловой хрип, а мелкий, пронзительный.

Кашель маленького ребенка.

54

Хлоя

«Слава? Слава, где ты? Я ощупываю себя в темноте, мое сердце бешено колотится, когда я засовываю пистолет в кобура. «Алина, Людмила, вы здесь? Где он? Я не могу найти Славу.

— Он был рядом с тобой. Тон Алины такой же напряженный, как и мой. «Слава! Славочка, ты где?»

Без ответа.

Я оборачиваюсь, раскинув руки. «Слава! Это не игра. Мы не играем в прятки. Людмила,

ты его видишь?

"Нет." Она звучит так же обеспокоенно. «Может, ему больно. Я ищу сейчас свет».

Верно. Здесь должны быть какие-то фонарики. Я зажмуриваю глаза, затем открываю их, пытаюсь заставить свое зрение привыкнуть к темноте, и, к моему удивлению, это работает.

Теперь вокруг меня не крошечная тьма. На самом деле, слабый свет исходит с другой стороны комнаты.

Сторона, где находится лестница.

Мое сердцебиение еще больше ускоряется, когда я направляюсь к нему, изо всех сил стараясь не споткнуться. «Слава? Слава, иди сюда! Моя паника растет с каждой секундой. Мало того, что ребенок пропал, так еще и я начинаю чувствовать что-то резкое и едкое.

Дым.

«Слава!» Мой голос становится выше и громче, когда все больше света достигает моих глазных яблок, наполняя желудок холодным ужасом.

Сомнений, куда делся Слава, больше нет.

Потолочная дверь на вершине лестницы открыта.

55

Николай

Ужас, который охватывает меня, настолько абсолютен, что на мгновение я был уверен, что ослышался, что детский кашель был не чем иным, как галлюцинацией, вызванной всем этим дымом.

Это не может быть мой сын. Он внизу, в безопасной комнате, где чертовски безопасно. Где он должен быть с Хлоей и моей сестрой.

Но нет. Снова этот кашель, за которым следует до боли знакомое: «Папа? Папочка?"

Мой желудок — ледяной шар, но я сохраняю присутствие духа, чтобы не закричать, что я здесь, на случай, если враг тоже внутри. Вместо этого я спускаюсь и приседаю и иду туда, где слышу голос Славы — шаг, который помогает мне дышать более чистым воздухом, так как выше дыма больше.

Тем не менее позывы к кашлю усиливаются, ядовитые частицы заполняют мои легкие. Моя грудь судорожно вздымается, глаза слезятся от усилия подавить рефлекс, и я знаю, что скоро выдам себя.

Я должен найти Славу как можно скорее.

"Папа? Где ты?"

Блядь. Его голос звучит издали.

Он направляется к воротам гаража, пытаюсь избежать дыма.

Какого хрена он сам по себе? Что-то случилось с Хлоей и Алиной?

Прижавшись к полу, я спешу за ним, мое сердце тяжело стучит, а легкие продолжают кричать, что мне нужно откашляться, чтобы выгнать загрязненный воздух.

"Папочка?"

Крошечная фигурка Славы ненадолго очерчивается отблесками пламени, затем он шагает через горящую дыру, исчезая снаружи.

Черт возьми. Тяжело кашляя, я вскакиваю на ноги и бросаюсь бежать.

Если я поймаю пулю, так тому и быть.

Я выбегаю наружу с оружием наизготовку и вижу его.

Мой сын, стоящий всего в нескольких метрах, его маленькое лицо просветлело при виде меня.

"Папочка!" Он машет ножом в воздухе. «Я пришел помочь — как Супермен».

Мое сердце колотится от смеси страха и облегчения, когда я направляюсь к нему — только для того, чтобы замереть на месте, когда темная фигура исчезает из тени позади него, направив на меня пистолет.

— Иди сюда, Славчик, — говорит Алексей Леонов, одной рукой сдергивая маску, открывая черные глаза, светящиеся светом трещащего пламени позади меня. — Теперь ты в безопасности, малыш. Твой дядя пришел забрать тебя домой.

56

Хлоя

Забыв обо всем, я поднимаю длинную юбку своего платья и поднимаюсь по лестнице, мой ужас растет, когда я пробираюсь через открытую дверь в потолок, и меня окутывает более густой дым, едкий запах змеится в ноздри и заставляет мои глаза гореть.

«Слава!» Я кашляю, вглядываясь в туманную красноватую тьму. «Слава, вернись!»

Ничего такого. Нет ответа.

— Хлоя, подожди!

Не обращая внимания на крик Алины, я полностью вылезаю наружу и осматриваю дымный ад внутри гаража. Это похоже на сцену из фильма-катастрофы: покрытые штукатуркой автомобили с разбитыми окнами и мерцающим пламенем у большой металлической двери — двери с гигантской горячей дырой.

Мой пульс зашкаливает, и я бросаюсь бежать, не обращая внимания на осколки стекла и похожие на камни куски разбитого бетона, впивающиеся в мои босые ноги. Боль ничто по сравнению с ужасной болью в животе.

В эту дыру, должно быть, ушел Слава.

Должно быть, он поднялся сюда сразу после взрыва и выбежал наружу, прямо на бог знает какую опасность.

По крайней мере, сейчас не слышно выстрелов, но это может измениться в любой момент. Кашляя, я вытаскиваю тяжелый пистолет из-под корсажа и крепко сжимаю его обеими руками, чтобы он не выскользнул из моих потных пальцев.

«Слава!» Я бегу через дыру, не обращая внимания на пламя, пожирающее ее края, но тут же останавливаюсь, охваченный ужасом.

Передо мной сцена прямо из вестерна: Николай и неизвестный мужчина, наведенные друг на друга пистолеты в смертельном противостоянии, а посередине — широко раскрытый Слава.

57

Хлоя

Задыхаясь, я поднимаю пистолет, наводя ствол на незнакомца. — Бросай оружие и отступай!

Я хочу звучать авторитетно, но вместо этого мои слова вырываются хриплым, дрожащим хрипом, в горле пересохло от дыма.

Темный взгляд мужчины на миллисекунду скользит по мне, но он не двигается ни на дюйм. — *Иди сюда*, Славчик. Его глубокий голос утрачиваете спокоен. «*Быстро*».

К моему удивлению, я узнаю первую часть русской фразы.

Иди сюда, сказал незнакомец, используя другое уменьшительное имя ребенка.

Взгляд Николая не отрывается от лица противника, хотя я знаю, что он знает о моем присутствии. Я чувствую исходящее от него смертельное напряжение, вижу, как сжимаются его твердые челюсти.

«Мой сын никуда с вами не пойдет», — рычит он по-английски незнакомцу. «Славочка, отойди от меня. Иди сейчас».

Слава выглядит сбитым с толку, его взгляд скользит туда-сюда между двумя мужчинами. «*Дядя Леша? Папа?*»

Дядя. Напрягаю мозг для перевода, и тут до меня доходит.

Дядя, это слово означает. А *Лёша*, наверное, уменьшительно-ласкательный для *Алексея*.

Николай был прав. Это *Леоновы* или, по крайней мере, один из них.

дядя Славы.

Пистолет тяжеловат в моих вытянутых руках, гораздо тяжелее, чем его изображают в кино. Мои плечи и мышцы шеи начинают болеть, предплечья устают от того, что я так крепко сжимаю оружие. Не обращая внимания на дискомфорт, я держу его направленным на мужчину, мой разум лихорадочно крутится, пытаюсь придумать выход из этой долбанной ситуации.

После всего, что Николай рассказал мне о Леоновых, я почти ожидала рогов и хвоста, и есть *что* — то демоническое в резких чертах Алексея, особенно в его глазах. Они настолько темные, что кажутся черными, что заставляет меня думать о смолистых лужах в недрах вулкана с красноватым оттенком от мерцающего пламени, отражающегося в них. И все же мужчина не уродлив, это далеко не так.

Если бы Николай не установил невероятно высокую планку мужской красоты, дядя Славы мог бы показаться мне опасно привлекательным.

Не то чтобы его внешний вид имел значение, когда он держал пистолет, направленный на Николая, — и *его* мускулистые руки не выказывали никаких признаков усталости. Николая тоже нет. Оба мужчины словно сделаны из стали, их лица напряжены от взаимной ненависти.

Слава же, похоже, не разделяет этого чувства. Во всяком случае, он, кажется, разрывается между отцом и дядей, его голова мотается взад-вперед, его поза говорит о недоумении от напряжения между двумя взрослыми, а не о страхе перед захватчиком.

Если ребенок и подвергался жестокому обращению, живя в семье матери, то не по вине этого человека.

Приняв решение, я осторожно продвигаюсь вперед. Как бы я ни боялся за Николая, я должен убрать Славу с прямой линии огня.

— Славочка... — я делаю свой голос как можно спокойнее и нежнее. "Пожалуйста, подойди ко мне. Мама Хлоя нуждается в тебе здесь."

Мальчик не двигается. Каким-то образом он должен чувствовать, что его присутствие — единственное, что удерживает насилие от эскалации.

Рискну сделать еще полшага вперед, и Слава наконец двигается, бросаясь ко мне. Как только он оказывается достаточно близко, я хватаю его за руку и толкаю за спину, блокируя своим телом, когда начинаю пятиться.

Незнакомец издает грубый смешок, его темные глаза мелькают на кольце на моем

пальце. — Мама Хлоя, да? Как и у Николая, его английский настолько же американский, насколько это вообще возможно. «Милая... если ты пошевелишь хоть одним мускулом, я вышибу тебе мозги, а потом и твоему дорогому мужу. Кстати, поздравляю со свадьбой, — продолжает он, пока я замираю на месте. — Я полагаю, свадьба была совсем недавно?

Глаза Николая прищурены, голос смертельно мягок. — Не твое гребаное дело. А теперь уходи, пока я не раскрасил землю *твоими* мозгами. Поскольку мы кажемся семьей и все такое, я позволю тебе уйти до того, как сюда придут охранники.

— Какие охранники? В острой улыбке Алексея сплошь белые зубы и жестокость. — Сейчас здесь только я и мои люди. И ты чертовски под кайфом, если думаешь, что я уйду без того, за чем пришел. Отдай сына моей сестры и Алину — и, может быть, только может быть, я оставлю тебя и твою хорошенькую невесту в живых. Учитывая, что мы собираемся стать еще более близкой семьей и все такое».

Я моргаю. Алина? Какое она имеет отношение к чему-либо? И что он имеет в виду по поводу более близкой семьи?

Голос Николая становится еще мягче, в каждом плавно произнесенном слого звучит смертельная угроза. — У тебя есть ровно тридцать секунд, чтобы заткнуться и отступить, прежде чем я открою огонь.

— Когда она и ребенок здесь? Я так не думаю». Его глаза скользнули по мне еще на миллисекунду. — Кроме того, мои снайперы держат вас обоих на прицеле.

У меня сжимается живот, но Николай только скалит зубы. "Фигня. У них нет четкого выстрела».

"Нет? Хотите поспорить?» Алексей злобно усмехается. — В любом случае, все, что мне нужно сделать, — это подождать, и мои люди прикончат стрелка на вашей крыше — и в этот момент вы будете полностью окружены, а я возьму то, за чем пришел.

— Нет, если ты к тому времени умрешь. Выражение лица Николая — тёмный лёд. — У тебя осталось двадцать секунд. 19. 18..."

Мое сердцебиение учащается, мой ужас удваивается с каждой секундой. Он имеет это в виду, я это вижу — и Алексей тоже, чьи черные глаза тоже сузились. Пропахший дымом воздух настолько пропитан зарождающимся насилием, что я практически ощущаю вкус теплых медно-красных брызг крови, когда пули пронзают плоть и кости.

Один или оба из этих мужчин умрут здесь сегодня вечером.

Николай не позволит забрать сына, а Алексей не отступит.

Я должна сделать что-нибудь.

Если Николай прав в том, что у снайперов нет четкого выстрела, то нас двое против Алексея. Если я выстрелю, может быть...

"Остановись!" Словно привидение, Алина появляется из прокуренного мрака гаража. кроваво-красное платье контрастирует с призрачной бледностью кожи и угольно-черной завесой волос.

Как и я, она вооружена, но, в отличие от меня, она свободно держит пистолет на боку, ствол направлен в землю.

— Остановись, Алексей, пожалуйста. Она ступает через неровное отверстие, отблески угасающего пламени окрашивают ее нефритовые глаза в зеленовато-ореховый оттенок. — Слава никуда не денется, ты же знаешь. Мой брат не отдаст своего сына. И он не... — Ее голос ломается. — Он все равно не тот, кто тебе нужен.

Я втягиваю воздух, наконец понимая, что происходит. Этот мужчина и Алина — они

знают друг друга.

Более того, он думает, что у него есть какие-то претензии к ней.

— Алина, вернись. Тон Николая становится резче, когда вся поза Алексея меняется, в его демоническом взгляде вспыхивает ужасающий голод, когда он приковывается к лицу Алины.

Она поднимает пистолет, целясь ему в лицо. — У тебя есть выбор, — спокойно говорит она. — Я знаю, что ты отличный стрелок, но мой брат тоже — и я тоже. И Людмила там тоже. Она наклоняет голову в сторону темного гаража. «Может быть, ты убьешь одного или двоих из нас, прежде чем наши пули найдут вас, и, возможно, ваши снайперы помогут, но никто не уйдет невредимым. У вас может быть преимущество перед окружающими нас силами, но здесь мы превосходим вас численностью. Кроме того... — Ее голос приобретает сардонический оттенок. — Что хорошего во мне для тебя мертвого, верно?

— Алина, заткнись и возвращайся внутрь, — рычит Николай. — Тебе не нужно...

— Я пойду с тобой, — продолжает она, игнорируя брата. «Я выполню оброчный контракт. А взамен ты отзовешь своих людей и забудешь о моем племяннике. Ему место здесь, с его отцом и Хлоей — ты сам можешь это увидеть.

Глаза Алексея сверкают в мою сторону еще на долю секунды, всматриваясь в ребенка, которого я прикрываю своим телом, впитывая то, как он цепляется за мои ноги, наблюдая за происходящим огромными непонимающими глазами.

Вот почему они все говорят по-английски, понимаю я отдаленным уголком своего разума. Они надеются, что Слава не все поймет с его все еще ограниченным знанием языка — и это, по крайней мере, частично работает. Он может видеть, как взрослые направляют друг на друга пистолеты, но не совсем понимает, почему.

Взгляд Алексея возвращается к Алине, черные глаза горят еще более темным голодом. "Хорошо. У нас есть сделка. Положи пистолет и иди ко мне.

«Не делай этого, черт возьми». Голос Николая резковат. — Я могу взять его.

"Может быть." Она кладет оружие на землю. — Или, может быть, вы оба умрете. Возможно, Хлоя и Слава тоже. Подумай об этом."

У Николая сжимаются челюсти. — Я не позволю тебе сделать это.

Горькая улыбка касается ее губ. — Это не тебе решать, брат. И не мне. Вся эта судьба, в которую ты веришь? Что ж, моя была решена, когда мне было пятнадцать, и пора мне перестать от нее убегать. Вы с Константином достаточно долго защищали меня.

Николай собирается спорить дальше, я вижу, но она предупреждает дальнейшее обсуждение, быстро подходя к Алексею, который хватает ее за локоть и притягивает к себе, как только она оказывается в пределах досягаемости.

Тот собственнический способ, которым он прижимает ее к себе, не оставляет сомнений в его намерениях, его темная фигура, нависшая над ней, заставляет меня думать об Аиде, утаскивавшем Персефону в подземный мир.

Николай должен видеть то же самое, потому что его лицо искажается от ярости, и он делает полшага вперед — только для того, чтобы остановиться, когда палец Алексея предостерегающе нажимает на спусковой крючок.

— Не надо, Коля. Глаза Алины ярко блестят, когда Алексей начинает пятиться к линии деревьев, волоча ее за собой, не сводя с Николая пистолета. "Я буду в порядке. Просто позаботься о Хлое и Славе, и увидимся как-нибудь в Москве, хорошо? И скажи Константину, чтобы не искал меня. Я не хочу, чтобы за меня пролилась кровь!"

Последние слова доносятся до нас как крик издалека, и взгляд Николая горит ненавистью, когда он наблюдает, как его враг исчезает во тьме со своей добычей, тени смыкаются вокруг них, как яростные объятия влюбленного.

58

Хлоя

Я просыпаюсь под какофонию дрелей и молотков вдалеке — знакомый саундтрек последних нескольких дней. С момента нападения на прошлой неделе и в доме, и на территории комплекса был проведен капитальный ремонт и модернизация системы безопасности, в том числе в пять раз увеличилась численность наших охранников.

Николай полон решимости сделать так, чтобы никто, будь то Леоновы или какой-то другой наш враг, не смог снова пробить наши стены, сколько бы наемников или передового оружия они не имели в своем распоряжении.

Открыв глаза, я вижу пустой матрас рядом со мной и слабый утренний свет, просачивающийся сквозь жалюзи. Еще только рассветает, так что мой муж, должно быть, рано встал на видеоконференцию с братьями по поводу продолжающихся поисков Алины, если он вообще спал прошлой ночью. К моему большому беспокойству, его ночные пробежки увеличились как по частоте, так и по продолжительности после нападения, настолько, что я не знаю, когда он вообще отдыхает.

Дверь распахивается, и предмет моих размышлений входит в спальню.

Я сажусь, мое сердце сжимается от унылого выражения его лица.

"Ничего такого?" — тихо спрашиваю я, когда он пересекает комнату ко мне.

Он качает головой. «Как будто они исчезли с лица этой гребаной планеты. Константин думает, что он держит ее где-то совершенно вне сети, но где тут можно догадаться.

"Я так виновата." Я протягиваю руку, чтобы сжать его руку, когда он сидит на краю кровати, но вместо этого он тянет меня к себе на колени. Крепко обхватив меня своими мощными руками, он зарылся лицом в мои волосы и глубоко вдохнул.

Когда он отстраняется, чтобы встретиться со мной взглядом, напряжение на его лице немного спадает. Обхватив мою щеку, он тихо спрашивает: «Как ты себя чувствуешь, зайчик? Хорошо ли спалось?"

Я поворачиваюсь лицом, чтобы поцеловать его ладонь, прежде чем положить его руку на свою грудь. "Да." Я улыбаюсь, чтобы развеять затянувшееся беспокойство в его глазах. — Я в порядке, обещаю.

Сказать, что Николай нянчился со мной последние несколько дней, было бы большим преуменьшением. Хотя несколько неглубоких порезов и синяков на моих босых ногах были серьезной степенью моих травм, он обращался со мной так, как будто я получил еще одно огнестрельное ранение или, по крайней мере, получил серьезную травму. И хотя это правда, что мне снова снятся кошмары, я далека от того, чтобы сдаться.

Не то чтобы я не беспокоюсь об Алине — беспокоюсь. Николай рассказал мне о договоре о помолвке их отца с Борисом Леоновым, когда Алине едва исполнилось пятнадцать, и если у меня еще были какие-то сомнения в том, что этот человек заслужил свою судьбу от рук Николая, они в этот момент исчезли.

Неудивительно, что Алексей вел себя так, будто у него есть на нее претензии. По этому варварскому — и, несомненно, незаконному — контракту он это делает. Я могу только надеяться, что его чувства к ней выходят за рамки темной похоти, которую я увидела на его

лице той ночью, и что он не такой ужасный человек, как предполагает его репутация.

Губы Николая изгибаются в ответной улыбке, когда он пытается сбросить меня с колен, но я обнимаю его за шею, отказываясь отпустить. — Ложись со мной, пожалуйста, — шепчу я ему на ухо. — Я еще не готова вставать.

Как бы я ни беспокоилась об Алине, я почти так же беспокоюсь о том, как тяжело Николай переживает случившееся. Он не спал ни одной приличной ночи за последнюю неделю, и это видно по более темным впадинам вокруг его поразительных глаз, более глубоким бороздкам вокруг его чувственного рта... его неумолимая одержимость Славой и моей безопасностью.

Николай не только отказался убрать камеры из дома, когда я попросила, но и заставил меня и Славу носить браслеты-трекеры, которые сообщают ему наше точное местоположение и постоянно измеряют наши жизненные показатели.

Я решил пока не спорить с ним по этому поводу, поскольку у нас были гораздо более важные проблемы, на которых нужно было сосредоточиться, в том числе похороны павших стражников — еще одна причина мрачного настроения Николая. В этой атаке погибло более дюжины наших бойцов, еще несколько были тяжело ранены, хотя, к счастью, среди первых не было большинства армейских друзей Николая.

Солдаты Алексея зажали их в овраге, не давая им прийти к нам на помощь или позвать на помощь по рации, но все, кроме Иванько, выжили. Ожидается, что даже Аркаш, получивший пулю в опасной близости от позвоночника, полностью выздоровеет.

Другим ярким пятном во всем этом является Слава. Как только мы объяснили, что увиденное было частью учений по охране, а Алина уехала в отпуск с «дядей Лёшей», мальчик сразу же вернулся к своему жизнерадостному состоянию, приставая ко мне, Павлу и Людмиле с миллионом вопросов о новых охранниках и строительстве на территории комплекса.

— Зайчик... — голос Николая становится более хриплым, когда я так невинно прикасаюсь губами к его мочке уха. — Хотел бы я присоединиться к вам, но сегодня утром у меня много работы.

Конечно, он это делает, но это может подождать, пока он не выспится. Отбросив всякое притворство невинности, я упираюсь задом в растущую выпуклость в его штанах и целую твердую нижнюю часть его челюсти. «Пожалуйста... пожалуйста».

Если и есть что-то, на что не повлияли события прошлой недели, так это сексуальное влечение Николая — и, конечно же, этого поцелуя — все, что ему нужно, чтобы перевернуть меня на спину и трахать, пока мы оба не вспотели, не заболели и не более чем довольны. И, как я надеялась, достаточно вымотанные, чтобы уснуть... по крайней мере, те из нас, кто не спал ни разу.

Я жду, пока не уверюсь, что Николай глубоко погрузился в сон, прежде чем осторожно вылезать из-под его руки и идти в ванную, чтобы принять душ и подготовиться к новому дню.

Когда я выхожу, он все еще спит, и на его красивом лице лежит печать усталости. Нежно улыбаясь, я некоторое время наблюдаю за ним. Затем я плюхаюсь в шезлонг у окна и открываю свой ноутбук, чтобы проверить новости, как я делал каждое утро в течение последних нескольких дней.

Как мы и надеялись, с тех пор, как всплыла история о его нападении на Машу, появилось больше жертв Брансфорда, и не только две женщины, которых нашел Николай. Каждый день приносил свежие, все более ужасающие откровения... вот почему я так

пристрастился к новостям.

Каждый проклятый заголовок мстит за мою маму еще больше.

Открывая браузер, я захожу на свой любимый новостной сайт и замираю от слов, выплеснувшихся на экран:

БРЭНСФОРД ПОКОНЧИЛ САМОУБИЙСТВО В НОМЕРЕ ОТЕЛЯ

Вздутие живота, я нажимаю на статью.

Судя по всему, около тридцати девяти минут назад Тома Брансфорда нашли в пентхаусе Four Seasons с перерезанными запястьями, а предсмертная записка у его кровати не оставляла сомнений в том, что произошло.

То есть мало сомнений для тех, кто не знает моего мужа и то, на что он способен.

Отложив ноутбук, я встаю и иду к кровати, мое сердце бьется неровно, когда я смотрю на спящего там мужчину — мужа, которого я полюбила больше жизни.

Он сделал это?

Решил ли он, что, даже лишенный своей политической привлекательности и находящийся на грани уголовного преследования, Брансфорд представляет для меня слишком большую угрозу?

Неужели Маша или кто-то вроде нее пробрался в пентхаус Four Seasons и устроил все так, будто Брансфорд покончил с собой — так же, как его убийцы сделали с моей мамой?

Я должна разбудить Николая и потребовать ответа на эти вопросы, заставить его признать правду — но я знаю, что не стану. Не потому, что я все еще боюсь столкнуться с тьмой внутри него, а потому, что я понимаю, что эта конкретная правда не имеет для меня значения.

Самоубийство или убийство, Брансфорд ушел, и та мстительная часть меня — часть, которой я хотела притвориться, что ее не было, — счастлива. Нет, более чем счастлива. Я прямо в восторге.

Будь то рука Николая или его собственная, Том Брансфорд получил именно то, что заслужил.

Я стою у кровати еще минуту, впитывая явное облегчение от этого знания, поднимая вес, которого я не осознавал, все еще лежавший на моих плечах. Я позволяю этому ощущению просочиться наружу, когда думаю о смертоносной красоте лица моего мужа и ужасной тьме в его душе — тьме, которая, как я теперь понимаю, существует и во мне.

Затем осторожно, чтобы не прерывать столь необходимый ему отдых, я ложусь рядом с ним и кладу руку ему на грудь. Его глаза не открываются, и его дыхание не меняется, но он поворачивается и прижимает меня к себе, его мощное тело изгибается вокруг меня, согревая меня, ограждая от мира.

Моя грудь расширяется, мое сердце так переполнено, что кажется, оно вот-вот взорвется. Всего пару месяцев назад я была сиротой в бегах от убийц своей матери, женщиной, совершенно одинокой в мире, чья продолжительность жизни измерялась днями. Теперь у меня есть муж и сын, и будущее, полное возможностей.

Может быть, мы останемся здесь на следующие несколько лет, и я устроюсь учителем в местной школе — школе, которую будет посещать и Слава. А может, поедем в Москву, и Николай снова возьмет бразды правления своей семейной организацией со всеми вытекающими отсюда последствиями. А может быть, это будет что-то совсем другое, путь, который я сейчас даже не могу себе представить.

Каким бы ни был этот путь, куда бы мы ни пошли отсюда, не имеет значения.

Пока у меня есть мой темный защитник, я ничего не боюсь.
Вместе мы с Николаем можем покорить весь мир.

об авторе

Анна Зайрес — корреспондент *New York Times*, *USA Today* и автор бестселлеров № 1 в мире среди научно-фантастических романов и современных мрачных эротических романов. Она полюбила книги в пять лет, когда бабушка научила ее читать. С тех пор она всегда частично жила в мире фантазий, где единственными ограничениями были пределы ее воображения. В настоящее время проживая во Флориде, Анна счастлива в браке с Димой Залесом (автором научной фантастики и фэнтези) и тесно сотрудничает с ним во всех своих произведениях.